

Пис. О. Книгениской... 1817.

Грав. Н. Уткинъ.

Рис. В. Лавров.

Грав. М. Теткин.

С Ъ В Е Р Н Ы Е

Sievernnye Esviety

Sievernnye Esviety

Ц Ъ Т Ы

W. 4. 8877 018 893

P. II

НА 1828 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

~~RG 3201~~
~~85~~

891.708
S573
1825a
v. 4

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Е Н О

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было семь экземпляровъ сей книги въ Главный Цензурный Комитетъ, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, 3 Декабря 1827 года.

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П р о з а.

Стран.

Обзоръ російской словесности за 1827 годъ . . .	3
Паденіе Вендена. Историческая повѣсть . . .	83
Дѣ сестры, или которой отдасть преимуще-	
ство	151
Бедуинка. Восточная повѣсть	166
О жизни и сочиненіяхъ Карамзина	186
Возхожденіе солнца въ бурное осеннее утро . . .	205
Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія . . .	208
Гайдамакъ, отрывокъ изъ малороссійской по-	
вѣсти	227
О сочиненіяхъ Баратынскаго	301

П о э з і я.

Графъ Нулинъ	3
Море	18
Влегія	23

F203-285099

PG 3201

S5

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Е Н О

съ тѣмъ , чѣмъ по напечатаніи , до выпуска изъ типографіи , представлено было семь экземпляровъ сей книги въ Главный Цензурный Комитетъ , для препровожденія , куда слѣдуетъ , на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ , 3 Декабря 1827 года.

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П р о з а.

Стран.

Обзоръ російской словесности за 1827 годъ . . .	3
Паденіе Вендена. Историческая повѣсть . . .	83
Двѣ сестры, или которой отдасть преимуще- ство	151
Бедуинка. Восточная повѣсть	166
О жизни и сочиненіяхъ Карамзина	186
Возхожденіе солнца въ бурное осеннее утро . . .	205
Опрыски изъ писемъ, мысли и замѣчанія . . .	208
Гайдамакъ, опрысокъ изъ малороссійской по- вѣсти	227
О сочиненіяхъ Баратынскаго	301

П о э з і я.

Графъ Нулинъ	3
Море	18
Влелія	23

На смерть В...а	24
Отрывокъ изъ Бориса Годунова	25
Безвѣстность	28
Вечерній звонъ	29
Фирдоуси	30
Учанъ - Су	32
Три Сонета (изъ Мицкевича)	37
Пчела и Мотылекъ	40
Къ портрету Ломоносова	41
Къ часамъ, при отсылкѣ ихъ сестрѣ	42
Къ нянѣ	43
Характеристика	44
Псаломъ LXII	45
Къ П. А. П—ву, отвѣтъ на его посланіе	47
Элегія	51
Двѣ оды изъ Горация	52
Партизаны (отрывокъ)	55
Сѣлованіе (Израильская пѣснь)	57
Опроверженная пословица	58
Соловей	—
Ангель	59
Кончина благотворителя	60
Пророчество о Мессіи	61
Конь и жеребенокъ, басня (изъ Флоріана)	62
Жалоба на счастье	65
На смерть собачки: Амики	—
Сила надежды	67

Стран.

Посланіе къ Н. Ф—ву	68
Стансы	70
Надписи къ изображеніямъ въкопныхъ Итальянскихъ поэзовъ	71
Сочинителю посланій	75
Прекраснымъ глазамъ	—
Алексію Николаевичу Оленину, при доспавленіи послѣдняго изданія басень	77
Заспальная пѣсня	78
Цѣлокъ и терновникъ, басня	79
Руской романткѣ рускому класску	80
Переговоры въ Бѣлой Церкви (черпа изъ жизни Богдана Хмельницкаго)	—
Отрывокъ изъ поэмы <i>Балетный ветеръ</i>	84
Отвѣтъ	86
Надежды	88
Послѣдняя смерть	89
Утѣшеніе	93
Идиллія	94
Эпиграмма	95
Смерть	96
Падающія звѣзды (подраж. Беранжеру)	97
Черепъ (посланіе къ Д.)	100

Поправка. Подъ статью: *О жизни и сочиненіяхъ Карамзина*, на стр. 202, пропущено имя сочинителя. — Издатели *Свердловъ* Цед-товъ, виновны и не извиняясь въ семъ недосмотрѣ, долгомъ поспавляютъ исправить оный и сказать, что сочинитель упомянутой статьи *Н. И. Гречъ*.

Примѣчаніе. Къ сей книжкѣ прилагается заглав-
ная виньетка и портретъ *А. С. Пушкина*.

П Р О З А.

О Б З О Р Ъ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ЗА 1827 ГОДЪ.

Давно уже мы слышимъ упреки нашей словесности за ея скудость. Упреки сіи дѣлаются нашими же единосемцами, и повторяются чужестранцами. Отбросивъ всякое пристрастіе въ защиту или въ обвиненіе, постараемся разсмотрѣть справедливость сихъ упрековъ.

Образованность наша еще такъ нова, что нѣкогда было намъ и ожидать изобилія въ произведеніяхъ, истинно изящныхъ. Много ли и въ шѣхъ странахъ, гдѣ образованность нѣсколькими вѣками ранѣ явилась, нежели у насъ, — геніевъ истин-

ныхъ, произведеній образцовыхъ? Не подводя подъ сей итогъ древней Греціи и Рима, взглянемъ на Государства современныя: на Испалію, Англію, Францію и Германію; имена славнѣйшихъ писателей каждой изъ сихъ странъ знаемъ мы наизусть, и можемъ изчислить ихъ, почти не переводя духа; отличнѣйшія же творенія сихъ мужей вѣщаються, у каждаго изъ новѣйшихъ народовъ, въ небольшомъ числѣ томовъ. Остальное (я говорю о произведеніяхъ воображенія и вкуса) составляетъ разныя степени посредственности. Гдѣ же то необъятное число, гдѣ та ужасная несоразмѣрность, которою насъ запугали, сравнивая съ чужеземцами?

Если скудость сію примемъ мы не въ смыслъ изыскаго, а вообще всего печальнаго; то укоры, въ нѣкоторомъ отношеніи, будутъ справедливы, и

сей вопросъ необходимо подвергнешся большимъ и пространнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но и туть, кажется, можно отвѣчать на него точно и удовлетворительно.

Отъ чего у насъ мало книгъ? Отъ того, что мало читателей. «*Когда мало потребителей, то число производителей не можетъ быть велико,*» могъ бы сказать какой нибудь послѣдователь Ся или Адама Смита. У насъ есть публика читающая и публика нечитающая; послѣдняя превышаетъ первую въ неизвѣстной, но огромной пропорціи. Чтеніе не сдѣлалось еще у насъ всеобщою и повсемѣстною потребностію, какъ въ Англіи, Франціи и Германіи; даже въ томъ званіи людей, въ которомъ должно предполагать бѣольшую степень образованности, удовольствія ума и воображенія весьма часто уступаютъ

* *

удовольствіямъ чувствъ. Въ большихъ городахъ, особливо въ столицахъ, свѣтскіе расчеты и разсѣянность, потомъ облѣненіе тѣла и души, похищающъ все время; карты, изобрѣшеніе расчесливой праздности, своими нестрыми, обманчивыми листочками, заслоняющъ листы печатныхъ книгъ. Большая часть обласныхъ жителей, сельскихъ помѣщиковъ, гоняются не за новою мыслью, не за новымъ созданіемъ свосправнаго воображенія поэтовъ, а за зайцами и лисицами. Домоводство, тяжбы и другія заботы о наполненіи не ума, а кармана, присвоивающъ себѣ все время и все вниманіе самыхъ дѣятельныхъ.

Если перейдемъ къ Публикѣ читающей, то и въ ней находимъ два рода читателей. Первый изъ нихъ, и весьма многочисленный, состоитъ изъ *читателей не по руски*. Краснѣясь

признаемся, что у насъ и теперь еще есть люди, Рускіе по рожденію и по имени, и почти вовсе незнающіе природнаго своего языка, удивляющіеся, какъ можно писать на немъ, и просящіе, чтобы имъ переводили по французски то, чѣмъ восхищаются ихъ соотечественники. И теперь еще есть матери, пребывающія, чтобы дѣти ихъ чисто и правильно изъяснялись по французски и по англійски, и вмѣстѣ убѣжденные, что Рускимъ не нужно учиться по руски. Какъ будто бы знаніе природнаго языка вливается съ воздухомъ и проникаетъ въ умъ съ испареніями земли! Какъ будто бы можно чему научиться наптіемъ! Само по себѣ разумѣется, что сіи люди, ошученные воспитаніемъ опъ звуковъ роднаго языка, не спрашиваютъ и не заботятся, есть ли что новаго въ словесности россійской? Они вытвер-

дили съ дѣшства нѣсколько монологовъ изъ Расина, нѣсколько басень Лафоншеневыхъ; знаютъ о Байронѣ, Мурѣ и Валтерѣ Скофилѣ по наслышкѣ и восхищаются ими по передачѣ; этого и довольно для ежедневнаго ихъ обихода въ свѣтскомъ быту. Досаднѣе всего, что они не только не стыдятся, но даже хвалясь своимъ незнаціемъ опечественнаго языка и словесности его; и часто, съ умыслу, дѣлають о нихъ такіе вопросы, копорые были бы смѣшны и опъ иностранца, вовсе незнакомаго съ Россією и съ языкомъ рускимъ.

Правда, съ весьма недавнихъ лѣтъ не всѣ, а нѣкошорые изъ нихъ начинаютъ читать по руски и даже судить о пропзведеніяхъ русской словесности. Но въ сужденіяхъ своихъ они все примѣняють и приравнива-

юпть къ французскому: эшо, по ихъ разумѣнію, мѣрило всякаго вкуса и возможности литературной. По давно зашверженной поговоркѣ, многіе изъ нашихъ вѣряпть, что *словесность російская есть меньшая сестра французской*; и въ силу шакого названнаго родства хопяпть, что бы *меньшая сестра* наряжалась, румянилась и кланялась почно шакже, какъ и *старшая*.

Число чишашелей собственно-рускихъ книгъ, по сравненію, весьма не велико; число шѣхъ, кошорые чишаюпть съ выборомъ и умѣюпть судишь о прочишанномъ, еще менѣе. Для удовлетворенія пошребностей спхъ чишашелей, выходипть у насъ, опношительно, въ каждый годъ почти шолько журналовъ и книгъ, сколько нужно. Если бъ охота къ чпенію была болѣе общею, шо, само по себѣ

разумѣется , число писателей и число хорошихъ книгъ умножилось бы въ той же пропорціи. Сему видимъ уже мы счастливыя начала. Съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе оказывается охотниковъ чинить , а опть того съ каждымъ годомъ умножается число журналовъ и книгъ хорошихъ и уменьшается число книгъ дурныхъ и безполезныхъ , принимая въ себѣ смыслъ и пѣть , которыя вовсе не приносятъ удовольствія ни уму , ни сердцу , ни воображенію.

Для примѣра , изчислимъ литературныя наши пріобрѣтенія за минувшій годъ. Я не берусь , впрочемъ , представить полный каталогъ всѣхъ вышедшихъ въ 1827 году книгъ; но упомяну , по возможности , обо всемъ , что обратило на себя вниманіе публики , въ хорошую сторону и обратно , или по чему либо осталось у меня на

памяти. Къ сему, мѣстами, прибавлю я краткія замѣчанія: правильны они, или нѣтъ — каждый читатель рѣшитъ по своему понятію; по крайней мѣрѣ меня оправдываетъ собственное мое убѣжденіе.

Начнемъ съ журналовъ: ихъ давно уже называли опголосками мнѣній общества и указателями степени народнаго просвѣщенія. Пусть по этому, иногда ложно присвоенному праву, они займутъ переднее мѣсто въ семъ годовомъ опчепѣ.

Въ Петербургѣ, въ минувшемъ году, издавались слѣдующіе журналы (*):

(*) Въ семъ обзорѣи намѣренъ я говорить о журналахъ и книгахъ, болѣе въ литературномъ отношеніи. Посему officialныя газеты, какъ-то: *С. П. Бурскія Вѣдомости* на Россійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, *Journal de S. Pétersbourg*, *Рускій Инвалидъ* и *Коммерческая Газета* изъемаются изъ числа журналовъ, о коихъ здѣсь упоминается.

1) *Сынъ Отечества*, заключавшій въ себѣ многія, весьма хорошія переводныя спашы, какъ-то: повѣсти, историческіе опрывки и проч. Изъ русскихъ сочиненій, нѣкоторыя спашы полемическія, писанныя разными лицами (*) и весьма любопытная для военныхъ людей: *Исторія Артиллеріи*, раздѣленная на семь періодовъ, также заслуживали вниманіе. Последняя изъ упомянутыхъ мною спашей, написанная молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, Г. Рейсигомъ 2, показываетъ большую начитанность и основательное познаніе своего дѣла. Справедливость пребудетъ оны

(*) Между прочими, взгляды на математическіе курсы, употребительнѣйшіе въ российскихъ училищахъ, описывается ясносною изложеньемъ и показываетъ обширныя свѣдѣнія сочинителя въ Математику и правильную точку зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на сію науку.

нась упомянуть объ упрекѣ, который дѣланъ былъ *Сыну Отечества* въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ Журналовъ (*Revue Encyclopédique*), за то, что онъ по большей части содержитъ въ себѣ переводы иностранныхъ сочиненій. Мнѣ кажется, что упрекъ сей былъ бы основателенъ только тогда, когда бы журналъ С. О. былъ посвященъ исключительно русской литературы; но одна изъ главныхъ цѣлей сего журнала — знакомить соотечественниковъ нашихъ съ важнѣйшими событіями нашего времени и съ произведеніями лучшихъ иностранныхъ писателей; а чѣмъ же лучше можно сіе исполнить, какъ не выписками и переводами? 2) *Стверный Архивъ* заключалъ въ себѣ по прежнему многіе любопытные докумен-ты, касающіеся до россійской Исторіи, извѣстія о новѣйшихъ путешестві-

яхъ и статистическія свѣдѣнія о Россіи и другихъ Государствахъ. Жаль, что отдѣленіе: *Правы*, за прошлый годъ было въ семь Журналъ слабѣе, ибо Г. Булгаринъ почти не помѣщалъ въ немъ остроумныхъ спатей своихъ; за то одна изъ нихъ: *Сиротка* (отрывокъ изъ рускаго Жилблаза) прекрасно списана съ натуры. 3) *Сѣверная Пчела* извѣщала о современныхъ происшествіяхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, о городскихъ новостяхъ и т. п. Литературный отдѣлъ сей газеты часто наполнялся весьма хорошими оригинальными спатями, коихъ большая часть принадлежитъ Г. Булгарину. 4) *Отечественныя Записки*, П. П. Свинына, весьма ревностно выполняли прекрасную цѣль свою: знакомить Рускихъ со всемъ рускимъ, настоящимъ и минувшимъ. 5) *Азіатскій Вѣстникъ*, изд. Г. Спасскимъ,

содержалъ въ себѣ по большей части переводы изъ иностранныхъ сочиненій объ Азіи. Въ отдѣленіи *Восточной Словесности* помѣщались въ немъ очень хорошіе переводы арабскихъ поэтовъ, Г. Ботьянова. 6) *Технологическій Журналъ*, изд. Академіею Наукъ. 7) *Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи*, изд. Профессоромъ Щегловымъ. 8) *Горный Журналъ*, издаваемый опъ Департаменту Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ и 9) *Журналъ Мануфактуръ и торговли*, издаваемый также Департаментомъ сего имени. Каждый изъ сихъ чetyрехъ Журналовъ совершенно соотвѣтствовалъ своей цѣли и содержалъ въ себѣ много любопытныхъ статей, по предметамъ, входящимъ въ составъ его.

Нельзя не пожалѣть, что *Журналъ изящныхъ Искусствъ*, издав. Г. Гри-

горовичемъ, въ 1827 году прекратилъ. Журналъ сей, хорошими теоретическими спашьями, основательными сужденіями и умными замѣчаніями, общалъ намъ разпротраненіе въ нашемъ отечествѣ образованнаго вкуса къ изящнымъ произведеніямъ искусствъ. — Кромѣ сего, прекратились еще слѣдующіе Журналы: *Благонамѣренный*, который, не во гнѣвъ Г. Издателью, въ послѣдніе годы оставался при одномъ своемъ благомъ намѣреніи; и *Новости Литературы*, изд. Г. Воейковымъ. *Новости* сіи дряхлѣли въ недолголтшней своей жизни и шпхо, безъ дальнихъ сѣтованій и плакальщиць, соскользнули на берега Лепы. Мѣсто ихъ заступилъ 10) *Славянинъ*, который, для перваго знакомства съ своими читателями, заговорилъ съ ними о военныхъ наукахъ и о памяшникахъ отечественныхъ, на какомъ-

то неизвѣстномъ нарѣчій славянскаго языка, только не по руски. Филологи еще не рѣшили, что это за нарѣчіе? Оздѣленіе стихотвореній несравненно лучше прозы; но въ выборѣ ихъ, Г. Издашель руководствуется прежними своими правилами, т. е. перепечатываетъ изъ чужихъ книгъ и книжекъ. Къ слову пришлось сказать, что пора бы опстать отъ сихъ самопроизвольныхъ заимствований изъ чужаго запаса. Въ этомъ случаѣ, литературная совѣсть должна бы была имѣть силу закона о литературной собственности.

Еще издавались въ Пестербургѣ слѣдующіе новые журналы: 11) *Новая Дѣтская Библіотека*, изд. Б. М. Федоровымъ. Полезная цѣль, разнообразіе и хорошій выборъ статей, заслужили ему справедливое одобреніе публики. 12) *Дѣтскій Музеумъ*, изд.

Г. Ушаковымъ, появился снова и по прежнему содержалъ въ себѣ разкрашенные картинки, относящіяся къ Естественной Исторіи, съ объясненіями, приспособленными къ понятіямъ дѣтей. 13) *Журналъ Путей Сообщенія*, изд. опъ сего Департамента.

Изъ Московскихъ Журналовъ, напомнимъ, по праву первородства, объ 14) *Историческомъ, Статистическомъ и Политическомъ Журналѣ*, который нынѣ, безъ всякой оговорки, наполняется статьями изъ другихъ русскихъ журналовъ. За симъ слѣдуютъ: 15) *Вѣстникъ Европы*, коего редакторъ Г. Каченовскій. Журналъ сей, съ нѣкотораго времени, потерялъ прежнюю свою занимательность, и, кажется не слишкомъ заботился снова приобрести ее. Повторимъ уже не разъ изъявленное о томъ сожалѣніе. 16)

Московскій Телеграфъ, изд. Г. Полевымъ. Журналъ сей нравится своимъ разнообразіемъ; въ немъ можно найти и опыты ученыя, и современную библіографію рускую и чужеземную, и литературу, и новости, и моды и пр. и пр. Для бóльшаго совершенства сего Журнала, можно бы пожелать ему лучше обработаннаго слога и побольше умѣренности въ сужденіяхъ. Въ хорошемъ журналѣ приято находить и слогъ хорошій, тѣмъ болѣе, когда въ немъ встрѣчаются рѣзкіе приговоры слогу другихъ писателей. 17) *Дамскій Журналъ*, сквозь призму желтой свосй обертки и пестренькихъ карпинокъ, пропускалъ въ благопріятныхъ цвѣтахъ свою прозу, похожую на китайскую живопись, и спышки легче пуху. 18) *Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Химіи и свѣдѣній экономическихъ*, издавае-

* *

мый Г. Профессоромъ Двигубскимъ.

19) *Земледѣльскій Журналъ*, изд. отъ Общества сельскаго хозяйства, и

20) *Записки для охотниковъ до лошадей*, изд. Г. Цорномъ, наполнялись статьями, соотвѣствующими ихъ заглавіямъ.

Вновь появился въ Москвѣ за 1827 годъ одинъ Журналъ: 21) *Московскій Вѣстникъ*, издав. Г. Погодинымъ. Составъ сего журнала литературно-ученый. Опрѣленіе стиховъ въ немъ отлич-но хорошо. Кромѣ стихотвореній Пушкина, почти въ каждой книжкѣ можно было найти произведенія тѣхъ изъ молодыхъ нашихъ поэтовъ, которые съ каждымъ днемъ оправдываютъ счастливѣйшія надежды. Одинъ изъ нихъ, раннею зрѣлостію своихъ дарованій и вкуса, какъ будто бы похитилъ многіе годы у жизни, что бы спѣснить ихъ въ немногихъ, но прекрасныхъ

(*) Многія спашы прозаическія, особливо касающіяся до теоріи изящныхъ искусствъ, истинно хороши, и указываютъ намъ иногда новую точку зрѣнія, съ кою должно смотрѣть на сіи искусства. Собственно-литературное отдѣленіе прозы, не столько было богато произведеніями рускими; за то въ немъ помѣщались очень хорошіе переводы по выбору и по слогу. Г. Издапель конечно не досадуетъ на насъ за откровенность, когда мы скажемъ, что въ этомъ хорошемъ журналѣ мы не охотно видѣли Шатобріанова *Рене*, уже давно извѣстнаго у насъ по переводамъ. Эпистарыя обновки почти всегда остаются въ журналахъ съ неразрѣзан-

(*) Я говорю о Веневитиновѣ. Смерть похитила его у Отечества, Музъ и друзей на 22 году; но умственная жизнь его, кажется, многими десятилѣтіями предупредила органическую.

ными листами и заставляють любителей журнальнаго чтенія хмуришь брови. Опрывокъ изъ повѣсти: *Невѣста на ярмаркѣ*, напоминаетъ намъ запверженный со временъ Проспаковой и Еремѣвны быть закоснѣлыхъ провинціаловъ, и фактуру *нѣкоторыхъ* русскихъ повѣстей, появлявшихся и еще появляющихся въ *нѣкоторыхъ* журналахъ. Прошу также Г. Издателя безпристрастно и хладнокровно вслушаться еще въ одно замѣчаніе: въ библіографическихъ его извѣстіяхъ не рѣдко встрѣчаются довольно странные недосмотры. Такъ въ разборѣ Сѣвер. Цвѣтовъ 1827 года (см. кн. 12) картина Г. Щедрина приписана Г. Кипренскому (*), а отличный нашъ пейзажистъ Г. Воробьевъ, названъ Во-

(*) Славный нашъ историческій и портретный живописецъ, О. А. Кипренскій, сколько намъ из-

робьевскимъ; стихи изъ идилліи Б. Дельвига: *Друзья*, выписаны съ пропусками и ошибками. Тамъ же, говоря о малороссійской были Г. Байскаго: *Юродивый*, Г. Крипикъ находить въ ней сходство съ сценами романа В. Скопца: *Таинственный Карло*; не худо бы было, если бы онъ указалъ, съ какими именно? — Что касается до сужденій о книгахъ, то въ нихъ конечно всякой воленъ излагать свои мысли по своему разумѣнію или усмотрѣнію; но и тутъ нужна нѣкоторая оглядка, а больше всего безпристрастіе. — Въ ученыхъ статьяхъ сего журнала много есть дѣльнаго, а въ смѣси новаго и любопытнаго. Въ статьяхъ самого Издашеля, замѣтно однако жъ желаніе, при вся-

вѣстно, никогда не писалъ пейзажей или перспективныхъ видовъ.

комъ случаѣ выказывать свою ученость. Часто онъ поступаетъ съ читателемъ, какъ съ ученикомъ, заставляя его противрѣживать старый урокъ. Что хорошо слышать съ кафедры профессорской, то не можешь имѣть мѣста въ журналѣ, котораго Издашеля, хоть изъ учтивости, долженъ предполагать въ читателяхъ своихъ достаточную степень познаній и образованности; по крайней мѣрѣ столько, что имъ уже не нужно напоминать *общихъ мѣстъ* ученическихъ. Еще бросается въ глаза одно примѣчаніе Г. Издашеля: онъ говоритъ, что будетъ иногда писать парадоксы и защищать несправедливыя мнѣнія, *для изошренія ума*. Почему это нужно и полезно? не понимаю; но не въ правъ ли читатели подумать, что Г. Издашеля симъ способомъ готовится себѣ на всякій случай замысловатую оговорку. Такимъ обра-

зомъ, если бы его уличили, на примѣръ, въ кривомъ толкѣ или въ искаженіи вѣроятности исторической, то онъ могъ бы отвѣчать, что это съ намѣреніемъ *вставленная гипотеза или умышленно-ложная догадка*. — Не смотря на сіи небольшія изключенія, Журналь сей есть одинъ изъ лучшихъ и представляешь собою разнообразное, пріятное и часто полезное чтеніе.

Если прибавимъ къ сему исчисленію:
 22) *Одесскій Вѣстникъ*, издаваемый на руссiйскомъ и французскомъ языкахъ и заслуживающій имя весьма хорошей газеты; если упомянемъ при семъ случаѣ, что *Харьковскій Вѣстникъ* прекратился; то кажется, мы изчислили всѣ насущные наши русскіе журналы и періодическія изданія и почтили памятью скончавшіеся.

Конечно, число ихъ не можетъ сравниться съ сошнями англійскихъ и французскихъ журналовъ и газетъ; но все, соблюдая ту же посылку къ числу читателей, оно весьма достаточно для Россіи. Для друзей просвѣщенія утѣшительно будетъ замѣтить въ семъ обзорѣ, что многія отрасли наукъ имѣютъ у насъ свои особенныя, и весьма хорошія журналы. Съ такими пособіями, просвѣщеніе наше можетъ сдѣлать быстрые и надежные шаги. Замѣтимъ еще, и порадуемся, что у насъ уже теперь нѣтъ, или почти нѣтъ такихъ журналовъ, какъ покойные *Демокриты* и имъ подобные. Это также говоритъ въ пользу нынѣшняго вкуса и образованности нашихъ единоплеменниковъ.

Альманахи, по опредѣленному времени ихъ появленія и по составу своему, принадлежатъ также къ періо-

дическимъ изданіямъ; посему я и даю имъ мѣсто непосредственно послѣ журналовъ. Минувшій годъ былъ, можно сказать, *тугенъ* альманахами разнаго формаша и достоинства. Чита-тели конечно не попребуютъ, что-бы въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1828 года, я спалъ говорить о *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1827: хвалить ихъ въ этомъ обзорѣ — было бы странно и даже смѣшно; находить въ нихъ недоспашки — значило бы *унигиженіе пате гордости*. Я захѣпиль, что кришика, въ которой сочинитель или издатель *самъ на себя поднимаетъ руку*, никогда не бываетъ чистосердечна: по весьма естественной спращегіи самолюбія, кришикъ въ семъ случаѣ указываетъ на самыя легкія недоспашки, дабы чрезъ то сдѣлать диверсію отъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Слѣдуя вышеизъясненному правилу исключе-

нія, отлагаю въ сторону Сѣверные Цвѣты и окину взглядомъ прочіе рускіе альманахи, наблюдая между ними *табелъ о рангахъ* не по старшинству выпущенія, но по относительному ихъ достоинству.

1) *Литературный Музеумъ*, В. В. Измайлова. Г. Собирагель желалъ « съ пріятною легкостію альманаха соединить достоинство книги, » и достигъ своей цѣли. Собственныя его статьи въ прозѣ и нѣкоторыя изъ чужихъ, оправдываютъ сіе желаніе. Стихотвореній немного; но между ними есть хорошія. Вообще если не числомъ и разнообразіемъ, то по крайней мѣрѣ внутреннимъ достоинствомъ, *Литературный Музеумъ* есть одинъ изъ лучшихъ прошлогоднихъ альманаховъ. 2) *Сѣверная Лира*, изд. въ Москвѣ Гг. Раичемъ и Ознобишинымъ. Хорошій выборъ пьесъ и чистый, прі-

яшнѣйшій слогъ, отличаютъ прозаическія статьи сего альманаха, въ числѣ коихъ, кромѣ занимательныхъ русскихъ сочиненій, есть и переводы съ восточныхъ языковъ. Между стихотвореніями, которыми альманахъ сей очень обиленъ, есть испинно прекрасныя. 3) *Памятникъ Отецественныхъ Музъ*, изд. Б. М. Федоровымъ. Въ семъ Памятникѣ находятся многія неизданныя доселѣ сочиненія отжившихъ писателей, со временъ Сумарокова до нашихъ дней. Немногія изъ нихъ могутъ служить къ прочности памятника; остальные, въ рукописяхъ уцѣлѣвъ отъ времени, въ печати не выдержатъ разрушительнаго его прикосновенія. Жаль, что Г. Федоровъ, сооружая сей памятникъ, допустилъ въ составъ его чуждые матеріалы; а именно, сочиненія писателей живущихъ и пишущихъ: каж-

дому изъ нихъ можно бы предоста-
вить самому попещись о своемъ па-
мятникѣ, тѣмъ болѣе, что сами они
конечно лучше знаютъ, на чемъ осно-
вать его. Нельзя однако же не побла-
годарить Г. Собираателя за то, что
онъ сохранилъ для потомства нѣко-
торыя изъ твореній прежнихъ писа-
телей, истинно заслуживающія вни-
манія (*). 4) *Календарь Музъ* (Из-
датель, кажется, тѣ же какъ и въ
1826 году), прозою не отличалъ отъ
своихъ собратьевъ: въ немъ можно на-
считать до пяти счастей, хорошихъ

(*) Таковы наприм. въ прозѣ: *Мысли Карам-
зина, Писемъ къ нему друга его Петрова, Два
сатирическія писемъ Фонъ-Визина, Анекдотъ
о Державинѣ*, нѣтъ самимъ написанный, и нѣко-
торыя изъ писемъ Батюшкова; въ стихахъ:
Полдень и нѣкоторыя изъ *любкихъ стихо-
твореній Державина и Отрывки изъ Сатиръ Кя-
Горчакова*.

по содержанию и слогу. Стихотворная часть, кроме весьма немногих пьесъ, вообще скудна: въ ней почти на половину спешковъ въ альбомы, на именинные и другіе случаи; и въ сѣмъ смыслѣ, это точно *Календарь*; только *Музы*, какъ видно, не охотно посѣщали семейные пиры, на копорые ихъ зазывали. 5) *Невскій Альманахъ*, изд. Г. Аладынымъ. Альманахъ сей составленъ съ *грѣхомъ по поламъ*, изъ разныхъ степеней хорошаго, посредственнаго и дурнаго, и, кажется, перевѣсъ не на сторонѣ перваго; къ послѣднему же смѣло можно отчислить стапъи самого Г. Издателя. « Это, » — говоря собственными его словами — « наборъ словъ, какъ наборъ ерофенча : горько, хоть въ ротъ не бери. » Я сказалъ, что альманахъ сей составленъ съ *грѣхомъ по поламъ*, и въ поясненіе повторю прежнія мои

слова (см. стран. 17, строк. 13 и д.)
 6) *Астраханская Флора*, изд. Г. Розен-
 мейеромъ, красовалась болѣе цвѣта-
 ми чужихъ климатовъ, или просто,
 переводами съ нѣмецкаго языка. Все
 въ этой книжкѣ: и сочиненія и пе-
 реводы, и стихи и проза, трудовъ
 самого Издателя. Проза его вообще
 лучше стиховъ. 7) *Сириусъ*, изд. М. А.
 Беспужевымъ-Рюминымъ, также за-
 ключалъ въ себѣ сочиненія и перево-
 ды, стихи и прозу, и большая часть
 ихъ принадлежишь самому Издателю.
 Подъ нѣкопорыми изъ стихотворе-
 ній, встрѣчались имена Гг. О. Глин-
 ки и Цмичевского, и эти стихо-
 творенія были лучшія; подъ прозаи-
 ческими же снопьями не нашли мы ни
 одного знакомаго имени, а въ самыхъ
 снопьяхъ ничего такого, съ чѣмъ бы
 пріятно было познакомиться.

Нѣкопорыя дѣтскія книжки 1827 года

были изданы въ сродное время и съ другими наружными условіями альманаховъ; и такъ назовемъ ихъ *дѣтскими альманахами* и дадимъ имъ мѣсто на ряду съ пѣмн, которые назначаются для взрослыхъ. Сихъ дѣтскихъ альманаховъ было три: 1) *Дѣтскій Цвѣтникъ*, составленный Г-мъ Б. Федоровымъ, заслуживаетъ занять между ними почетное мѣсто, какъ по разнообразію, выбору и слогу, такъ и по красивости изданія. 2) *Подарокъ дѣтямъ*, состоитъ весь изъ повѣстей переводныхъ, но удачно примененныхъ къ Рускимъ нравамъ; слогъ могъ бы быть лучше; изданіе и картинки довольно хороши; и 3) *Незабудка*, изд. С. Глинкою. Слогъ вообще хорошъ; но въ выборѣ статей опчастіи повторялось старое, знакомое намъ изъ Рускаго Вѣстника. Стихи не отличные. Впрочемъ, напоминая дѣтямъ славные

подвиги предковъ нашихъ и лучшія черты изъ исторіи, Г. Издатель конечно заслуживаетъ благодарность.

Многіе думаютъ, основываясь на свидѣтельствахъ исторіи, что въ произведеніяхъ ума поэзія предшествовала прозѣ; и даже однажды сказано было, что поэзія *естественна*, а проза *поддѣльна*. (*) Принимая за правило то, что утверждено *мнѣніемъ* и *давностію*, даю поэзіи спаршинство надъ сестрою ея прозою.

Поэзія наша, въ прошломъ году, богатѣла произведеніями Пушкина. Кроме тѣхъ, которыя были разсѣяны въ двухъ или трехъ альманахахъ и въ разныхъ книжкахъ Московскаго Вѣстника, напечатаны особо его поэмы: *Цыганы* и *Братья разбойники*, и третья

(*) La poésie est naturelle, et la prose est factice. »

глава поэтического романа: *Евгеній Онѣгинъ*. Разсказъ первой поэмы состоитъ изъ отдѣльныхъ картинъ или какъ бы изъ отрывковъ: поэтъ, изображая небогатую приключеніями жизнь кочеваго, полудикаго племени Цыгановъ, боялся однообразія и повтореній, и съ отличнымъ искусствомъ избѣжалъ ихъ. Промежутки времени, между главными событіями поэмы, мелькали предъ его глазами и слились въ одно прекрасное цѣлое. И какая во всемъ полноша, какая свѣжесть картинъ и положеній! Движеніе, быстрота, смѣлые переходы, живая игра спрасей — все это въ такомъ согласіи съ предметомъ, что можно сказать, читатель, перенесенный потомъ въ шумный таборъ, не успѣваетъ опомниться и сравнить цыганскій бытъ съ жизнію образованныхъ горожанъ. — Та же живость картинъ, та

* *

же бысрога повѣствованія въ другой небольшой поэмѣ Пушкина: *Братья разбойники*: разскаъ у него кипитъ, какъ буйныя спрасни въ сердцахъ опшатиувшійся отъ законовъ вольницы. Напротивъ того, въ прешей главѣ *Онѣгина* спрасни уже заключены въ узы приличій. Татьяна пишеть къ Онѣгину, но чувствуетъ и знаетъ, что она уклоняется отъ принятыхъ правилъ. Борьба сихъ правилъ, сихъ приличій съ самовластною спраспью, въ душѣ молодой дѣвушки — изображена превосходно. Въ *Онѣгинѣ* поэтъ вводитъ насъ въ кругъ людей, стоящихъ на извѣстной степени образованія и слегка осмѣиваетъ спранности, подмѣченныя имъ въ свѣтскомъ быту. Прочитавъ сряду всѣ сии три произведенія Пушкина, кто не подивится гибкости его дарованій, вѣрности соображеній и мѣт-

кости, съ какою онъ ловить природу въ разныхъ ея видахъ?

Шуваловъ и Ломоносовъ, лирико-драматическое стихотвореніе Г. Мерзлякова, изображаетъ, въ счастливыхъ иногда стихахъ, основаніе разсадника нашихъ музъ, Московскаго Университета. *Опыты въ антологическомъ родѣ*, Г. Иллчевскаго, подъ скромнымъ названіемъ опытовъ представляетъ часною въ разныхъ родахъ мѣлкой поэзіи такія стихотворенія, кои могутъ имѣть свободный пропускъ въ собранія лучшихъ нашихъ эпиграмматическихъ произведеній. Скажутъ, что большая часть изъ нихъ — подражанія иностранному; но не всѣми ли признано, что въ поэзіи удачное подражаніе имѣетъ достоинство сочиненія? — Маленькая поэма: *Дивъ и Перн*, Г. Подлинскаго, показываетъ въ семъ молодомъ поэтѣ отличныя способности:

легкость и пріятность стихосложенія, воображеніе живое и творящее. Съ такими вѣрными залогами, и съ внимательностію къ совѣщамъ благонамѣренной критики, сочинитель сей поэмы конечно можетъ оправдать самыя лестныя надежды, зародившіяся съ появленіемъ перваго опыта его дарованій. *Таврида*, поэма Г. А. Муравьева, слаба по вымыслу, но въ нѣкоторыхъ ея стихахъ мелькають искры дарованія. Приложенныя къ ней другія стихотворенія Г. Муравьева, богаче и воображеніемъ и хорошими стихами. Впрочемъ и сіи первые опыты ручаются намъ, что съ выполненіемъ условія, предложеннаго выше, и съ меньшею довърчивостію къ самому себѣ, Г. Муравьевъ можетъ занять не послѣднее мѣсто въ спискѣ молодыхъ нашихъ поэтовъ. *Элегіи и другія стихотворенія Д. Глѣбова*, заключаютъ

въ себѣ собственныя его произведенія и подражанія древнимъ и новымъ чужеземнымъ поэтамъ, въ разныхъ родахъ стихотворства: въ лирическомъ, дидактическомъ, повѣствовательномъ, описательномъ и проч. Достоинство ихъ также не одинаково: между хорошими стихотвореніями есть посредственныя, есть и слабыя по созданію и по отдѣлкѣ. Стихи довольно плавны; но рима часто слишкомъ насильственно предъявляла права свои. Въ *Апологическихъ стихотвореніяхъ* Г. Остолопова есть до десяти небольшихъ басень истинно хорошихъ; жаль, что вмѣстѣ съ ними Г. Сочинитель помѣстилъ нѣсколько такихъ, кои гораздо ниже ихъ достоинствомъ. Еще болѣе жаль, что онъ присовокупилъ къ нимъ свою поэму: *Привидѣніе*. Вообще пародія тогда только нравишся, когда она бываетъ мѣшка въ сво-

ихъ примѣненіяхъ и забавна въ изложеніи : но сіи условія не выдержаны въ поэмѣ Г. Остолопова. Всего лучше и всего правдивѣе въ ней — эпилогъ. — Графъ Д. И. Хвостовъ издалъ *пятый томъ своихъ Стихотвореній*, въ которомъ сестъ и оды, и притчи, и мѣлкія стихотворенія и пр. Мое мнѣніе конечно не прибавитъ вѣсу сочиненіямъ Графа; и потому я удерживаюсь отъ всякихъ сужденій на счетъ оныхъ. Скажу только, что сей пятый томъ не уступитъ чепыремъ прежнимъ ни наружною приманкою изданія, ни внутреннимъ своимъ достоинствомъ. *Пятиколосный колосъ, сочиненіе Тайнаго Совѣтника, Сенатора и Кавалера Графа Дмитрія Ивановича Хвостова, и пр. и пр.* По случаю сего стихотворенія, въ одномъ журналѣ изъяснено было желаніе: «чтобы благодарная природа наградила почтен-

наго пѣвца своими дарами, и за каждый прекрасный стихъ его сочиненій, подарила его вошчину пшениколосьнымъ колосомъ.» Желаніе искреннее и полезное, къ которому безъ сомнѣнія, всякой присовокупить и свое, въ той же силѣ,

Послѣ сего изчисленія, нужно ли говорить о *Новыхъ басняхъ и разныхъ стихотвореніяхъ Г. Ржевскаго*, о поэмахъ: *Александрюда*, Г. Свѣчина, *Димитрія Донскомъ*, Г. Орлова и *Грегана*, неизвѣснаго и пр. и пр.? Если скажутъ, что все написанное съ рѣмами и въ извѣстныхъ стихотворныхъ размѣрахъ, принадлежить поэзіи, то конечно, должно вспомнить и о сихъ и о нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ, которыя почтилъ я фигурую умолчанія; но только вспомнить — и больше ни слова.

Изъ сборниковъ , появившихся въ прошломъ году, особенно вниманія заслуживаютъ: *Малороссійскія пѣсни*, издан. Г. Максимовичемъ, въ Москвѣ; трудъ похвальный и хорошо исполненный. Послѣ Князя Церселева , издавшаго такъ называемыя пѣсни *бандурныя* (*), никто еще не прогаль богатаго запаса Малороссійскихъ пѣсень , которыя какъ по слогу, такъ и по прелестной своей музыкѣ, должны занять первое мѣсто между народными пѣснями славянскихъ племень, населяющихъ Россію. Изданный Г. Максимовичемъ малороссійскій пѣ-

(*) *Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень*, С. П. Бургъ, 1819. — *Бандурныя* малороссійскія пѣсни супъ ипѣ, кои заключають въ себѣ преданія объ украинской старинѣ. Пѣсни сіи сложены вольными стихами, безъ особеннаго, опредѣленнаго метра и разпѣваются речитативомъ, съ аккомпанированіемъ бандуръ.

сенникъ конечно еще не полонъ: многихъ изъ лучшихъ пѣсень мы въ немъ не находимъ: но для составленія полнаго пѣсенника, должно бѣ было не только путешествовать, а жить въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и Украины, и на это требовалось бы посвятить нѣсколько лѣтъ жизни; чего, при другихъ занятіяхъ и обязанностяхъ, сдѣлать невозможно. Будемъ благодарны Г. Собираателю и за сей первый опытъ, который, должно надѣяться, откроетъ поле и другимъ литераторамъ къ составленію подобныхъ сборниковъ. Скажемъ также мимоходомъ, что баллады: *Твардовскій*, могъ бы онъ и не помѣщать въ своемъ собраніи малороссійскихъ пѣсень, потому, что она не принадлежитъ къ народнымъ пѣснямъ. Это слабое подражаніе балладъ Г. Мицкевича, съ которою, относительно къ слогу и

поэзіи, она разнишя, какъ черное съ бѣлымъ. Въ Москвѣ издано также *Собраніе романсовъ и пѣсень для прелюбнаго пола*, въ 2 частяхъ. Это собраніе не отличается ситрогимъ выборомъ; здѣсь всему было мѣсто и хорошему, и посредственному, и слабому, и все это перемѣшано съ самою назидательною терпимостью. Въ Москвѣ же вышло, и также въ 2 частяхъ: *Собраніе шарадъ*, въ пользу употребленія любителей гранд-пасьянса и другихъ такого рода невинныхъ занятій.

Къ числу стихотворныхъ нашихъ прибрѣтеній за прошлый годъ, должно присовокупить нѣсколько сочиненій драматическихъ. Начнемъ съ трагедій. Въ февраль мѣсяцъ была представлена и напечатана трагедія Г. Кашенина: *Андромаха*. Многіе думали, что это новый переводъ Андромахи

Расиновой, и обманулись. Трагедія Г. Кашенина есть собственное его сочиненіе, а не переводъ или подражаніе. Завязка, ходъ ея, время и мѣсто дѣйствія совершенно новы: Сочинитель основалъ всю занимательность трагедіи на материнской любви Андромахи къ сыну ея Астіанаксу и приковалъ соучастіе зрителей къ судьбѣ сего послѣдняго. Въ положеніи дѣйствующихъ лицъ и въ игрѣ спрашей много истины; но слабая сторона сей трагедіи — есть стихосложеніе. — *Баязетъ, трагедія Расина*, пер. Г. Олнна. Что сказать объ этомъ переводѣ? Впервыхъ то, что онъ не былъ представленъ на театрѣ; во вторыхъ, что въ смѣси Рускаго Инвалида помѣщено было Баязету Г. Олнна похвальное (и, кажется, надгробное) слово; а послѣ переводъ сей былъ оппѣтъ въ другихъ журналахъ и по-

хороненъ въ книжныхъ лавкахъ. *Федра*, трагедія Расина, пер. Г. Чеславскаго. Послѣ перевода Г. Лобанова, сія Федра можетъ занять первое мѣсто между своими соименницами, которыхъ, если не ошибаюсь, у насъ *одинадцать* на рускомъ языкѣ, печатныхъ и рукописныхъ. Къ слову пришлось сказать вообще о переводахъ трагедій Расиновыхъ: славному французскому прагму не совсѣмъ посчастливилось на нашемъ языкѣ; ни одинъ изъ извѣстныхъ у насъ переводовъ его трагедій не удовлетворяетъ вполне тѣмъ условіямъ, которыхъ почиатели Расина вправѣ требовать отъ его переводчиковъ (*). *Аннибалъ на развалинахъ Карфагена*, такъ названная драмати-

(*) Между этими переводами много такихъ, къ которымъ не грѣшно примѣнить французскій каламбуръ нѣкотораго оспрослова, сказанный объ одномъ изъ нихъ: *c'est Racine déraciné.*

геская поэма Г-на Д. Спруйскаго. Здѣсь иногда дѣйствующія лица разглагольствуютъ сами съ собою или съ другими дѣйствующими лицами, иногда же авторъ за нихъ рассказываетъ стихами, что они дѣлають и думаютъ и чувствуютъ. Монологи длинны и скучны: въ нихъ безпрестанно одно и то же; вставки повѣствовательныя также не шевелятъ ни сердца, ни воображенія. Изъ комедій, игранныхъ на здѣшнемъ театрѣ и напечатанныхъ, упомянемъ о переводѣ комедіи Мариво: *Les fausses confidences*, съ довольно страннымъ заглавіемъ: *Обманъ въ пользу любви*. Тонкости свѣтскаго наръчія, нѣкогда употребительныя въ лучшихъ парижскихъ обществахъ, въ этомъ переводѣ Г. Капенинымъ хорошо переданы на рускомъ языкѣ. *Женатый философъ*, ком. Дешуша и *Двое за четырьмя*, другая комедія француз-

скаго же театра, переведены въ стихахъ Г. Карапыгинымъ. Если Г. Карапыгинъ обратитъ выборъ свой на лучшія и ближайшія къ нашимъ или по крайней мѣрѣ къ общимъ правамъ французскія комедіи; если при томъ будетъ обрабатывать свой слогъ и получитъ болѣе навыка въ механизмѣ стиховъ; то безъ сомнѣнія совокупитъ въ себѣ, съ отличнымъ трагическимъ актёромъ, и хорошаго комическаго писателя. Это было бы весьма пріятное явленіе въ нашей словесности. Первые опыты Г. Карапыгина, какъ писателя, обѣщаютъ уже много. Въ Москвѣ напечатана оригинальная комедія въ стихахъ: *Писатели между собою*, соч. Г. Головина. Судя по долготѣ ея, можно заключить, что сочинителю ея стихи достаются легко; но легко ли имъ ихъ достается читателю? это другой вопросъ, кото-

рый пояснится, когда скажемъ, что комедія не занимательна по содержанию и что скучная завязка не выкупается въ ней ни комическою солью, ни веселостью, ни хорошими стихами. Два водевиля, передѣланные съ французскихъ: *Гусарь-невѣста*, Г-мъ М. Яковлевымъ, и *Встрѣча въ гавани*, Г-мъ А. Рѣдкинымъ, поворачиваютъ небогатый печальный запасъ драматической нашей литературы за прошлый годъ. Последний изъ сихъ водевилей лучше перваго и по выбору предмета, и по исполненію стиховъ.

Проза наша въ прошломъ году была и много скуднѣе произведеніями собственно - литературными. Кажется, всѣ они мѣстились въ альманахахъ и журналахъ. Кромѣ переводовъ, остальное за шѣмъ число едва ли составляетъ полный десятокъ заглавій; много заслуживающихъ вниманія книгъ

еще менѣе. Послѣ сего нельзя не подивиться безмолвію, съ какимъ Московскіе журналы, допустившіе въ составъ свой библіографію и критику, встрѣтили *Сочиненія Г. Булгарина*. Писатель, нѣсколько лѣтъ извѣстный въ нашей словесности, охотно читаемый публикою, издатель трехъ журналовъ, заслуживалъ, что бы о *четырехъ частяхъ* его сочиненій помѣщено было покрайней мѣрѣ библіографическое извѣстіе, если не хотѣли ихъ удоспоишь полнаго разбора. Молчаніе въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, не есть обида сочинителю, а нѣкопорымъ образомъ неуспойка въ словѣ передъ публикою, копорой Гг. Издатели общающія давати отчеты обо всѣхъ печатныхъ новостяхъ; тѣмъ болѣе, что въ *Сочиненіяхъ Г. Булгарина* помѣщено нѣсколько спашей новыхъ, нигдѣ дополь не напечатан-

ныхъ. Уже нѣсколько лѣтъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ замѣтно странное явленіе: ими овладѣлъ духъ личности, вовсе неупѣшительный для публики, и болѣе отъучивающій ее отъ чтенія, нежели заманивающій къ оному. Въ журнальныхъ нашихъ войнахъ повсюду сцѣна Трисоппина и Вадіуса: сперва взаимныя вѣжливости, послѣ легкія замѣчанія, потомъ колкости; и наконецъ прошивники-журналы не оспаривающъ уже слова на миръ. И хорошо бъ было, когда бы все это обрешивалось на однихъ журналахъ, т. е. на олицетворенныхъ мнѣніяхъ, а не касалось самихъ лицъ. Часомъ не одни журналисты, но ихъ пріятели и даже знакомые литераторы подвергаются преслѣдованіямъ, намекамъ и привязкамъ прошивной стороны. Безпристрастіе рѣдко бываетъ девизомъ въ этой войнѣ: ищутъ придирокъ, а не

* *

истины, заботятся о томъ, чтобы подмѣнить слабую сторону, а не о томъ, что бы показать дѣло съ настоящей точки зрѣнія. Посему - то сочиненія, не заслуживающія никакого упрека, бывають разкорены въ одномъ журналѣ только за то, что прежде были похвалены въ другомъ. Словомъ, всё равно достаётся, и правому и виноватому. Такъ, въ родовыхъ ссорахъ нѣкоторыхъ полу-дикихъ племенъ, не бывають пощадъ даже самымъ дальнимъ родственникамъ и друзьямъ враждующихъ. Скудная наша полемика заключается въ антикриптикахъ, рекриптикахъ, и ре-антикриптикахъ, кошорья нерѣдко тащанъ за собою длинную, непрерывную цѣпь новыхъ *ре и ре-антикриптикъ*. Даже иногда просторное поле журналовъ становится тѣсно для нихъ чернильных побоищъ: бойцы-словесники, не довольствуясь пяже-

лымъ оружіемъ полновѣсныхъ своихъ журнальныхъ спатей, перебрасывающіяся рукошестными книжонками, копоры почти никогда не попадаютъ мѣтко въ противника и улещаютъ изъ виду у чипашелей не вверхъ, а подъ споль. Чпо же въ эшихъ перепалкахъ? доказана ли ими хоть одна истина? — Нѣтъ. Обѣ противныя спороны горячятся, отбиваются ошъ цѣли и вдаются въ личносшь и пристрастїе; а чипашели, люди вовсе постороннїе въ незанимательной тяжбѣ лицъ, а не мнѣній, досаждаютъ, что вмѣсто дѣльныхъ спатей, ихъ угощаютъ прищупленными остропами и часто непонятными намеками. Отъ литературныхъ журналовъ чипашающая публика требуетъ разнообразїя; гдѣ жь оно, когда въ нѣсколькихъ книжкахъ сряду твердится одно и тоже? Мнѣ кажется, кришикъ, печатаая раз-

борь какого-либо сочиненія, высказавъ уже о немъ свое мнѣніе: повтореній ни сколько не нужно, отвѣтовъ на бранчивыя ашикриптики и того меньше. Напрасно къ этому случаю примѣняютъ поговорку: *кто молчитъ, тотъ соглашается*; здѣсь молчаніе должно толковаться такимъ образомъ, что криптикъ оспиается при своемъ прежнемъ мнѣніи и всѣ дальнѣйшія *амплификаціи* словъ *да* или *нѣтъ* считаетъ излишними. Что касается до колкости, и п. п., то—если уже самолюбіе авпорское не можетъ ихъ снести безотвѣтно, —съ ними можно бѣ было развѣдываться самою короткою шуткою, оспрою и при томъ неоскорбительною для образованнаго вкуса.

Довольно объ этомъ. Можетъ быть, за сіе чистосердечное изъясненіе моего образа мыслей, и мнѣ не избѣг-

нущь крипики; жду ея смѣло. А между тѣмъ, возвращаюсь къ прежнему своему предмету.

Кромѣ *Согиненій Г. Булгарина*, въ литературной прозѣ 1827 года съ удовольствіемъ можно упомянуть о *Согиненіяхъ Е. Б. Фукса*, которыя, если не вовсе безпогрѣшны въ слоги, то въ замѣны онаго имѣють другое, несопъемлемое достоинство для нашихъ соотечественниковъ, по воспоминаніямъ о рускомъ героѣ Суворовѣ. Сочинитель похвальнаго слова знаменитому рускому Исторіографу, Г. Иванчинъ-Писаревъ, издалъ въ 2 часняхъ выборъ изъ его твореній, подъ заглавіемъ: *Духъ Карамзина*. Книга сія имѣетъ для русскихъ также достоинство воспоминаній; въ другихъ отношеніяхъ, она не можетъ замѣнить собою полныхъ сочиненій славнаго нашего писателя, тѣмъ болѣе, что

выборъ дѣланъ былъ безъ строгой разборчивости и не всегда удачно. *Письма о Восточной Сибири*, Г. А. Маршоса, заключающъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о семъ отдаленномъ краѣ Россіи. Жаль, что изъ описаній Г. Маршоса, нельзя себѣ составить полной картины Сибири; жаль также, что слогъ сочинителя мѣстами неправиленъ и тяжель для слога письменнаго. *Малороссійская деревня*, Г. Кулжинскаго, описана, кажется, съ тѣмъ, чтобы представить Малороссіянъ въ такомъ видѣ, какъ испанскіе и французскіе пастухи Флоріановы; но имѣя честь быть землякомъ Г. Кулжинскаго, замѣчу ему, что нашъ опчепливый вѣкъ требуетъ въ описаніяхъ существенности, а не мечтательности, въ картинахъ вѣрности красокъ, а не изысканности, и въ эпизодахъ точности, а не на-

тяжки. Впрочемъ, съ Малороссіею эшимъ еще не кончилось: нѣкто другой сочинитель, Г. Ив. Т... въ, напечаталъ въ Москвѣ романъ: *Госницкій, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Запорожцевъ* — сказано въ заглавіи, хотя и невиднo на дѣлѣ. Романъ сей похожъ на тѣ рукописи, въ коихъ чаще всего встрѣчающіяся пропуски и недописки. *Двѣ повѣсти: Коринна и Эмма*, соч. Г-жи Любови Кричевской, заслуживаютъ вниманія по своему содержанію и слогу; еще болѣе потому, что сочинительница, чуждая авторскаго самолюбія, издала ихъ въ пользу матери своей. — *Алексѣй и Ольга, руская повѣсть* Г. Бушмакина, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и напоминаетъ много стараго. Какой-то благомыслящій писатель издалъ въ Петербургѣ: *Подарокъ теловѣстству, или лекарство отъ поедин-*

ковъ. Цѣль конечно полезная и хорошая; но дай Богъ, что бы она увѣнчалась успѣхомъ и что бы лекарство сіе было дѣйствительно. Застарѣлые предразсудки гораздо труднѣе излечивать, нежели застарѣлая болѣзнь.

Изъ книгъ историческихъ въ прошедшемъ году явилось двѣ, относящіяся къ жизни въ Божѣ почивающаго Императора Александра. Одна изъ нихъ: *Послѣдніе дни жизни Незабвеннаго Монарха, Государя Императора Александра I*, (изданная книгопродавцемъ Занкинымъ), какъ по предмету своему, такъ и по содержащимся въ ней подробностямъ, основаннымъ на письмахъ и словесныхъ показаніяхъ очевидцевъ, весьма заслуживаетъ вниманія. Другая, издан. въ Москвѣ: *Жизнь, знаменитыя дѣянія и достопамятныя изреченія Императора Александра I*, есть на скорую

руку составленная компиляція, безъ плана, полноты и порядка. Исторія двадцати-пяти лѣтняго царствованія Императора Александра, богатая событіями необыкновенными, требуетъ отъ писателя дарованій, искусства и опытности, которыя достаются въ удѣлъ немногимъ. *О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*, Г. Зиновьева, есть опытъ, конечно не-совершенный и не изъятый отъ ошибокъ, но заслуживающій вниманія по важности своего предмета и по старанію Сочинителя представить оный сколько можно въ ясномъ свѣтѣ. *Матеріалы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи*, и *Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, два сочиненія Г. Кеппена, весьма полезныя для настоящихъ и будущихъ историковъ.

и археологовъ. Сюда же можно отнести: *Разсужденіе о произхожденіи купеческаго состоянія въ Россіи*, соч. В. Болшина. — *Опытъ нагертанія исторіи царства Армянскаго*, соч. Г-дъ Я. и Д. Арзановыхъ, заключаесть въ себѣ много любопытныхъ сказаній о древности происхожденія армянскаго народа и проч. Напрасно однакожь Гг. Сочинители не попышались положить граничную черту между баснословными преданіями и существенною исторіею своихъ предковъ. Первый шагъ къ опредѣленію достовѣрности отъ сего хаоса, былъ бы уже важною услугою для всеобщей исторіи народовъ. Не должно также позабыть о вышедшихъ въ 1827 году новыхъ изданіяхъ, исправленныхъ и дополненныхъ, прехъ весьма важныхъ историческихъ твореній: *Руководства къ познанію всеобщей политической Исторіи*, Г. Кайданова, *Краткаго на-*

жертанія всеобщей Исторіи, его же, и Словаря Историческаго о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго зина, соч. Пресвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго.—Жизнь и нѣкоторыя сочиненія, оставшіяся послѣ смерти Г. Академика Шуберта, изд. Г. Навроцкимъ, хопя послѣднею своею половиною и принадлежишь болѣе къ разряду книгъ математическихъ; но здѣсь помѣщается, какъ біографія знамениаго нашего академика.

По другимъ отраслямъ наукъ и познаній, напечатано въ прошломъ году также нѣсколько весьма замѣчательныхъ сочиненій и переводовъ. Число ихъ, сравнительно съ прежними годами, подасть отрадную надежду на будущее, надежду, что разпространеніе полезныхъ знаній водворить наконецъ у насъ просвѣщеніе существенное и основательное, а не сбивчивое

и поверхностное. Изчислимъ ученыя наши пріобрѣтенія въ книгахъ, изданныхъ за 1827 годъ. По части Богословія, философіи, нравоученія, воспитанія и проч. *Очевидность Божественнаго произхожденія Христіанской религіи*, соч. Женингса, пер. Г. Владиславлева; *Логика*, составляющая і часть *Курса философіи*, соч. Г. Додзева-Магарскаго; *Память доброй матери, или послѣдніе ея совѣты дочери своей*, соч. на польскомъ языкѣ Г-жи Таньской. Книга сія, заключающая въ себѣ хорошо начертанный курсъ нравственнаго воспитанія молодыхъ дѣвицъ, занимательная по изложенію, предлагаемымъ въ ней примѣрамъ и слогу, весьма хорошо переведена одною изъ нашихъ соотечественницъ (*).

(*) Для первоначальнаго образованія дѣшей, издана также весьма хорошая книжка: *Постепенное теченіе для дѣтей*, въ 4 частяхъ. Это подражаніе извѣстному англійскому сочиненію миссисъ Барбо.

По части законовѣдѣнія, упомянемъ сперва, какъ о твореніи, связующемъ теорію нравственной философіи съ примѣненіемъ оной въ порядкѣ гражданскихъ обществъ, и. е. съ правами, о *Платоновыхъ разговорахъ о законахъ*, отлично хорошо переведенныхъ съ Греческаго языка Г. Оболенскимъ. Изъ книгъ, относящихся къ собственно-россійскимъ законамъ и правамъ, изда ны: изъ *Собранія російскихъ законовъ*, составляемаго Гг. Хавскими, *Уголовное уложеніе; Демида, или наертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей женскаго пола въ Россіи*, составл. Г. Илар. Васильевымъ. Не смотря на странность перваго заглавія (*Демида*), книжка сія имѣетъ свою цѣну: въ ней собрано все, что въ Россійскихъ законахъ относится до нашихъ соотечественницъ. Мы знаемъ только, что изъ уваженія къ нимъ, Г. Соста-

выписать сей книжки могъ бы умолчать
 о томъ, отъ чего онъ избавляющся.
Собрание Россійскихъ законовъ о сте-
поводствѣ, или Государственномъ Кон-
тролѣ въ Россіи, составл. Г. Песъто-
 вымъ, и *Конспектъ занятій уѣзднаго*
Суда, соч. Г. Радугинимъ, — принад-
 лежатъ также къ числу хорошихъ книгъ
 для руководства и справокъ. По часпи
 математиче- и прикосновенныхъ къ
 ней наукъ: *Полный курсъ чистой Ма-*
тематикки, соч. Франкёра, со 2 изд.
 переведенный Гг. Офицерами Глав-
 наго Шпаба: Христіани, Крюковымъ
 и Болоповымъ (ч. I); *Русская матема-*
тическая Энциклопедія, Г. Профес-
 сора Московскаго Университета Д.
 Перевощникова (4 книги); *Курсъ военно-*
строительнаго искусства, соч. Г. Ин-
 женеръ-Генераль-Маіоромъ Барономъ
 Эльсперомъ и переведенный Г. Инже-
 неръ-Кашишаномъ Ломновскимъ; *Тео-*

рія и практика измѣренія горъ барометромъ, соч. Г. општавнаго Полковника Терлецкаго; и Таблицы для вычисленія процентовъ на денежныя капиталы, Г. Усова. По мореплаванію: XII томъ Записокъ, издаваемыхъ Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ. По химіи: Начальныя основанія Химіи, Г-на А. Ювскаго, второе изданіе, совершенно вновь переработанное; и О важности химическихъ изслѣдованій въ кругу наукъ и искусствъ, его же. По врачебнымъ наукамъ: Фармакографія, или химико-врачебное предписаніе приготовленія и употребленія новѣйшихъ лекарствъ, Г. Профессора Нелюбина; и Наставленіе о приготовленіи и употребленіи нѣкоторыхъ сильнодѣйствующихъ лекарствъ, соч. Мажанди, пер. Гг. Реслера и С. Спасскаго. По естественной исторіи: Краткое нагертаніе Естественной

Исторіи животныхъ, Г. Профессора Ловецкаго. По статистикѣ, сельскому хозяйству и технологіи: здѣсь, прежде всего, должно упомянуть о весьма важной и полезной книгѣ, подъ заглавіемъ: Государственная внѣшняя торговля, 1826 года, въ разныхъ ея видахъ. Превосходный порядокъ въ изложеніи предметовъ и въ составленіи таблицъ, весьма облегчить труды статистиковъ, которые найдутъ въ этой книгѣ полные запасы для свѣдѣній о русской торговлѣ. Описаніе Тульскаго оружейнаго завода, въ историческомъ и техническомъ отношеніи, соч. Г. Доктора Гамеля, знакомитъ насъ въ подробностяхъ съ симъ образцовымъ заведеніемъ. Записки о потѣдѣхъ на Нижегородскую ярмарку, Н. Тярина, показываютъ наблюдательный взглядъ сего молодого человѣка, воспитаннаго въ Московской Коммер-

ческой Академіи. *Рѣчь о пользѣ и необходимости водвореніи и разпространеніи плодоперемѣннаго или усовершенствованнаго земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства въ Россіи*, Г. Шелехова, открываетъ многіе полезные виды по сей важной отрасли народнаго богатства. Жаль только, что тяжелый, запутанный слогъ и безконечные періоды, вредятъ иногда ясности мыслей, предлагаемыхъ въ сей рѣчи. *О шерсти и овцахъ, соч. Гг. Перольта Жотана, Фабри и Жирода, съ примѣтаніями Таера*, перев. Г-на С. Маслова, также весьма полезная книга для сельскихъ хозяевъ и заводчиковъ. Г. Масловъ, сверхъ ясности изложенія, оказалъ еще ту услугу своимъ соотечественникамъ, что всѣ встрѣпившіяся ему по сей части иностранныя техническія названія весьма удачно замѣнилъ рускими. — По части ар-

* *

хсологiи и библіографiи замѣчательны двѣ книги: *Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи*, сост. Г. Кеппенемъ, и *Второе прибавленіе къ описанію Славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ Графа Ѳ. А. Толстова*, изд. Г. Спроевымъ. По части языкознанія, въ русской словесности за 1827 замѣчательны два весьма пріятныя явленія: это *Пространная руская Грамматика* Г. Греча и *Практическая руская Грамматика*, его же. Первой донынѣ вышла одна *первая часть*; и какъ сочиненіе сего рода и важности требуетъ, чтобъ его разсматривали въ полномъ его объемѣ, то, оставляя сіе до будущаго времени, скажу нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о Грамматикѣ практической. Она раздѣляется на пять частей: *Этимологію общую*; *Этимологію частную*, *Синтаксисъ или*

словосочиненіе, Орѳоэпію или произношеніе словъ и Орѳографію или правописаніе. Въ этимологіи частной, спашьи объ именахъ и глаголахъ обдуманы и обрабопаны весьма хорошо. Доселѣ наши грамматикки говорили намъ о *двухъ спряженіяхъ* рускихъ глаголовъ; Г. Гречъ своими наблюденіями дозналъ *три* спряженія глаголовъ правильныхъ. Кажется, самому зоркому крипику трудно будетъ опысать, чпобъ какое-либо правило или изклученіе было упущено сочинителемъ въ этой части грамматикки. То же можно сказать и о послѣдующей части, ш. е. о словосочиненіи: оно изложено въ правильной и опчестливой системѣ и опличается полношю и ясношю, какихъ, смѣло можно сказаъ, небывало еще въ рускихъ грамматикахъ. Въ орѳоэпії или произношеніи словъ, сочинитель собралъ почти всѣ ру-

скія слова, сходныя въ письмѣ и различныя по ударенію и значенію (*омографы*). Съ нѣкоторыми изъ правилъ правописанія, предлагаемыхъ въ 5-й части, мы не совсѣмъ согласны: особливо въ употребленіи прописныхъ буквъ, можно и должно быть бережливѣе, нежели какъ думаетъ сочинитель. Кромѣ того, что онѣ слишкомъ пестрятъ нашу печать и отнимають у нея ровность и стройность, столько направляющаяся въ книгахъ англійскихъ и французскихъ, представляется еще одно неудобство: не всѣ, слѣдуя сему правилу, будутъ удачно употреблять прописныя буквы въ указанныхъ сочинителемъ именахъ нарицательныхъ, какъ напр. *природа*, *востокъ*, и т. п.; и это подвергнетъ правописаніе наше большей сбивчивости. Желаетъ вмѣстѣ съ сочинителемъ, чтобы наши филологи-критики

разсмотрѣли и оцѣнили сіе сочиненіе; но вмѣстѣ же съ нимъ, желаемъ критики *дѣльной*, а не кривошолковъ и придирокъ къ опечаткамъ: такая *псевдо-критика* давно уже всѣмъ наскучила. Между тѣмъ, ждемъ 2-й части *Пространной Грамматики*, и въ свое время поведемъ о нихъ слово.

Россійско-Румынская грамматика Г. Марцеллы, указываетъ филологамъ новое поле: доселѣ языкъ румынскій, копорымъ говорятъ жишелн Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, не былъ еще намъ знакомъ грамматически, хотя часть жиселей тамошнихъ находится нынѣ подъ одною съ нами Державою, всѣ они наши единовѣрцы и уже издавна приняли славянскую азбуку, копорою печатаются церковныя ихъ книги. Касательно изящныхъ искусствъ, Г. Лангеръ подарилъ насъ весьма хорошимъ переводомъ (съ ита-

ліянського язика) книги Г. Милиціи : *Объ искусствъ смотрѣть на художества по правиламъ Зульцера и Менгса.* Многія мысли Г. Милиціи объ изящныхъ искусствахъ, могутъ сообщить молодымъ художникамъ свѣшлыя понятія и заставляють ихъ смотрѣть на изящныя произведенія съ новой точки зрѣнія. Г. переводчикъ передалъ ихъ на нашемъ языкѣ съ ясностію и почтенностію , какихъ только можно ожидать отъ художника-лишерашора.

Есть книги , которыя , по странному своему заглавію , содержанію и слогу , не могутъ имѣти ни въ какое отдѣленіе словесности или учености : для нихъ должно назначить особливую складку , подъ заглавіемъ *смѣсь*. Сюда , изъ вышедшихъ въ прошломъ году книгъ , по праву могутъ поступить : *Словарь физическаго и нрав-*

ственного воспитанія, составленный Княземъ П. Енгальчевымъ, и наполненный опчаспи анекдотцами и замѣчаніями, вовсе не назидательными для молодыхъ людей; и *Три подарка критику*, Г. Толмачева. Сими подарками Г. Сочинитель книги: Военное Краснорѣчіе, осыпалъ своего кришика и одного изъ издательей С. О. Никто конечно не попеняетъ имъ за то, что они не рѣшились опдаривать *на всѣхъ*. Забавнѣ всего признаніе Г. Сочинителя *Подарковъ*, что онъ старался быть забавнымъ.

Коснувшись переводовъ при обзорѣ ній книгъ, относящихся къ наукамъ и ш. п. я, долженъ, для полноты сей спашьи, упомянуть и о переводахъ собственно-литературныхъ. Сначала скажу о новомъ, прекрасномъ изданіи *Переводовъ въ прозѣ В. А. Жуков-*

скаго (*), образцовыхъ по искусству, съ какимъ Жуковскій умѣлъ передашь мысли и самый слогъ иностранныхъ писателей. Изъ Греческихъ классиковъ, переводимыхъ И. И. Мартыновымъ, изданъ имъ въ прошломъ году (кромѣ продолженія *Иродотовой исторіи*) *Пиндаръ*. Г. Де Шапельтъ напечаталъ продолженіе своего перевода сочиненій Г. Жуи о французскихъ нравахъ, подъ заглавіемъ: *Гиліомъ Чистосердечный* (Guillaume le franc-parleur). *Пустынникъ Сен-Жерменскаго* предмѣстія, Г. Кольне, весьма хорошо перевед. Г. Очкинымъ, также принадлежащій 1827 году впрочемъ своею частію. Двѣ арабскія поэмы: *Моаллака Лебида* и *Темлянка Абуль-Олы*, хорошо переведены молодымъ ориенталистомъ

(*) Въ 3 т. въ больш. 8-ю д. Сіе изданіе переводъ Г. Жуковского издано въ томъ же форматѣ и такъ же красиво, какъ 4 т. его *Сочиненій въ стихахъ и прозѣ* (послед. изданія).

Г. Ботьяновымъ. Наконецъ и у насъ принялись переводить Валтера Скотта; но часто, на зло славы сего писателя, переводить въ двойномъ смыслѣ. Изчислимъ вышедшія въ прошломъ году на рускомъ языкѣ его сочиненія, не по порядку ихъ относительнаго достоинства, а по тому порядку, въ какомъ должно разпредѣлить слоги и умѣнье Гг. переводчиковъ. Романы: *Веверлей* (Waverley); *Невѣста Ламермурская*; два перевода *Писемъ Павла о Франціи* (изъ нихъ, лучший по слогу и вѣрности перевода, лучше и изданъ; 2 ш. въ 8), *Кентень Дурвардъ* (Quentin Durward), *Талисманъ или Ригардъ въ Палестинѣ*. Поэмы: *Владѣтель острововъ* (the Lord of Isles) и *Битва при Ватерлоо*, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ его же *Балладъ*. Сему же знаменитому писателю приписана, не знаю къмъ и въ какую силу, пущая и

дурно по руски рассказанная повѣсть: *Награда супружеской вѣрности*. Если бы этакъ и прежніе подарки на его имя, отъ лица переводчиковъ или книгопродавцевъ московскихъ, дошли до него, то онъ вѣрно бы не порадовался имъ. Въ Москвѣ же напечатаны: *Невидимые*, соч. А. Лафоншена, которые лучше бы оспались для насъ *невидимыми*, и *Дамскій рассказикъ*, о которомъ также не много можно рассказать хорошаго.

Вопрь, по возможности, достаточное обозрѣніе всего, что появилось у насъ въ печати за *десять мѣсяцевъ* 1827 года. Безъ сомнѣнія здѣсь есть пропуски (*): но я уже выше объя-

(*) Изъ сихъ пропусковъ, почитаю обязанностію исправить два, вовсе неумышленные. Въ изчисленіи С. П. бургскихъ журналовъ, я позабылъ сказать о весьма хорошихъ и полезныхъ періодическихъ изданіяхъ: *Военный журналъ*, коего донныя (по 1 Ноября) вышло пять книжекъ; и

вилъ, что не пишу полного каталога книгъ, вышедшихъ за прошлый годъ. Изъ сего обзорѣнія однако же можно видѣть, что, сравнительно, журналовъ и книгъ, касающихся до наукъ, познаний и воспитанія, появилось въ 1827 году болѣе, нежели собственно литературныхъ; а между сими послѣдними (кроме журналовъ, альманаховъ и книгъ переведенныхъ), произведеній поэзіи было несравненно болѣе прозы. Это и не удивительно: у насъ легче сдѣлалось писать стихами, нежели прозою. Въ короткое время европейской нашей образованности, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ мы почувствовали нужду въ наслажденіяхъ ума и воображенія,

Дѣтскому Собесѣдникѣ, издав. Гг. Гречемъ и Булгаринымъ при другихъ ихъ журналахъ. Въ немъ, кроме занимательныхъ повѣстей и статей о разныхъ наукахъ, приспособленныхъ къ дѣтскимъ понятіямъ, особенно замѣчательны *Разговоры о русской грамматикѣ и правописаніи*, составленные Г. Гречемъ.

у насъ было гораздо болѣе отличныхъ поэтовъ, нежели прозаиковъ; сама поэзія привлекашась и обольщительнѣе прозы для воображенія юнаго и пылкаго, успѣхи ея быстрѣе и блистательнѣе. Посему весьма естественно, что молодые наши литераторы, прельщаясь и возпламеняясь чужими успѣхами, охотнѣе всего принимаютъ за стихи. Прибавимъ, что наша русская проза представляетъ болѣе трудностей, и что трудности сіи важнѣе тѣхъ, кои зависятъ отъ стихотворной мѣры, рифмы, благозвучія и проч. Главнѣйшая изъ нихъ состоятъ въ томъ, что проза требуетъ у насъ обширнѣйшаго и основательнѣйшаго знанія языка, большей точности, большей отчепливости въ выраженіяхъ, которыя писатель долженъ почти безпрестанно творить самъ, потому что образцами, изъ

коихъ бы можно было заимствоваться, мы еще весьма не богаты. Для стиховъ у насъ уже составилъ какой-то языкъ условный, въ которомъ придуманы обороты и даже подобраны многія выраженія, принятыя или не принятыя здоровымъ вкусомъ. Какъ бы то ни было, молодые, малознакомые и вовсе неизвестные наши стихотворцы ловятъ ихъ на лету и списываютъ у старшихъ и известнѣйшихъ, и изъ всего этого составляется какъ бы ходячій словарь запасныхъ словъ, оборотовъ и проч.; а изъ готоваго запаса легче брать, нежели приискивать и придумывать самому. То же можно примѣнить и къ выбору предметовъ: и здѣсь также есть свои *данныя*. Сіе явленіе въ литературномъ нашемъ мірѣ легче объяснится чрезъ сравненіе съ тѣмъ, что мы ежедневно видимъ въ нашемъ

же свѣтскомъ быту. Многіе изъ нашихъ единоплеменцевъ, даже изъ людей разсудительныхъ и, положимъ, въ равной мѣрѣ знающихъ руской и французской языки, охотнѣе и свободнѣе говорятъ и пишутъ по-французски, нежели по-русски, потому только, что во французскомъ языкѣ все придумано, все готово: и привѣтствія, и фразы, и обороты рѣчи; ни надъ чѣмъ не нужно самому ломать голову. Это средство изъясняться свободно, пріятно и безъ дальняго труда для ума, нравился лѣтъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже льстило самолюбію.

Въ произведеніяхъ молодыхъ нашихъ стихотворцевъ почти всегда можно замѣтить способъ выраженія, отдѣлку стиховъ, даже пристрастіе къ нѣкоторымъ словамъ и приемамъ того или тѣхъ поэтовъ, которыхъ они болѣе считались. Подражательность дѣлается

для нихъ второю природою; за то большая часть ихъ элегій, посланій, съ *томленіями жизни*, съ *тоскою по лучшемъ* и т. п., навѣяны повѣтріемъ скуки. Подражатель никогда не достигаетъ совершенствъ своего образца: онъ всегда будетъ слѣдовать за нимъ издали, скользить и падать, или пресмыкаться. Жуи сказали однажды, что *подражаніе всегда криво и хромо*, и это сущая правда: оно не видишь въ оба глаза своего образца, и когда хочешь итти за нимъ по пятамъ, то безпрестанно спотыкаешься. «Опъ чего» — прибавляетъ Жуи — «такое прищворное однообразіе въ «нынѣшней нашей словесности? Опъ «того, что всѣ подражаютъ, а ни «кто не шворитъ; опъ того, что «каждый хочетъ быть *другимъ*, а не «самимъ собою... Наши словесники, «поддѣлывая безпрестанно свой умъ

« подъ чужой, спали похожи на тѣхъ
 « дикарей, которые сдавливають го-
 « ловы у новорожденныхъ дѣтей своихъ,
 « чтобы дать имъ *условную форму*,
 « и не заботятся о томъ, не сдви-
 « нутъ ли съ мѣста и не списнута ли
 « мозгъ у ребенка. » — Не то ли самое
 можно сказать и о нашихъ русскихъ
 подражателяхъ? Дѣти ихъ воображенія,
 стихи ихъ, носятъ на себѣ отпечатокъ
 скучнаго однообразія: отъ того, что ихъ
 списнута въ чужую форму и обсъкаютъ
 по чужому росту, они вялы, безцвѣт-
 ны и безжизненны. Поэзія должна под-
 ражать только природѣ, вѣчно юной и
 разнообразной: она должна быть всег-
 да жива, всегда измѣнчива, никогда не
 повторять себя, но безпрестанно ще-
 котать воображеніе новою прелестью,
 новымъ очарованіемъ. Безъ того, во-
 ображеніе упомляется и засыпаетъ.

О. Сомовъ.

ПАДЕНІЕ ВЕНДЕНА.

Историческая повѣсть.

(Дѣйствіе въ XVI-мъ вѣкѣ.)

(Посвящено М. А. Лон....вой.)

Грозень былъ видъ высокихъ башень и стѣнъ Вендена, для покоренныхъ пуземцевъ Ливоніи. Подобно исполину возвышался замокъ надъ городомъ и холмистыми окрестностями, ограждая власть гермейсперовъ ордена Меченосцевъ. Уже сокрушилось могущество ордена, Ливонія перемѣнила владѣнныя. Но унылый попомокъ вольнаго нѣкогда племени, въ уничиженіи еще дивился силѣ, воздвигнувшей сіи громады сросшихся опть времени камней, которые презирали и буйство стихій и вражду человѣческую. Неприступная, древняя швердыня, поросшая мохомъ, возбуждала къ себѣ ува-

* *

женіе, подобно сѣдинамъ спарца, свидѣтелямъ исчезнувшихъ поколѣній. Теперь, въ раздорѣ шрехъ державъ за обладаніе Ливонією, укрывался здѣсь безпомѣстный Король Ливонскій, Магнусъ, отъ гнѣва Рускаго Царя, отъ страшнаго гнѣва Іоанна Грознаго.

Ночь была мрачная: осеннія облака закрывали луну. Печально опсвѣчивались стѣны сѣмьи замка при блескѣ огней рускаго спана. Огненная полоса, извиваясь змѣєю по берегамъ рѣки Аа, по холмамъ и долинамъ, опоясывала гѣродь и замокъ, указывая во мракѣ мѣста, занимаемыя безчисленнымъ рускимъ воинствомъ. Глухой гулъ отъ смѣшанныхъ голосовъ, подобно шелесту листьевъ въ бурю, раздавался вдали. Но въ замкѣ и въ городѣ царшвовала могильная тишина. Въ безмолвномъ ужасѣ смотрѣли спражи съ башенъ на несмѣтную рать рускую, которая уже

прошкля половину Ливоніи, заливая пожары кровію жишелей. — Іоанна почитали въ Ливоніи исполнишелемъ Божескаго правосудія, предвѣспникомъ страшнаго суда.

Въ грустной думѣ сидѣлъ Магнусъ, передъ каминомъ въ уединенной комнатѣ замка. Надежда оплелѣла изъ сердца и страхъ обуревалъ слабую его душу. Внезапный трескъ пылающаго дерева прерывалъ его размышленія, заставляя содрогаться, и собственная тѣнь устращала больное его воображеніе. Съ неперпѣніемъ поглядывалъ онъ на двери и прислушивался. Все было тихо. Наконецъ послышался шумъ въ коридорѣ: онъ вспалъ, закутался въ свой красный плащъ, надвинулъ на глаза круглую шляпу, украшенную бѣлымъ спроусовымъ перомъ, и оборотился къ входу. — Дверь отворилась и вошелъ рыцарь въ чер-

номъ полукафтанѣ, съ бѣлымъ чрезъ плечо шарфомъ, на которомъ висѣлъ мечъ. Короткая черная мантія съ бѣлымъ крестомъ на лѣвой сторонѣ, небрежно закинута была на спину. Рыцарь ввелъ за руку человека небольшого роста и немолодыхъ лѣтъ, на котораго Магнусъ обратилъ все свое вниманіе. Рыжіе, включенные волосы, какъ пламя свѣпились, низпадая по плечамъ. Небольшая и рѣдковолосая борода не закрывала блѣдныхъ щекъ, а сѣрые глаза ярко сверкали въ полумракѣ. Онъ былъ въ буромъ кафтанѣ, опоясанномъ кожанымъ кушакомъ съ мѣдными дощечками. Невыдѣланная кожа составляла его обувь, по обычаю эстонскихъ поселянъ. — Чрезъ плечо, на ремнѣ висѣла сума изъ волчьей шкуры, шерстью вверхъ. При входѣ въ комнату, онъ снялъ рысью шапку и низко поклонился Магнусу. —

« Фонъ Дольстъ, — сказалъ Магнусъ рыцарю, — знаешь ли онъ по-нѣмецки? » — « Знаешь. » — « И такъ мы съ тобою будемъ говорить по-лашынн. » Рыцарь склонилъ голову въ знакъ повиновенія. Магнусъ возвратился къ камину, сѣлъ на прежнее мѣсто, облокопился на маленькой столикъ и подозвалъ къ себѣ рыцаря и незнакомца. « Благодарю тебя, » — сказалъ Магнусъ, « за доставленіе мнѣ письма отъ друга моего, Герцога Курляндскаго, но я хочу переговорить съ тобою о другомъ. Меня увѣрили, что ты читаешь въ сердцѣ человѣческомъ, знаешь всѣ тайныя помысленія и предсказываешь будущее. Правда ли? » — « Испытай, Государь, » отвѣчалъ незнакомецъ, « и тогда узнаешь, должно ли мнѣ вѣрить. » — « Что ты думаешь, Фонъ Дольстъ? » спросилъ Магнусъ у рыцаря. « Государь! » отвѣчалъ рыцарь,

« мнѣ извѣстно, что онъ пользуется большимъ уваженіемъ въ Эспляндіи, что не только поселяне, но даже рыцари и духовные прибѣгають къ нему въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни и что всѣ его спрашаша и уважають: болѣе я ничего не знаю.» —

« Какъ же ты узнаешь будущее: посредствомъ духовъ или по печенію звѣздъ? » спросилъ Магнусъ у вѣщуна:

« знай, » примолвилъ онъ въ полголоса, « что я не вѣрю духамъ. » Въ это время вѣщерь потрясъ окно, и Магнусъ вздрогнулъ. Вѣщунъ коварно улыбнулся, и эта улыбка не укрылась отъ вниманія рыцаря. — « Осмѣлюсь повторить тебѣ, Государь! » сказалъ вѣщунъ, « испытай и тогда узнаешь меня. О моихъ средствахъ я не могу и не долженъ говорить. » — « Фонъ Дольстъ, » сказалъ Магнусъ, « не обманщикъ ли онъ? » Рыцарь пожалъ плечами. —

« Оставь насъ однихъ, любезный Дольстъ, » — примолвилъ Магнусъ, « и подожди въ круглой залѣ. » Рыцарь вышелъ, и Магнусъ, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ: « Не для испытанія, но изъ любопытства, хотѣлъ бы я слышать, знаешь ли ты мое настоящее положеніе, мои намѣренія и тайныя думы? » — « Государь, » отвѣчалъ вѣщунъ, « не зная прошедшаго и настоящаго, нельзя узнать будущаго. Чтобы видѣть то, что находишься за горою, надобно прежде взлѣзть на гору, и знать спезію, по которой должно взбираться. Если угодно, я тебѣ въ немногихъ словахъ расскажу твою исторію, съ тѣмъ однако жъ, что бы ты, Государь, не прерывалъ меня и слушалъ терпѣливо, безъ гнѣва, ибо въ нашемъ ремеслѣ должно говорить правду безъ прикрасъ. » — « Говори. » — « Прошу позволенія пристѣсть, »

сказалъ вѣщунъ: «ноги мои подгибаются отъ старости и трудовъ.» Онъ, не ожидая опыта, придвинулъ стулъ къ сполуку, сѣлъ, вынулъ изъ своей сумы двѣнадцать деревянныхъ жезловъ, изчерченныхъ знаками зодіака и стран-ными фигурами, выбралъ одинъ жезлъ и повершывая его передъ своими глазами, началъ говорить: «Государь! судьба даровала брату швоему Фридерiku престолъ Датскій, а тебѣ бѣдный островъ Эзель, знаменитый одною храбростію своихъ жителей. Неравенство доль ты думалъ вознаградишь предложенною тебѣ отъ московскаго Царя короною новаго ливонскаго царства, и рѣшился не только поклониться грозному владыкѣ, но женишься на его племянницѣ.» — «Все это такъ,» прервалъ Магнусъ, нахму-ря брови, «но ты пропустилъ, что цѣль моя въ семь дѣлъ состояла въ

помъ, чтобъ утвердить благо Христiянства союзомъ съ Россiею, и привлечь Іоанна въ общую войну, замышляемую всѣми Государями пропшву Мусульманъ.» — «Знаю, Государь, что это былъ явный предлогъ, но я не касаюсь дѣлъ всѣмъ извѣстныхъ, а говоря съ тобою на единѣ, упоминаю только о тайныхъ помышленiяхъ.» Въшунъ, сказавъ сіе, снова началъ повертывать жезлъ въ рукахъ своихъ и продолжалъ: «Оставивъ тихій свой Эзель, ты въ замѣнъ нашель у московскаго Царя громкія обѣщанiя и малыя корысти. Онъ женилъ тебя на молодой своей племянницѣ, обѣщаль царство, войско и пять бочекъ золоша въ приданое.» — «И ничего не далъ, кромѣ жены, за копорою и долженъ ухаживать, какъ за ребенкомъ,» возразилъ Магнусъ вспыльчиво. — «Нѣтъ, Государь, онъ далъ тебѣ войско, и почто для завое-

ванія Ливоніи, но только для себя, а не для тебя.» — « Совершенная правда! » воскликнул Магнусъ. Вѣщунъ продолжалъ: « Ливонцы радовались прекращенію вѣчныхъ браней съ Россією, и принимали новое войско въ свои города. Но крушой правъ швоего покровителя, его медленность въ исполненіи обѣщаній и опасеніе лишиться плода толкихъ трудовъ и пожертвованій, внушили тебѣ мысль, Государь.».... Въ это время Магнусъ, слушавшій вѣщуна съ поникшею головою, быстро взглянулъ на него; вѣщунъ продолжалъ: « Внушили тебѣ мысль оплошиться отъ Грознаго Царя и прибѣгнуть къ покровительству польскаго Короля.» Магнусъ вскочилъ съ кресель. « Ужасный человекъ! » воскликнулъ онъ, « уже ли ты.... Но нѣтъ, ты не можешь знать тайныхъ мыслей! » — « Государь, » сказала вѣщунъ,

не прогаясь съ мѣста, « не было бы для тебя опасности, если бъ я одинъ зналъ твою тайну: но ее знаетъ Царь московскій. ».... « Неужели!.... Но какія онъ имѣетъ доказательства? » сказалъ Магнусъ шоропливо. « У Грознаго Царя подозрѣвать, значитъ уличить въ преступленіи. — Онъ уже наказалъ безчестно твоихъ посланныхъ, осыпалъ милостями врага твоего, польскаго пана Полубинскаго и кипитъ гнѣвомъ, что ты не явился къ нему съ повинною головою. » Магнусъ опворопился, потомъ вспалъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ въ задумчивости. Онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто и сказалъ: « Можешь ли ты предсказать, чѣмъ все это кончится? » — « Попытаюсь, » отвѣчалъ вѣщунъ, вынулъ изъ сумы другую связку изчерченныхъ жезловъ и далъ Магнусу выбрать одинъ изъ нихъ. Трепещущею рукою прико-

снулся онъ къ волшебнымъ знакамъ и поспѣшилъ отдать въщуну его орудіе. Онъ повертывалъ жезлъ предъ глазами, смотрѣлъ и молчалъ. — «Можно ли поправить это дѣло?» спросилъ Магнусъ. — «Смирениемъ, или лучше скажешь, уничижениемъ предъ Царемъ московскимъ.» — «Но не уже ли ты думаешь, что онъ рѣшится умертвить меня, сына царскаго, владѣтельнаго Князя эзельскаго, супруга своей племянницы?» — «Государь, повторяю, одна покорность можешь спасти себя.» — «Но что станется съ несчастнымъ царствомъ ливонскимъ?» — Магнусъ при семъ вопросѣ закрылъ плащомъ лице свое, чтобы скрыть невольное смущеніе. Въщунъ молчалъ. — Магнусъ обратился на него взоры и увидѣлъ, что магическій жезлъ пылалъ въ его рукахъ синимъ огнемъ; вдругъ огонь погасъ и онъ задымилъ.

ся. — «Суеша суешь», сказалъ вѣщунъ, «такъ проходитъ слава земная, пакъ исчезають великія намѣренія!» Онъ уложилъ въ свою суму магическія орудія, вспаль со спула и низко поклонился Магнусу, примолвивъ: «Государь! болѣе я не могу открытъ тебѣ въ одинъ разъ: если хочешь спасти жизнь свою, явись въ спанѣ московскомъ и пади къ ногамъ Іоанна. Теперь прошу тебя, вели меня выпустишь изъ ворошъ зѣмка: меня ожидаютъ въ другомъ мѣспѣ.» — «Не знаю тебя, но удивляюсь тебѣ,» сказалъ Магнусъ: «вижу, что ты знаешь прошедшее и настоящее и потому хочу слѣдовать твоимъ совѣтамъ. Языкъ твой и высокій умъ свидѣтельствуютъ, что ты не рожденъ въ сословіи поселянъ эстонскихъ, хотя носишь ихъ одежду. Скажи мнѣ, кто ты таковъ? Быть можешь, я

могу оказать тебѣ помощь и услугу, современемъ, если Богу угодно будетъ сохранить голову мою для вѣнца.» — «Благодарю тебя, Государь, за участіе,» сказалъ вѣщунъ, «но сила человѣческая не въ состояніи помочь мнѣ и свалить камень съ сердца: что же касается до моего происхожденія, то оно знаменито одними бѣдствіями. — Одежда моя знаменуетъ мое происхожденіе.» — «Чѣмъ же я награжу тебя за твой перешедшій трудъ?» — «Золотомъ,» сказалъ вѣщунъ, улыбаясь. — «Неужели золото имѣетъ цѣну въ глазахъ человѣка, чиняющаго въ прошедшемъ и будущемъ?» возразилъ Магнусъ. — «Именно знаніе будущаго указало мнѣ нужду въ золотѣ, и привело за нимъ къ тебѣ.» — «Не понимаю тебя, необыкновенный человѣкъ,» — сказалъ Магнусъ, вручилъ ему кошелькъ съ деньгами и позвалъ

Дольста, который нетерпѣливо дожидался окончанія этого свиданія.

« Дольстъ, вели выпустишь этого человека изъ замка: я узналъ все, что мнѣ знать нужно, если только по справедливости сказаннаго имъ о прошедшемъ и настоящемъ, должно заключить о истинѣ въ будущемъ.

Вели всѣмъ моимъ ротмистрамъ собраться завтра, на разсвѣтъ, въ жилище моего вѣрнаго друга, пастора Шреффера, для общаго совѣта. Прости, любезный Дольстъ, добрая ночь; прощай, предсказатель!» Призвавъ вѣрнаго своего слугу, Магнусъ велѣлъ запереть двери и легъ въ постелю. — Сонъ оковалъ усталые члены его, но страшныя мечты волновали его кровь.

Не одинъ Магнусъ помился мрачными думами и совѣщался до глубокой полночи; не одни спражи бодрствовали въ замкѣ. — Прелестная Элеоно-

ра, дочь пастора Шреффера, любимца Магнусова, боязливыми шагами пробиралась возлѣ стѣны, по узкой пропикѣ, къ сѣверной башнѣ, часто оступаясь во мракѣ. — Одна только вѣрная служанка сопровождала ее. — Пришедъ къ башнѣ, Элеонора устремила взоры свои на высокое окно, окованное желѣзною рѣшеткою и въ полголоса сказала: «Владимірь, Владимірь, здѣсь ли ты еще?»

Въ тѣсной темницѣ заключенъ былъ болгарскій сынъ, Владимірь Славскій, доблестный воинъ, краса московскихъ юношей. Онъ посланъ былъ отъ русскаго воеводы Богдана Бѣльскаго къ Магнусу, съ извѣстіемъ о взятіи Вольмара силами Царя русскаго, и съ требованіемъ сдачи Вендена. Магнусъ, въ отчаяніи и въ гнѣвѣ за незаконное убійство своего ротмистра Вильке, начальствовавшего въ Вольмарѣ, удерж-

жалъ Владиміра заложникомъ за другихъ своихъ слугъ, и по обычаю тогдашняго времени, заперъ его въ башнѣ.

Элеонора воспитывалась въ Москвѣ у дяди своего, богатаго купца, и Владиміръ, будучи въ юныхъ лѣтахъ владѣльцемъ многихъ помѣстій, полюбилъ прекрасную иноплеменицу. — Любовь побѣдила суевѣріе и предразсудки. Элеонора кляшвенно общала или умереть въ дѣвическомъ сословіи, или быть женою Владиміра. Общательства смущали ихъ счастье, но не погасили надежды. — Отецъ Элеоноры, прибывъ въ Москву съ Магнусомъ, увезъ дочь свою въ Ливонію, назначенную въ удѣлъ его благодѣтелю. Владиміръ въ то время посыланъ былъ Царемъ въ украинскіе города. Возвратившись въ Москву, онъ не заспалъ уже своей возлюбленной, и весьма обрадовался, когда его послали

* *

къ воинству, назначенному для покоренія Ливоніи. — Онъ надѣлся свидѣться съ Элеонорою, подвигами своими пріобрѣсть уваженіе Іоанна и Магнуса и получитьъ руку дочери любимца Короля ливонскаго, въ награду за свою службу. Судьба опредѣлила иначе; онъ прославился храбростію, но ко вреду Магнусова счастья, и въ тяжкой неволѣ, сквозь рѣшетки пемницы, увидѣлъ подругу своего сердца. — Уже цѣлую недѣлю помился онъ въ холодныхъ снѣгахъ Венденской башни, и каждую ночь Элеонора приходила утѣшать его горе, разговаривать съ нимъ чрезъ окно, увѣрять въ неизмѣнной своей любви и оживлять надежду. — Владиміръ забывалъ цѣлый міръ въ эти сладостныя минушны и почиталъ себя счастливымъ.

Сонъ не смыкалъ глазъ его; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ милой своей

госпѣи и привѣтъ ея любви раздавался въ его сердцѣ, какъ голосъ спасенія въ минушу гибели. «Я здѣсь, Элеонора,» отвѣчалъ онъ, приблизившись къ рѣшешкѣ, — «и думаю только о тебѣ и объ опечесствѣ. Но скажи мнѣ, чѣмъ значить эшотъ отблескъ свѣта на прошиволежащихъ стѣнахъ замка? Не пожаръ ли опустошаетъ окрестные лѣса или села?» — «Эшотъ огни твоихъ земляковъ,» отвѣчала Элеонора: «Юаннъ съ воинствомъ пришелъ вчера къ стѣнамъ Вендена.» — «Благодарю Бога за успѣхъ рускаго оружія,» воскликнулъ Владиміръ. — «Но ты знаешь Грознаго,» возразила Элеонора: «намъ угрожаетъ смерть или плѣнь, жалость недоступна его душѣ, и если Венденъ долженъ пасть, то и всѣ его жители погибнуть. Я пришла просить тебя съ побою, мой возлюбленный: не знаю, что завтра будетъ:

но хорошаго не предвижу. Я не переживу постыднаго плѣна, не спану дождашься, чтобъ меня продали лютымъ Тапарамъ, какъ жипелей Зесвегена. Если мнѣ должно умереть, то я разрѣшаю тебѣ опъ данной мнѣ клятвы и умоляю выкупить родныхъ моихъ изъ плѣна и опослать ихъ въ страну дальнюю, гдѣ бы они не слышали о бѣдспвіяхъ своего отечества. Эшо мое завѣщаніе.» — «Тебѣ умереть!» воскликнулъ Владиміръ: «Нѣтъ, въ цѣломъ воинствѣ рускомъ не найдется изверга, который бы дерзнулъ поднять убійственнѣйшій мечъ на ангела красоты и невинности. Въ рускомъ войскѣ ты найдешь людей жалостныхъ и великодушныхъ, которые будутъ сострадать объ участи прекрасной плѣнницы. Успокойся, Элеонора, не предавайся отчаянію. Совѣсть возпретишь Магнусу умерш-

вишь меня, безвиннаго заложника; и если я буду свободенъ, тогда,»..... «Но отецъ мой!» воскликнула Элеонора: «Іоаннь кипишь гнѣвомъ пропиву него, и если родитель мой погибнетъ отъ Рускихъ, никогда брачный вѣнецъ не украситъ безпріютной головы, никогда рука моя не будетъ принадлежать Рускому. Гробъ будетъ женихомъ моимъ. Я люблю тебя, Владиміръ, болѣе моей жизни; но для любви я никогда не измѣню ни моему долгу, ни моей чести.» Слезы оросили лице прелестной дѣвицы: горестъ Владиміра заглушала въ немъ всѣ другія чувствованія. — Онъ не могъ проливать слезъ, не могъ произнести утѣшительныхъ словъ, будучи самъ терзаемъ отчаяніемъ. Въ безмолвіи онъ бросалъ блуждающіе взоры то на небо, то на Элеонору и къ умноженію горя не могъ видѣть

лица ея; въ бѣлой одеждѣ, она казалась ему таинственной гостью изъ за предѣловъ гроба. Въ его воображеніи уже свершилась ужасная мѣсть Іоаннова; онъ уже мечталъ о своемъ одиночествѣ, и жаждалъ смерти, какъ изцѣленія отъ тяжкаго недуга. — «Прости, Владиміръ!» сказала Элеонора, съ тяжкимъ вздохомъ. — Эти слова вывели его изъ его умственной оцѣнѣнія. «Элеонора!» воскликнулъ онъ, «какою ужасною вѣщью ты смутила мою душу! зачѣмъ я дожилъ до этой горькой минуты! зачѣмъ вражеская пуля не пресѣкла моей жизни, свѣтлой надеждою на любовь твою и будущее счастье! Что я могу начать въ заключеніи, какъ пособить тебѣ?» — «Поручимъ Богу нашу участь», сказала Элеонора. — «Господь не оставитъ безъ возмездія ни твоей добродѣтели, ни твоей твердости,» —

сказалъ Владиміръ. — «Если жь намъ не суждено быть счастливыми на землѣ, Элеонора, мы свидимся съ тобою, тамъ, гдѣ ни воля Іоаннова, ни суевѣрные предразсудки не сильны разлучить насъ. Прости!»

Элеонора удалилась поспѣшно: она думала смягчить горестъ Владиміра своимъ опсущствіемъ. Нѣсколько разъ она озиралась на башню, и устремляла взоры на окно, которое чернѣлось на сѣрой стѣнѣ, какъ могильная яма. Она не промолвила ни одного слова съ вѣрною своею спутницею, и пришедъ въ уединенную свою комнату, бросилась на колѣни и облегчила сердце теплою молитвою. Любовники, раздѣленные непроницаемыми стѣнами, душою были вмѣстѣ: они мечтали другъ о другѣ.

Вѣщунъ вышелъ за ворота замка, свернулъ съ дороги, ведущей въ городъ

и пошелъ полемъ къ рускому спану. Подходя къ холму, возвышающемуся на берегу рѣки и порослшему кустарниками, онъ былъ остановленъ окликомъ спражи: «Кто идеть!» — «Пріятель,» отвѣчалъ вѣщунъ. — «Руской или ино-племенникъ?» спросилъ спражь. — «Слуга Царскій,» сказалъ вѣщунъ и смѣло пошелъ къ толпѣ воиновъ, кошорые сидѣли на землѣ въ кругу, безъ огня. «Кто ты таковъ?» спросилъ его начальникъ спражи — «Я сказалъ уже, что слуга Царскій: ведите меня къ Государю.» Съ любопытствомъ осматривали воины вѣщуна, его чудской нарядъ, и удивлялись; что онъ говоритъ по-русски. «Не землякъ ли ты нашъ, заблудшій въ иноземщинѣ?» спросилъ одинъ изъ воиновъ. — «Всѣ мы дѣти одной матери, сырой земли,» отвѣчалъ вѣщунъ; «но время дорого, отправьте меня къ Царю.» — «Те-

перь не пора: Царь почиваетъ, »
сказалъ начальникъ стражи, « подо-
жди съ нами до утра. » — « Не возможно :
слово и дѣло; я хочу говорить съ
Государемъ! » — « Слово и дѣло! » по-
вторилъ начальникъ стражи, пони-
зивъ голосъ: « ребята, свяжите его поя-
сами, опведите въ спорожевой полкъ
и отдайте на руки воеводѣ Солпы-
кову. » Вѣщуну связали за спину руки,
и при воина съ обнаженными меча-
ми повели его въ спань.

Въ спорожевомъ полку только по-
лови́на воиновъ покоилась въ шала-
хахъ: прочіе бодрствовали вокругъ
огней, сокращая время разсказами о
битвахъ и объ опечествѣ. Съ любо-
пытствомъ поглядывали они на свя-
заннаго вѣщуна, думая, что это пой-
манный лазутчикъ. Шутки и угрозы
сыпались со всѣхъ сторонъ, ни мало
не смущая мнимаго плѣнника. Прово-

жашые остановились у спавки воево-
ды Солпыкова, который немедленно
вышелъ къ нимъ, узнавъ, что плѣн-
никъ желаетъ объявить Государю слово
и дѣло. Съ вѣщуномъ никто не смѣлъ
говорить, и воевода, велѣвъ его свя-
зать на пово, отправилъ его подъ
спражею въ большой полкъ, сказавъ
десятинику: «Отведи этого человѣка
къ боярину Бѣльскому.»

Одно это имя, свойственника гу-
бителя Малюты Скурапова, при-
водило въ ужасъ неустрашимѣйшихъ
воиновъ. Спражи, не зная плѣнника
и не смѣя его расспрашивать, почи-
тали его или жертвою или орудіемъ
какого нибудь злодѣйства. Онъ бодро
шелъ среди ихъ, храня молчаніе. —
Въ большомъ полку господствовали
спокойствіе и безопасность. Воины
лежали вокругъ огней и въ шалашахъ,
погруженные въ глубокомъ снѣ; полъ-

ко одни спражи бодрспвовали, обегая сложенные передъ каждою сошею ружья, копья и бердыши. Конница разположена была позади пѣшей рапи, въ нѣкоторомъ отдаленіи; тамъ при свѣтѣ огней видно было болѣе движенія. Воины, заботясь о своихъ коняхъ, привязанныхъ по десяткамъ къ кольямъ, прерывали собственное спокойствіе для надзора за вѣрными своими спутниками въ битвахъ и опасностяхъ. На самой срединѣ полка, въ пылѣ за пѣшею рапью, возвышался насыпной курганъ. На немъ блестѣла разноцвѣтная палатка Царская съ золотыми главами, огороженная частоколомъ. Противу каждаго угла палатки стояло по одной огромной пушкѣ; вокругъ кургана въ пѣсныхъ рядахъ разположены были воины, въ одинакихъ одеждахъ, вооруженные мушкетами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сей

живой стѣны разкинуто было нѣсколько палатокъ, также окруженныхъ спражею: здѣсь находились царедворцы, любимцы Царскіе и его прислуга. Глубокая тишина наблюдаема была вокругъ, на далекое разстояніе. Недремлющая спража наложила бы вѣчное молчаніе на дерзновеннаго, который осмѣлился бы нарушить покой Грознаго Царя.

Бѣльскому дали знать о приходѣ иноплеменника, желающаго говорить съ Царемъ. — Ближній бояринъ, переговоривъ съ нимъ, велѣлъ подождать до упра. — Вѣщуна развязали; онъ легъ на сырой землѣ у ногъ воиновъ и спокойно заснулъ.

Мракъ началъ рѣдѣть и солнце показалось изъ-за чернаго облака. Въ безмолвіи воины убирали коней и смѣнялись на спражѣ. Толпы придворныхъ слугъ съ нешерпѣніемъ ожидали нача-

тія своей службы; думные дѣлки съ бумагами сидѣли уже въ приказной палаткѣ, и перешептывались между собою о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. Царь еще покоился.

Вдругъ раздался въ палаткѣ Царской звуки ударовъ въ ладоши. Это былъ призывный знакъ: бояринъ Давыдъ Бѣльскій и первый дворецкій и оруженосецъ Царскій, Борисъ Годуновъ, поспѣшили опростѣю въ палатку. Остановясь у входа, они поклонились въ поясъ и сказали: «Здравія и многолѣтія желаемъ великому Государю, Царю нашему, владыкѣ милосѣрному.» — Іоаннъ лежалъ на одрѣ, покрытомъ медвѣжьими шкурами. Онъ былъ въ шелковомъ халатѣ съ золотыми узорами, опушенномъ соболями. — «Здравствуйте, мои вѣрные слуги!» промолвилъ Государь: «Борисъ, подними ращъ!» Годуновъ вы-

шелъ и далъ знакъ пушкарямъ, дождавшимся повелѣнія съ зажженными фитилями. Раздался звукъ вѣсповой пушки, и во всѣхъ тысячахъ и ополченіяхъ ударили въ бубны. Въ одно время наспалъ шумъ и говоръ въ спанѣ, подобно жужжанію пчелъ вокругъ улья. — «Государь,» сказалъ Бѣльскій, «сегодня ночью явился въ спанѣ потъ самый человекъ изъ Чуди, который сослужилъ тебѣ вѣрную службу, бывъ въ прошлую войну проводникомъ нашего войска отъ Нарвы до Колывани. Онъ мудръ и многоязыченъ, отъ него было много пользы. Теперь онъ хочеть говорить съ тобою однимъ, Государь, и прошелъ чрезъ спражу, объявляя слово и дѣло!» — «Помню, это вѣщунъ Марко;» сказалъ Государь. «Позови его.» — Бѣльскій обыскалъ вѣщуна и увѣрившись, что при немъ нѣтъ никакого оружія, повелъ къ

Іоанну. Вошедъ лѣ двери палашки, вѣщунъ упалъ на колѣни и воскликнулъ: « Слава Господу на небеси, и великому Государю на земли! » — « Здорово, старый знакомецъ, » сказала Іоаннъ; « съ чѣмъ пожаловаль: съ добромъ или худомъ? говори смѣло. » — « Государь, » отвѣчалъ Марко, « всякое благо подобаетъ тебѣ. Я нижайшій рабъ швой, пришелъ извѣстить тебя, что швой слуга Магнусъ, Король ливонскій, гошовъ пасъ къ ногамъ швоимъ, великаго Государя, и съ повинною головою принесъ ключи отъ замка и города. » — « Достойный посланникъ измѣнника! » сказала Іоаннъ, громко захохотавъ. « Надобно бы начать разправу съ тебѣ и повѣсить передъ городскими стѣнами. » — « Государь милостивый, » сказала Марко, « Магнусъ не посылалъ меня къ тебѣ, но я самъ пришелъ съ вѣстью изъ одного усердія,

вывѣдавъ шайну его сердца. » — «Такъ спало быть Магнусъ сдѣлалъ худо, что не повѣсилъ вывѣдывателя своихъ тайныхъ думъ. Какъ же ты узналъ это? — «Государь, ты знаешь мое ремесло. » — «Твое ремесло, измѣна и плутовство, » сказала Іоаннъ, смѣясь. — «Я не измѣнялъ тебѣ, великому Государю, но служилъ вѣрно и скрытыми путями велъ твое войско чрезъ лѣсную и болотную землю Чудскую. » — «Правда! за это я заплачу тебѣ золотомъ, и мы не должны другъ другу. — Но помни, что кровь избѣженныхъ дворянъ нѣмецкихъ лежитъ на твоей головѣ: я уываю руки. Ты наводилъ удалцовъ моихъ на дворы господскіе, когда Нѣмцы, не зная о нашемъ приходѣ, праздновали святки въ пирахъ и весельи: указывалъ въ лѣсахъ сокрытыя ихъ сокровища и спада. Марко, ты привелъ меня къ Виштен-

штейну, взятому на копьѣ, гдѣ положила голову вѣрный другъ мой, Малуша Скурашовъ.» При сихъ словахъ Іоаннъ нахмурилъ брови и закусилъ свою губу: это былъ знакъ его гнѣва; холодный потъ выступилъ на челѣ вѣщуна; онъ невольно запрепешалъ. Но вдругъ Іоаннъ засмѣялся. «Марко, не на своихъ ли палочкахъ вычипалъ ты намѣренія Магнуса?» — «Государь могучій и милосердый, ты самъ изволилъ приказывать мнѣ чипать передъ собою на магическихъ жезлахъ моихъ, и былъ доволенъ мною!» — «Когда жъ хотѣлъ быть ко мнѣ мой сахарный зятекъ?» спросилъ Іоаннъ, развеселившись. — «Онъ радъ бы лѣзть къ тебѣ, да вѣрно Нѣмцы его не пускаютъ. Погрози имъ, Государь, и они падутъ все передъ тобою.» Вдругъ, кто-то заглянулъ въ двери. — А, это ты, Васька Грязной!» сказалъ

* *

Царь. «По шерсти кличка. Поди сюда. Ты шутъ, а товарищемъ тебѣ будетъ плутъ. Возьми эшого колдуна въ свою палатку, корми, пой до сыта и береги какъ змѣю за пазухой. Ты опъвѣчаешь за него своею головою.» — «Государь,» отвѣчалъ шутникъ, «если онъ уйдетъ, то я опъвѣчаю буду языкомъ. Вошь, если бѣ ты далъ мнѣ на сбереженіе широги, да романею, то бы голова моя шапка была на плечахъ; а съ Чухною чпо мнѣ дѣлать? развѣ повѣсишь до твоего спроса, какъ окорокъ до розговѣнья.» — «Ты храбръ при мнѣ, Васька,» сказала Царь, «а за глаза спрусишь колдуна. Умилоспиви его и возвеличь; онъ пришелъ къ намъ посланникомъ: поклонись ему по-нѣмецки.» Грязной разшаркался передъ вѣщуномъ и чванно поднимая голову и раздувая щеки, подошелъ къ нему, обнялъ и вмѣсто

поцѣлуя спукнулъ лбомъ въ его голову. — Іоаннъ смѣялся. «Васька, ступай и не отходи отъ него ни на шагъ, вамъ не будетъ скучно. До свиданія, Марко! Борисъ,» сказала Іоаннъ Годунову: «пошли къ Солтыкову въ передовой полкъ приказъ, чтобъ онъ выстроилъ дружины свои въ боевой порядокъ. Рынду моего Квашнина пошли съ десяткомъ рейтаровъ и трубачами къ ворошамъ замка, чтобъ онъ велѣлъ голдовнику моему Магнусу явиться ко мнѣ немедленно, сдать мнѣ городъ и замокъ. Въ прошивномъ случаѣ *кара Вендена* превзойдетъ все, что понынѣ слышали и видѣли въ Ливоніи!» Лице Іоанна приняло грозный видъ. «Вели сказать,» примолвилъ онъ, «что для ослушниковъ у меня нѣтъ пощады. — Ты, Бѣльскій, будь готовъ съ большимъ полкомъ, а между тѣмъ призови ко мнѣ моихъ думныхъ

дыковъ съ бумагами. Я головою здѣсь, а душою на Руси православной: дѣла моего государства не должны останавливаться ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Измѣнники: Сильвестръ, Адашевъ и Курбскій съ клеветниками хотѣли ослабить душу мою, но Богъ укрѣпилъ меня, и рука моя высока надъ моими врагами!»

Съ возхожденіемъ солнца ропшистры, по повелѣнію Магнуса, собрались въ жилище пастора Шреффера. Не было согласія въ совѣтъ. — «Государь,» сказалъ неустрашимый и великодушный рыцарь Генрихъ Бойсманъ, комендантъ замка: «ты получилъ Королевское званіе отъ Іоанна, ты можешь повиноваться ему по своему произволу. Но мы добровольно признали тебя Королемъ Ливоніи, въ надеждѣ, что наше отечество безопасно будетъ отъ нашествія силъ»

ныхъ враговъ нашихъ, Москвитянъ, и что ты доблестію своею изцѣлишь язвы Ливоніи. Что же вышло? Іоаннъ только словомъ опдалъ тебѣ Ливонію, чтобы именемъ Короля и надеждою самостоятельности народа вовлечь насъ въ сѣти. Царь жестоко наказываетъ тѣхъ, которые вѣрятъ искренности его обѣщаній и предастъ смерти жителей и воиновъ, покоряющихся и покоряющихъ земли и города твоему имени. Въ Вольмартъ и другихъ мѣстахъ казнили рыцарей за то, что они служатъ вѣрно тебѣ. Чего же намъ ожидать? Если мы такъ несчастны, что нынѣ не можемъ сами собою отразить врага, нѣкогда смиряемаго войскомъ Меченоснаго ордена, намъ подають руку помощи Польша и Швеція; будемъ лучше шведскими или польскими подданными, но не рабами Іоанна. Намъ памятна участь Новаго-

рода, испребленнаго до конца за мнимую вину своего Пастыря. Придешь эпо и на Ливонію. Государь, если тебѣ угодно итти къ Іоанну, мы объявляемъ себя независимыми, и признаемъ того нашимъ властелиномъ, кто защититъ насъ отъ Іоанна. Не почитай насъ измѣнниками, Государь! Не мы тебя оставляемъ, ты хочешь насъ покинуть.» — «Благородные воины, и ты мой вѣрный Бойсманъ,» отвѣчалъ Магнусъ: «нѣтъ, никогда я не назову васъ измѣнниками, ибо тысячи разъ былъ свидѣтелемъ и вашего мужества и вашего прямодушія. Не требую отъ васъ, чтобъ вы шли вмѣстѣ со мною и покорились Іоанну. Я нахожусь въ другомъ положеніи: я зяць его, вассаль по данной мною присягѣ, и долженъ быть покорнымъ ему, не имѣя силы поддерживать правъ своихъ на корону Ливонскую. Но можете ли

вы, въ числѣ прехъ сошъ человѣкъ, защищаться прошиву 80,000 воиновъ мужественныхъ и послушныхъ своему Царю? Бойсманъ, обдумай хорошенько. Эпи крѣпкія спѣны не защитятъ васъ: онѣ разсыплются опѣ грома рускихъ пушекъ — и тогда что станется съ вами?» — «Тогда умремъ!» возкликнули рыцари.» — «Безполезною смертию,» возразилъ Магнусъ. «Жизнь ваша нужна для славы и блага вашего опечества; она драгоцѣнна мнѣ, умѣющему цѣнить ваши доблести. Послушайте моего совѣта: отдайте городъ и замокъ Іоанну, съ тѣмъ условіемъ, чѣобъ онѣ позволитъ вамъ удалиться свободно въ Ригу. Если же вы тамъ не найдете убѣжища: мой Эзель—вашъ удѣлъ. — Братъ мой Фридерикъ не оспавитъ васъ: вопѣ вамъ опѣ меня грамота къ нему, а у Іоанна я буду вашимъ ходашаемъ.» — «Мы благодаримъ

тебя, Государь, за добрый твой советъ и за добрыя твои желанія,» сказалъ Бойсманъ; «но не слишкомъ ли рано сдавать крѣпчайшій замокъ Ливоніи? Пока мужество и сила русскихъ будутъ сокрушаться о твердыя наши сѣны, польскій Король можетъ подождать къ намъ на помощь. Вчера вѣщунъ Марко вручилъ мнѣ окружную грамоту ко всемъ Ливонцамъ, подписанную Княземъ Курбскимъ. Вотъ она.» Бойсманъ вынулъ письмо и прочелъ. «Храбрые Ливонцы! вѣрите мнѣ, воину поспѣвшему въ браняхъ, истощившему здравіе на службѣ Царя московскаго и испытывавшему всю его неблагодарность, за мою вѣрность и преданность. Никогда Іоаннъ не восстановишь вашей народной независимости, никогда Герцогъ Магнусъ не будетъ Королемъ ливонскимъ! Васъ ждетъ участь царства Казанскаго,

участь Новагорода! вы будете его подданными и будете раздѣлять съ другими бѣдствія отъ буйныхъ порывовъ его гнѣва. Мужайтесь и держитесь крѣпко въ вашихъ замкахъ: Стефанъ Баторій, Король польскій, сжался надъ вашею участью и уже собралъ силы, чтобы освободить васъ отъ припѣснителя. Онъ предославить вамъ на волю или служить Магнусу, котораго онъ чинитъ, или на старинныхъ своихъ правахъ соединиться съ Польшею. Какъ Рускій, я желалъ бы, чтобы вы принадлежали Россіи, но какъ человѣкъ, не желаю, чтобы это было во время Іоанна. Я слишкомъ хорошо знаю его. *Князь Курбскій, воевода польскихъ Королевскихъ войскъ.*»
 Всѣ молчали, и наконецъ Магнусъ сказалъ: «Еще Баторій собираетъ войско, а Іоаннъ уже подъ стѣнами замка. Для васъ и для себя я рѣшилъ

ся ипши къ нему»... Вдругъ раздалися звуки трубъ за ворошами замка.. Съ поспѣшностію вошелъ въ совѣтъ воинъ, и сказалъ: «Посланный Царя московскаго желаетъ говорить съ Королемъ и дожидается у подъемнаго моста.» — «Мы пойдемъ къ нему на встрѣчу,» сказалъ Магнусъ. — «Господа, пожалуйста за мною.» Ропшистры послѣдовали за Магнусомъ, вышли за ворота и остановились на берегу рва. Руской посланецъ сказалъ: «Іоаннъ Царь, Самодержецъ Россійскій, и всѣхъ сѣверныхъ странъ повелитель, Государь законный Ливоніи, подвластный Единому Богу, повелѣваетъ голдовнику своему Магнусу, немедленно явиться въ станъ рускій со всеми своими воинами и сдать крѣпость и городъ. Милость и прощенье покорнымъ, кара ослушникамъ!» Магнусъ хотѣлъ говорить, но ру-

скій воинъ не дожидаясь отвѣта, повернулъ лошадь и поскакалъ въ спань.

Тихими шагами и въ задумчивости возвратился Магнусъ въ замокъ. Осѣдланые кони уже спояли среди двора, и голштинская дружина его, состоявшая изъ двадцати пяти нѣмецкихъ дворянъ, подъ начальствомъ Дольста, въ блестящемъ вооруженіи, ожидала приказаній своего повелителя. Голштинцы рѣшились сопутствовать брату своего Короля и раздѣлить съ нимъ его участь. «Бойсманъ,» сказалъ Магнусъ, «и вы благородные рыцари, скажите мнѣ, на что вы рѣшились: сдать замокъ или защищаться въ немъ, полагаясь на слова Курбскаго?» — «Не вѣрю словамъ измѣнника,» сказалъ престарѣлый рыцарь Горнъ. Бойсманъ и другіе рыцари молчали и наконецъ комендантъ сказалъ: «Опдадимъ замокъ, если Іоаннъ отпуститъ

насъ свободно, съ оружіемъ, не повелѣвая являться въ своемъ станѣ.» — «И такъ простите, вѣрные мои друзья,» сказалъ Магнусъ и обнялъ по очереди всѣхъ ротмистровъ. «Никогда не забуду вашего усердія къ моей службѣ.» Слезы текли изъ глазъ Магнуса. — «А ты, другъ и духовный отецъ мой,» — примолвилъ онъ, обращаясь къ пастору Шрефферу: «вѣрь, что я упопробую всѣ мои старанія, что бы примирить тебя съ Іоанномъ. Бойсманъ, не опускните ли со мною рускаго заложника?» — «Нѣтъ, Государь,» отвѣчалъ комедантъ; «пусть онъ останется у насъ: судьба его должна зависѣть отъ поспунковъ его Государя съ побою: мы еще не плѣнники.» — «И такъ простите!» сказалъ Магнусъ со вздохомъ, сѣлъ на коня и выѣхалъ за ворота. Рыцари печально провожали его до подъемнаго моста и про-

ливая слезы, простился съ бывшимъ своимъ Королемъ.

Лишь только въ рускомъ лагерѣ завидѣли пыль со стороны замка, все войско пришло въ движеніе: полки выстроились на своихъ мѣстахъ. Явился предъ войскомъ Іоаннъ въ златой одеждѣ, въ златоверхой остроконечной шапкѣ, унизанной драгоцѣнными камнями: на груди его висѣла алмазная цѣпь съ двуглавымъ орломъ, искусно вылитымъ изъ золота, съ знаменіемъ водворителя Христіанства въ Россіи, первозваннаго Апостола Андрея. Царь въ правой рукѣ держалъ скипетръ Россіи, лѣвою управлялъ воронымъ конемъ, который гордо сгибалъ выю и билъ сильно копытами въ землю. Конскій приборъ и чепракъ унизаны были жемчугомъ и яхонтами; сѣдло оковано червоннымъ золотомъ и украшено изумрудами. За нимъ слѣдо-

вала толпа оруженосцевъ, рындъ, боярь и царедворцевъ, въ блестящихъ доспѣхахъ и въ златошканныхъ одеждахъ; сто конныхъ стрѣльцовъ слѣдовали за нимъ въ пѣсныхъ рядахъ. — Царь, въ блескѣ величія, казался какимъ-то высшимъ существомъ: тысячи съраболѣпствомъ взирали на него и ожидали одного его мановенія, чтобъ принести ему въ жертву жизнь свою. — Съ появленіемъ Царя раздались радостные клики въ войскѣ, заиграли на трубахъ, ударили въ бубны. Іоаннъ проѣхалъ по рядамъ большаго полка, привѣщивалъ воинство и остановился по срединѣ. Все войско стояло въ боевомъ порядкѣ: на необъянномъ пространствѣ кругомъ города разположены были конныя и пѣшія дружины; между лѣсомъ копей и бердышей блестяли на солнцѣ доспѣхи начальниковъ: приспавы скакали на коняхъ,

передавая полкамъ повелѣнiя. — Жители города и защитники замка въ безмолвiи стояли на стѣнахъ, взирая съ ужасомъ на сіе величественное зрѣлище и ожидая разрѣшенiя своей участи.

Медленно ѣхалъ Магнусъ, и вѣрные его рыцари слѣдовали за нимъ печально, опустивъ копыя, какъ на погребальномъ шествiи. Увидѣвъ Іоанна, Магнусъ сошелъ съ коня и велѣлъ дружинѣ своей спѣшиться; приблизился къ Царю съ пошупленною головою и палъ передъ нимъ на колѣни. «Государь могущественный, отецъ мой милосливый!» воскликнулъ Магнусъ, простерши руку къ Іоанну. «Внемли твоему вассалу и помилуй сына царскаго! Безъ вины виноватъ передъ тобою. Ты мнѣ далъ Королевство и я думалъ, что исполняю волю твою, забирая города и земли на мое коро-

левское имя. Слуги мои не вездѣ меня понимали; часто ослушивались и противились швоимъ воеводамъ. Но вошь я самъ у ногъ швоихъ, и склоняю въ прахъ повинную голову. Городъ и замокъ гошovy опдашься тебѣ: только пѣмецкіе дворяне просятъ швоей милоспи, чшобъ ты оппустишь ихъ съ оружіемъ на волю.»— Вельможи съ любопышсшвомъ смотрѣли на Іоанна. — Онъ не нахмурилъ бровей, не гнѣвался и взглянувъ съ презрѣніемъ на Магнуса, сказалъ: «Глупецъ! ты мечшалъ похишшть Королевство происками и обманомъ, забывъ объ опцѣ своемъ и благодѣшелѣ. Ты пришелъ ко мнѣ нищій: я принялъ тебя въ мое семейство, одѣлъ, обулъ, женилъ на моей племянницѣ, надѣлилъ казноу и городами; а ты за мое добро измѣнилъ мнѣ. Все опкрылось: ты хотѣлъ бышь слугоу польскимъ, но Господь Мило-

сердый сохранилъ меня и предаешь
 тебя въ мои руки. Да совершится надъ
 тобою судъ Божій и наше Царское
 правосудіе. Я возьму свое, а тебя
 оставлю пресмыкаться въ ничтожест-
 вѣ. Съ твоими Нѣмцами не имѣю нужды
 входишь въ условія: они должны пастъ
 къ ногамъ моимъ, и ожидаешь, что
 мнѣ заблагоразсудится сдѣлать съ ни-
 ми. Теперь скажи, знаешь ли ты это-
 го человѣка?» — Магнусъ поднялъ глаза
 и вѣщуна Марко стоялъ передъ нимъ. —
 «Я только сегодня ночью узналъ его»,
 отвѣчалъ Магнусъ, «онъ явился въ за-
 мокъ съ письмами ко мнѣ отъ Герцо-
 га Курляндскаго, а къ рыцарямъ при-
 несъ окружную грамошу отъ измѣн-
 ника твоего князя Курбскаго, кошо-
 рый общалъ имъ польскую помощь и
 увѣщевалъ защищаться пропиву тебя.
 Что я былъ прошивнаго мнѣнія, до-
 казывается тѣмъ, что я не съ мечемъ

* *

противу себя, а съ просьбою у ногъ твоихъ!» — «Люблю правду,» сказала Царь, — «ты, Марко,» примолвилъ онъ, «ты нашель, чего искалъ: здѣсь будеть конецъ твоимъ кознямъ! Борись, отведи его къ моей палаткѣ; я самъ допрошу его.»

Когда сіе происходило въ полѣ, Клавдіусъ-фонъ-Юргенсбургъ, начальникъ города, знаменитый родомъ и воинскими доблестями, стоялъ на сѣнѣхъ, окруженный отличнѣйшимъ дворянствомъ. Зрѣлище уничиженія бывшаго Короля ливонскаго и торжество врага Ливоніи, Царя рускаго, воспламенили гордую душу его гнѣвомъ и местию. Въ порывѣ буйства, онъ выхватилъ зажженный фншиль изъ рукъ пушкаря, приложилъ голову къ дулу орудія и увидѣвъ, что оно направлено на самое мѣсто унижительнаго явленія, приложилъ огонь къ заправкѣ

и выспрыснулъ, возкликнувъ: «гибните!» Ядро упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Царя и засыпало его землею. — «Измѣна!» сказалъ Іоаннъ гнѣвно, но безъ изъясненія боязни. «Бѣльскій, обезоружь предаателя и его клеветниковъ, и содержи ихъ подѣ крѣпкою стражею. Они не спѣютъ моего гнѣва. Солпыковъ, ты съ передовымъ полкомъ ступай въ городъ, возьми его на копье и накажи примѣрно царевубійцу. Голицынъ, ты скажи Нѣмцамъ въ замкъ, что я освобождаю ихъ отъ казни, ожидающей городъ, если они безъ всякихъ условій предадутся мнѣ и отдадутъ крѣпость невредимою; если жъ нѣтъ, горе имъ!» Царь съ царедворцами возвратился въ свою палатку и спокойно ожидалъ исполненія своихъ приказаній.

Подобно океану, прервавшему преграду, успремилось русское войско въ

городъ. Мужественно защищали входъ жилища и малое число воиновъ, но въ одно мгновеніе вороша были выломаны, пушки взяты, защитники изрублены. Тѣсно было на улицахъ отъ русскихъ дружинъ: Нѣмцовъ шѣснили повсюду и догнавъ истребляли до единого. Не было пощады ни полу, ни лѣтамъ: воины рускіе ворвались въ дома и умерщвляли всѣхъ безъ помилованія. Не прогали ихъ ни жалобы спарцевъ, ни вопли слабыхъ женъ, ни пронзительные крики младенцевъ.

* Рускіе карали въ жилищахъ Вендена царевѣйца, и голосъ человечества замолкъ въ сердцахъ. Крикъ, стоны, звукъ оружія и выстрѣлы потрясали воздухъ. Кровью обрызганы были стѣны домовъ; по улицамъ съ трудомъ можно было пробираться по трупамъ. Часть жителей успѣли однакожь спастись чрезъ другія вороша въ замокъ.

Клавдіусъ фонъ-Юргенсбургъ, несчастная причина сего ужаснаго мщенія, погибъ защищая слабыхъ женъ и дѣшей, искавшихъ спасенія въ рапушѣ. Голову его водрузили на копье и выставили на крыльцѣ.— Въ одно время прискакали къ Іоанну присавы изъ передоваго полка и опъ Князя Голицына. Первый извѣстилъ, что кара Вендена исполнилась, и что Солтыковъ раненъ. Впорый объявилъ, что Нѣмцы оптвергнули предложеніе къ сдачѣ замка, и сѣли въ немъ на смерть. «Поздравъ Солтыкова съ моею милостью,» сказала Іоаннъ присаву передоваго полка. Посланному Голицына Царь сказалъ: «Вели, чѣобъ Князь подвель всѣ пороха, розмозжилъ замокъ до основанія и караль упорныхъ.» Іоаннъ велѣлъ между шѣмъ привести къ себѣ Марка. «Уличенный измѣнникъ, ты однимъ чистосердечнымъ разкаяніемъ

можешь смягчить заслуженную казнь,» сказала Царь. «Отвѣчай по истинѣ, какъ передъ Богомъ.» Марко положилъ руку на сердце, низко поклонился и молчалъ. «Изъ какого ты рода и племени,» спросилъ Іоаннъ: «по какому случаю научился многимъ языкамъ и принялся за ремесло вѣщуна? Я хочу знать это.» — «Я произхожу отъ первосвященника древняго Чудскаго бога Юмалы,» сказалъ Марко. «Когда Нѣмцы покорили сипрану нашу и ввели вѣру Христіанскую, предки мои, подобно всѣмъ княжескимъ родамъ нашего племени, сдѣлались рабами пришельцевъ, вмѣстѣ съ простолюдинами. Въ нашемъ родѣ сохранилась тайна жрецовъ читать письма руническія, и по печенію звѣздъ предсказывать будущее. Всѣ мои предки до меня слыли волхвами въ народѣ и я, послѣдній и безпотомный въ нашемъ родѣ, слѣдо-

валъ ихъ примѣру. Селеніе близъ Кол
ни, въ кошоромъ я родился, принад
ло барону Штейнгерцу. Тяжела
рука его надъ подданными. Выѣ
охоту, онъ заспавлялъ насъ вѣ
собакъ сгонялъ дичь; съ утра до нѣ
въ будни и праздники шягошилъ ра
ботною и обходился съ нами, какъ съ
презрѣнными животными. Я болѣе дру
гихъ испыталъ его жестокость. — Въ
изступленіи гнѣва онъ прокололъ копь
емъ отца моего: хворую мать мою
выгналъ изъ селенія по міру, какъ не
способную къ работѣ, а у меня оп
нялъ невѣсту и закабалилъ меня на
работу индземнымъ кораблестроите
лямъ въ Колывани. Я бѣжалъ въ Гам
бургъ, служилъ честно у купца 20
лѣтъ и былъ его прикащикомъ въ Мо
сквѣ: научился нѣмецкому и рускому
языку, какъ своему природному, жилъ
въ довольствѣ, но не былъ счаст-

.. Несчастье моего рода и отца
 тяготило мою душу. По смер-
 пца, моего благодѣтеля, я воз-
 ся на родину, гдѣ забыли обо
 поселился на городской землѣ и
 вилъ себя вѣщуномъ, что бы имѣть
 повсюду входъ и довѣренность. Цѣль
 моей жизни и всѣ мои дѣла и намѣ-
 ренія — мщеніе. Собирая золото, я
 разпочалъ его, что бы возбуждать мя-
 шежи противу пришельцевъ моей
 родины, и служилъ всѣмъ, кто только
 вступалъ въ Ливонію вооруженною ру-
 кою. Я привелъ войско пвос въ землю
 Чудскую на погибель рыцарей; я вну-
 шилъ Магнусу чрезъ обманутаго мною
 Шреффера, его любимца, мысль воз-
 противиться тебѣ, зная, что симъ
 подвергну цѣлую страну своему мще-
 нію. Я возбудилъ Курбскаго ободрять
 рыцарей въ дерзкомъ ихъ намѣреніи.
 Теперь я сыщъ: я довольно жилъ

для мщенія, и не боюсь смертитель-
имью нужды лгать передъ п^и слуга
ибо знаю, что ложью не спасу сѣди-
— Марко,» сказала Іоаннь, «ты че-
скій духъ, а не человекъ; но ты об-
манщикъ, а не предсказатель будуща-
го. Ты думаешь, что жизнь твоя дол-
жна кончиться опъ праведнаго моего
гнѣва за измѣну твою — но ты ошиб-
ся. — Живи: ты еще нуженъ мнѣ,
какъ ядъ и желѣзо для изцѣленія неду-
говъ. Наложите на него цѣпи и оп-
ведите его съ глазъ моихъ.»

Спрашно загремѣли орудія, устрем-
ленные на древнія стѣны Венденска-
го замка. Опъ cadaго выстрѣла раз-
сыпались камни и сокрушались баш-
ни. Защитники замка сильны были
мужеспвомъ, но слабы средствами:
едва нѣсколько орудій отвѣщпвовали
съ бойницъ, на ужасный ревъ съ поля,
потрясавшій воздухъ и землю. Учаспъ

ей города погасила въ сердцахъ
 и надежду на пощаду. — Бойсманъ
 внесъ бочки съ порохомъ въ
 залу, собралъ въ большую залу всѣхъ
 рыцарей и всѣхъ жителей Вендена, у-
 крывшихся въ замкѣ, и сказалъ: «все
 совершилось, намъ ничего не остается,
 кромѣ выбора смерти. Слѣпы на-
 ши сокрушились, воинство русское
 немедленно вломится въ замокъ. —
 Должно или умереть отъ мечей русскихъ,
 или славною смертію оставить по
 себѣ память. Я рѣшился дожидаться
 здѣсь приступа, подорвать порохомъ
 эту часть замка и погибнуть, нанеся
 гибель врагамъ нашимъ. Кто хочетъ
 умереть со мною, тотъ оставайся
 здѣсь: кто надеется спастись, не
 удерживаю!» — «Мы все умремъ съ по-
 бою!» воскликнули со всѣхъ сторонъ.
 Опицы и матери благословляли сво-
 ихъ дѣтей, держа ихъ въ своихъ объ-

ятіяхъ; друзья и знакомые умиленно
но прощались. Вдругъ явился слуга
церкви, Пастырь, украшенный сѣди-
нами, въ полномъ облаченіи, со знаме-
ніемъ Спасителя. Всѣ присутствовав-
шіе упали на колѣна: Пастырь прочелъ
громогласно молитву и началъ гово-
рить проповѣдь о ничтожествѣ жизни
земной, о непреложности будущей. Слу-
шатели внимали ему съ умиленіемъ.
Въ это время раздались воинскіе клики,
и уже рускіе воины были на проломѣ.
Быстро устремились они чрезъ дворъ
къ главному зданію, гдѣ видѣли людей
въ окнахъ, и въ это ужасное мгно-
веніе, Бойсманъ взялъ горящій свѣ-
щильникъ, приблизился твердыми ша-
гами къ окну и зажегъ фишпиль, про-
веденный къ нижнему жилью, гдѣ сло-
женъ былъ порохъ. Благодетельный Па-
стырь прочиталъ молитву по усоп-
шихъ и едва успѣлъ промолвить: «Оп-

че! въ руцѣ твоя отдаю духъ мой,» — вдругъ зданіе попрыслось, земля разсунулась, стѣны лопнули и обломки съ ужаснымъ громомъ и прескомъ взлетѣли на воздухъ въ дымъ и прахъ, съ грудями изувѣченныхъ тѣлъ. Полки рускіе остановились въ изумленіи, выстрѣлы умолкли — вопли прекратились.

Элеонора слышала рѣчь Бойсмана и поспѣшила къ отцу своему, который, запершись въ своей комнатѣ, собиралъ важныя бумаги Магнусовы. Она не сказала ему объ ужасномъ рѣшеніи отчаяннаго коменданта, но бросаясь на колѣни, просила освободить рускаго узника. Въ недоумѣніи о своей участи, Владиміръ слышалъ стрѣльбу, внималъ воплямъ побѣдителей и погибающихъ, и ждалъ конца, помышляя единственно о своей возлюбленной и о славѣ Россіи. Вдругъ дверь его

темницы отворилась и Элеонора бросилась въ его объятія. — «Отецъ мой,» — сказала она, «вошь мой возлюбленный, шощъ, которому я отдала мое сердце. Я молчала передъ тобою, ибо не знала, увижусь ли съ нимъ: теперь судьба соединила насъ на краю гроба.» — «Руской,» сказалъ Шрефферъ, — «ты дорогъ мнѣ любовью моей дочери и своимъ постолиствомъ. — Возьми эощъ мечъ и ступай къ своимъ: они уже приближаются къ стѣнамъ. Оставь насъ: мы обречены на смерть.» — «Нѣтъ, я не оставлю васъ,» — сказала Владиміръ, «и если не защищу, то умру вмѣстѣ съ вами.» Въ это мгновѣніе башня потряслась на основаніи, воздухъ помрачился и страшный громъ оглушилъ Владиміра и отца Элеоноры. Она упала на колѣни и пламенно молилась. Съ удивленіемъ и ужа-

сомъ услышалъ Владимірь и несчастный старецъ разсказъ Элеоноры о подвигѣ Бойсмана, и Владимірь вмѣстѣ съ ними почтилъ память героевъ слезами состраданія.» «Потомство, всегда благодарное и правосудное,» сказала Владимірь, «вознаградить славою великое дѣло и почтить память храбрыхъ благословеніемъ.»

Между тѣмъ рускіе воины, ворвавшіеся въ замокъ, пришли въ себя отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго взрывомъ и геройствомъ осажденныхъ. Князь Голицынъ велѣлъ щадить оставшихся, но разъяренные воины умерщвляли упорныхъ, которые скрылись въ подземельяхъ и мужественно защищались. Толпа свирѣлыхъ Татаръ, бывшихъ въ войскѣ Іоанна, вломилась въ башню, гдѣ находился Владимірь: дикари неистово бросились въ двери, увидѣвъ прекра-

снующую дѣвицу. Голосъ Владиміра остановилъ ихъ, а мечъ удержалъ опъ дерзкихъ покушеній. — Снъ велѣлъ проводить себя къ князю Г'олицыну.

Смерть пощадила Бойсмана: измозженный лежалъ онъ на муравѣ и съ опчаяніемъ въ душѣ взиралъ на развалины, которыя опринули его изъ своего лона, во власть врагамъ. Г'олицынъ съ уваженіемъ велѣлъ поднять героя, и на носилкахъ изъ копей опправилъ къ Іоанну, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, поручивъ Владиміру начальство надъ стражею.

Іоаннъ видѣлъ съ возвышенія грозное явленіе, но не зналъ причины. Думая, что Марко участвоваль въ шайнахъ защитниковъ замка, онъ велѣлъ его привести къ себѣ. — Но онъ уже переспалъ жизнь. Скоропостижная смерть разлучила его со свѣтомъ. Лекаръ объявилъ, что на лицѣ умер-

шаго замѣшилъ признаки сильнаго яда. Несчастный самъ наказалъ себя за свои злодѣянія. Іоаннъ велѣлъ бросить въ рѣку безобразное его тѣло.

Царь любилъ Владиміра, какъ храбраго воина и родственника любимца своего Бориса Годунова: онъ обрадовался его избавленію изъ плѣна. — Владиміръ разсказалъ Царю о геройскомъ подвигѣ защитниковъ замка, указалъ на Бойсмана, ихъ начальника и упавъ къ ногамъ Царскимъ, молилъ его о помилованіи Шреффера и его дочери. «Да будетъ такъ,» — сказалъ Іоаннъ тихимъ голосомъ, — «въ сей день довольно пролито крови и дерзкіе враги мои съ ужасомъ услышатъ о карѣ Вендена!» — Царь хотѣлъ видѣть Бойсмана: воины принесли его окровавленнаго и положили у ногъ Іоанна. Долго, смотрѣлъ онъ на обезображенные черты героя,

и наконецъ сказахъ: «Дорого бы я далъ, чтобъ имѣть побольше такихъ слугъ: но ты безумно поступилъ, Бойсманъ, предпочитая смерть покорности Царю рускому. Не на себя держали вы замокъ, и чѣмъ пресмыкался у ногъ Шведовъ или Поляковъ, лучше бы вамъ просить у меня возстановленія правъ своихъ. Не вы мнѣ, а я вамъ нуженъ.» — Я служилъ вѣрно Королю ливонскому,» — сказахъ Бойсманъ слабымъ голосомъ, — «но ни предъ кѣмъ не пресмыкался: я рыцарь, и только израненный, лишенный силъ, могу валяться въ ногахъ чужеплеменнаго Государя. — Великодушіе твое въ Венденѣ мы видѣли съ башень замка, и рѣшилесь смертью избавившись стыда и мщенія. Суди меня и карай: но помни, что есть Высшій Судія, который наблюдаетъ и дѣла сильнаго и страданія слабаго.».. — «Описаніе

.

его къ другимъ плѣнникамъ, • сказала Іоаннъ : печаль омрачила лице его. — Бойсманъ умеръ на рукахъ русскихъ воиновъ. Послѣднія слова его были : Богъ!... Ливонія !

Царь возненавидѣлъ прибываніе въ Венденъ: кровопролитіе упомяло грозную его душу. Угостивъ великолѣпнымъ пиршествомъ воеводъ русскихъ и знатныхъ липовскихъ плѣнниковъ, онъ отпустилъ ихъ домой, поручилъ войско воеводамъ князю Тверскому Симеону, князьямъ Ивану Шуйскому и Василью Сицкому, и съ торжествомъ отправился въ Юрьевъ, окруженный боярами, царедворцами и тѣлохранителями. Магнуса везли за Царскими обозами, какъ плѣнника, а знатныхъ его дворянъ гнали какъ стадо. Въ числѣ плѣнныхъ была Элеонора съ отцемъ своимъ; о нихъ имѣлъ попеченіе Владиміръ, сопровождавшій Царя

въ званіи втораго оруженосца. Никто не могъ проникнуть тайной думы Іоанна, и многіе мыслили, что онъ казнишь Магнуса за измѣну и ослушаніе. Въ Юрьевѣ рѣшилась его участь. Іоаннъ, въ присутствіи всѣхъ вельможъ своего двора и всѣхъ знаемыхъ Ливонцевъ, покорныхъ русской власти, велѣлъ призвать къ себѣ Магнуса, который явился къ нему, какъ жершва. — «Забываю все,» — сказалъ Іоаннъ къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, — «дарую тебѣ и твоимъ людямъ жизнь и свободу: тебѣ назначаю Оберпаленъ съ городами въ удѣлъ, пока оружіе рѣшишь споръ нашъ съ Шведами и Поляками за обладаніе Ливоніей. Но помни, Магнусъ, что дѣло мастера боится, и что я могу также легко сокрушить, какъ и сотворить. Сиди смирно и не слушай никого: мои приказанія да бу-

душѣ твоими совѣтниками. Иди съ миромъ.» — Магнусъ преклонилъ колѣна и со слезами благодарилъ Іоанна, который, будучи всегда грознымъ, умѣлъ иногда быть и великодушнымъ. «Я вижу твою тоску, юноша,» сказала Іоаннъ Владиміру, — «Царское слово излечить недугъ сердца: за вѣрную твою службу награждаю тебя прекрасною женою, и властью моею разрѣшаю бракъ съ иновѣркою. — Отецъ ся провинился предо мною, но сей день, есть день милости и прощенія. Онъ не будетъ болѣе при Магнусѣ, что бы не смущалъ его совѣтами ложными. — Въ Москвѣ я устрою судьбу его: онъ будетъ полезенъ мнѣ въ дѣлахъ съ чужеземцами. Ступай въ Москву, съ новою твоею семьею: такъ я хочу!»

Θ. Булгаринъ.

Д В Ъ С Е С Т Р Ы,

или: которой отдать преимущество?

Я знаю двухъ сестеръ.... Какъ это слабо выражаетъ мои отношенія къ двумъ милымъ, прекраснымъ существамъ! — Я люблю, люблю пламенно двухъ обворожительныхъ сестеръ и сія любовь не знала бы предѣла, если бъ это прекрасное, высокое чувство могло быть рѣшительнѣе, безъ колебанія, безъ двойственности. Но я чувствую, что оно не можетъ быть полнымъ, единственнымъ, отъ непрерывнаго уклоненія то къ старшей, то къ младшей сестрѣ. Обѣ прелестны, но каждая имѣетъ свои особенныя прелести; обѣ привлекатель-

ны, но влеченіе къ нимъ не одинаково. Одна сіяетъ, въ полночь своей красоты, какъ ясный, погодный день, обнаруживающій всю живопись окрестностей, всю роскошь природы. Душа погружается въ нѣкое упоеніе, увидя сліяніе горъ съ поднебесностію, небесъ съ стекловидностію моря; луга, подстилающіеся подъ рощи; большія дороги, лежащія какъ развернутые свитки и сады, какъ картины, окруженныя рамами своихъ оградъ. Но очарованіе, такъ сказать, рѣдѣя, изтощается, когда душа, упоенная красотою великими, но единообразными, не находитъ новой пищи для новаго возхищенія. Напротивъ, *другая* мила, заманива, привлекательна, какъ лунный вечеръ позднихъ дней лѣта. Я люблю такіе вечера! Бѣлые туманы, то затопляя, то выказывая закругленные холмы, чернѣ-

ющіеся лѣса и развалины замка на остріѣ скалы, волнуются, застилаютъ бѣлыя скашертпи, или накидываютъ препенущую дымку, которая, ничего не закрывая, ничего и не выказываетъ. Душа любяща погружаться въ сіе смѣшеніе блѣднѣющаго свѣта, синевы небесной и сизаго сумрака; любяща ловить предметы среди зыбучихъ тумановъ и странствовать за разнообразными пѣнями, которая, какъ будто живая, слѣдомъ за луною перемѣщаяся изъ долины въ долину, отъ холма къ холму. Такова *вторая сестра*, неимѣющая ничего блестящаго, но полная очарованія. Какъ прекрасна старшая! Вообразите станъ и поступь Минервы. — Что-то греческое въ лицѣ свѣломъ, что-то римское въ осанкѣ величественной. Разумъ и тишина сіяютъ въ большихъ, голубыхъ очахъ, ненарушимое спокойствіе въ чер-

пахъ лица, въ чертахъ, которыхъ согласіе есть согласіе превосходной музыки. — Все въ ней правильность, во всемъ отчетливость. Каждое движеніе — мысль; каждое слово — разумъ. Высокое краснорѣчіе льется изъ полныхъ, румяныхъ устъ. Формы ея роскошно округлены и въ самыхъ складкахъ одежды — обдуманная искусственность, умъ и приличіе. — Важность сопутствуешь ей, ослабленіе устъ соотвѣтствуетъ мысли, сіяющей на возвышенномъ челѣ. — Все въ ней открыто, все ясно. По виду — Юнона; мудростію — Минерва, осанкою — царица! Большая златострунная лира, украшенная драгоценнѣйшею оплѣлкою, въ высокомъ древнемъ вкусъ, часто обращается въ красивыхъ, полныхъ рукахъ и звѣнитъ подъ бѣлыми, округленными перстами ея. — Что скажу о пѣсняхъ,

которыя она поетъ о Царяхъ , о народахъ, о великомъ, о божественномъ?... Величественны и безсмертны , какъ возвышенная поэзія , онѣ важны , усладительны и согласны , какъ гармонія вселенной , какъ бесѣда въковъ , коей внимають поколѣнія мимоитекуція . Сінтѣснопѣнія дѣйствуютъ прямо на разумъ , утоляютъ спрасти , возвышаютъ душу. — Такова сестра старшая.

Какъ прелестна младшая сестра ! Уловите кистью красоту радуги , лентою проспилающей между слоистыхъ шуть ; опредѣлите музыкальными нотами переливы звуковъ , склоненіе перекашовъ колѣнчатой пѣсни соловья ! Изобразите на холстѣ быстро-перемѣнчатые оппѣнки на лазоревой шеѣ птицы Юнониной и тогда развѣ постигнете всю прелесть , всю миловидность младшей сестры ! — Но она не прекрасна , не величе-

ственна, въ ней ничего нѣтъ важна-
 го, почти ничего правильного. Лег-
 кость — ея примѣта; чрезвычайно-
 стройный станъ — черта ея красо-
 ны; какая-то дѣтскость, просподу-
 шіе, сердечность: вотъ абрисъ ея
 нравственной фізіономіи. Ея одеж-
 да, почти небрежная, всегда у ней
 къ лицу. — Я не могу списать ея
 лица: оно не уловимо и для самаго
 искуснаго карандаша. — Я знаю
 только, что локоны каштановыхъ во-
 лось ея, случайно разбросанные по
 плечамъ, прелестны; что миловид-
 ность лица восхищительна и что въ
 глазахъ ея есть нѣчто околдователь-
 нос. — Часто я засматриваюсь въ
 поэзію сихъ глазъ и прочитываю въ
 нихъ болѣе, нежели въ огромныхъ фо-
 ліаншахъ холодной прозы. Она, — (я
 продолжаю говорить о младшей сестрѣ,
) такъ же имѣетъ свое музыкаль-

ное орудіе. — Часто гибкіе персты ея пробѣгають по клавишамъ гармоники. Какіе звуки! Всѣ нервы приходятъ въ движеніе, подгрудіе наливается тоскою, фантазія опкликается, какъ будто на знакомый зовъ, воображеніе пылаешь и весь я внѣ себя отъ тоски, отъ упоенія, отъ непостижимой тревоги чувствъ, отъ сладостнаго смѣшенія ощущеній. Эта младшая сестра имѣетъ свои милыя причуды, свои наѣнишельскія прихоти. Ея уединенныя прогулки разнообразны, какъ и все въ ней разнообразно. Разъ я видѣлъ ее, высоко отъ земли, на самомъ остріѣ скалы. Тамъ, подъ навѣсомъ тихаго неба, на которомъ жаркая позолота заката мѣшалась съ свѣплымъ румянцемъ вечерней зари и съ серебристымъ сіяніемъ выступающаго мѣсяца, въ бѣлой одеждѣ, подъ голубымъ покрываломъ, она стояла въ живопис-

ной неподвижности, какъ геній, извлеченный рукою великаго художника, какъ легкое видѣніе, внушающее сладкія, пріятныя ощущенія. Но она любитъ скидаться и подъ воемъ осеннихъ бурь и всматриваться въ страшныя картины неба, на которомъ тучи громоздясь, какъ густыя ополченія сражающихся человѣковъ. Въ заустылыхъ башняхъ ставитъ она Эолову арфу и долго, долго подслушиваетъ, какъ будто желая зашверкнуть и послать кому нибудь пересказать тѣ прерываемые, дикіе звуки, тѣ переходы заунывные, тѣ опголоски, похожіе то на плачь, то на шоканное сѣнованіе, напоминающіе все бывшее, все минувшее, то чудное смѣшеніе воплей и пѣнія, которое рождается отъ мимолетнаго прикосновенія пустыннаго вѣтра къ звонкимъ, упругимъ струнамъ. Она любитъ странствовать по

развалинамъ рыцарскихъ замковъ, опустѣлыхъ храмовъ, упраздненныхъ монастырскихъ обителей, посѣщаютъ хранилища древняго оружія, гробницы, украшенныя гербами, памятниками пышной жизни и боевой славы людей, которыхъ уже не стало! Какъ волшебница Тесалійская, она умѣетъ возбуждать мертвыхъ на кладбищахъ! по гласу ея они восстаютъ въ бѣлыхъ саванахъ и, длинными рядами проходя мимо колдующей, рассказываютъ ей были минувшаго времени. Несравненно болѣе прихотливая, она менѣе разборчива, чѣмъ старшая сестра, въ выборѣ предметовъ для пѣнія. Съ добродушною охотливостію она рассказываетъ сказки и повѣсти, напѣваетъ элегіи и баллады, и пѣнія, увлекаетъ васъ отъ сухой, безцвѣтной существенности въ какую-то невѣдомую страну очарованія, гдѣ человѣку, бо-

лѣзущему душею, такъ весело забываться и обманываться. Не одни чертоги Царей, не одни великія явленія міра бывають содержаніемъ ея пѣсней.

Она передастъ событія, случившіяся въ хижинѣ поселянина, въ шалашѣ пастыря, въ кибиткѣ степнаго жителя, въ аулѣ Черкеса и въ тѣмъ Лопаря.— Младшая сестра любитъ города древніе, гдѣ все говоритъ воображенію и чувству, гдѣ, на обломкахъ зданій, глубоко запечатлѣны слѣды вѣковъ. Прямыя улицы, красивыя площади, зданія великолѣпныя, хотя и единообразныя, порядокъ и правильность правящей старшей. Превозходно ея краснорѣчіе! Сама прекрасная, какъ поэма, она внушаетъ возторги высокіе, рождаетъ думы величественныя, вводитъ душу въ сферу благороднѣйшихъ наслажденій, знакомитъ ее съ высокими идеалами. Въ ея разсказѣ единство, гар-

монія, истина. Заманчивы, пылнн-
 шельны повѣствованія младшей сест-
 ры! При ней пробуждаются мечты,
 освѣжающія надежды, воскресають
 воспоминанія и все семейство спра-
 шивъ, соприродныхъ челоѣку, прихо-
 дитъ въ движеніе. Что есть жизнь
 безъ бурей и случайностей? спросилъ
 я однажды у младшей сестры. Въсто
 опѣта, она указала на пространное
 озеро, медленно, какъ челоѣку, изта-
 лывающій отъ смертоноснаго недуга,
 замирающее въ заглохлыхъ берегахъ,
 исчезнувшее подъ густымъ наплывомъ
 пины, покрытой зеленью, мхами и
 папоротниками. Я понялъ смыслъ сего
 указанія. Такъ душа, опорванная отъ
 сообщества существъ, ее понимаю-
 щихъ, неосвѣжаемая обмѣномъ ощу-
 щеній и мыслей, ни огненнымъ вѣя-
 ніемъ вдохновенія, ни порывами во-
 сторговъ, ни бурею жизни, увядшая,

стѣсненная пресмыкающимися нуждами, лишается пѣщической жизни своей и, въ холодномъ безстрастїи, въ гробовомъ спокойствїи ненарушаемаго единообразїя, предается дремотѣ, самозабвенїю, чтобъ наконецъ въ глубокомъ усыпленїи прїйти въ оцѣненїе, — не пылать, не волноваться; существовать, но не жить.

Однажды была гроза и буря. Густыя тучи, набѣжавъ, поглотили звѣзды. Половина луны, какъ будто отсѣченная мечемъ, долго бѣгала въ разтревоженныхъ облакахъ. Наконецъ она исчезла. Заблистали изломчатыя молніи, и живописно браздили черное, безсвѣтильное небо. Валы свинцоваго цвѣта, въ вѣткахъ изъ бѣлой, кружащейся пѣны, ходили, какъ привидѣнія, по озерамъ. Въ воздухѣ было душно, въ лѣсахъ темно; только молніи озаряли высоты золотымъ огнемъ, а фосфорическія

гнили, разстѣянные по мокрой землѣ, сіяли серебрянымъ блескомъ и холодные лучи земнаго встрѣчались съ пламеннымъ сверканіемъ неба. Въ это время, въ этомъ мѣстѣ нашелъ я младшую сестру. Она сидѣла спокойно въ густомъ лѣсу, на изломанномъ бурую деревь. Слухъ ея, казалось, ловилъ переливы свистящихъ вихрей, въ ея очахъ изображалось какое-то юродивое забвеніе, — локоны длинныхъ вѣсовъ, какъ и всегда, спрулились; крупныя капли, при свѣтѣ молніи, сверкали на нихъ, какъ уборъ изъ перловъ и яхонтовъ. Она не замѣчала меня, но я любовался чудесными прелестями сей уединенной очаровательницы. Она, мнѣ здавалось, хотѣла постигнуть всю тайну бури, запомнить всѣ переходы грозы, можетъ быть для того, что бы послѣ все пересказать своимъ любимцамъ,

. * *

умѣющимъ понимать ея спранный языкъ, таинственную красоту бестды ея. Не-гроза ночная исчезла вмѣстѣ съ ночью. Великолѣпно было утро освѣщенной природы.—На зеленомъ скампѣ, у подножія котораго лежалъ, какъ голубое стекло, зеркало-видный заливъ моря, среди зданій, увѣнчанныхъ красивыми куполами и миловидными иосканскими столбами, въ свѣпломъ приморскомъ домикѣ, живо напоминающемъ приморскій Плиніевъ домъ, нашель я старшую сестру. Великіе поэты Греціи и Рима окружали ее въ швореніяхъ своихъ. Въ рукахъ младшей я видѣлъ Данта, Аріоста; недавно перечитывала она Гётева Фауста. Старшая жила только среди ваяній и піитического вѣка древнихъ. Спранно! я по какому-то прихотливому, безопчетному чувству влекусь къ младшей сестрѣ; но старшая при-

вскасать меня къ себѣ. Любовь ко второй заставляетъ заниматься только ею; но любовь, соединенная съ уваженіемъ къ первой, сильно колеблетъ привязанность ко второй. Отъ сего мысли мои часто шапаются и я, колеблемый нерѣшимостію, уподобляюсь маятнику, равномерно движущемуся то къ той, то къ другой сторонѣ.... Которой же отдать преимущество?—Я не смѣю рѣшить споръ. Можетъ быть, этотъ споръ занимаетъ теперь умы всего современнаго человѣчества. Молчу, что бы говоря болѣе и яснѣе, не подавъ повода подумать, что въ семъ иносказательномъ описаніи подразумѣваю я поэзіи: *Классическую и Романтическую*.

Θ. Глинка.

Б Е Д У И Н К А.

Восточная повесть.

Моавія, сынъ Сейфановъ, повелитель правовѣрныхъ, сидѣлъ однажды въ кругу своихъ царедворцевъ въ великолѣпномъ увеселительномъ зданіи, построенномъ при большой дорогѣ, ведущей въ Дамаскъ. Изъ оконъ сего зданія во всѣ стороны видъ былъ возхитительный: роскошные сады Гушы, необъятныя взору равнины Бекай, рѣчки и пруды, осыненные оливковыми деревьями, холмы, красующіеся виноградомъ и позади ихъ чернѣющійся покатъ Анпиливана, составляли вмѣстѣ прелестнѣйшую въ природѣ картину. Водометы, брызжа изъ мра-

морныхъ купелей, разливали по всему зданію пріятную прохладу; но въ зданія, удушливый зной захватывалъ дыханіе: жгущій вѣтеръ, налепавшій съ жаркихъ песковъ Неджда, дышалъ плеснворнымъ пламенемъ. Халифъ увидѣлъ вдали человѣка, въ широкой бедуйнской епанчѣ съ бѣлыми и черными полосами, шедшаго по большой дорогѣ. Былъ полдень; солнце пекло со всею своею силой, и пунникъ, шедшій босыми ногами, помясь усталостію и истощеніемъ, не могъ сносить жара разкаленной земли, по кошорой ступалъ, и ускорялъ свой ходъ. Видъ сего человѣка наполнилъ сердце Халифова горестію. «Алла сотворилъ ли когда человѣка,» воскликнулъ онъ, обращаясь къ своимъ приближеннымъ, — «несчастіе того, какъ сей Арабъ, принужденный влачиться по большимъ дорогамъ въ па-

кой жаръ, какъ нынѣшній, и въ эту пору дня?» — «Повелитель правотверныхъ!» отвѣчалъ одинъ изъ царедворцевъ: по чему знать? можетъ быть человекъ сей ищетъ тебя, хочетъ прибѣгнуть къ твоей помощи или защитить? Можетъ быть думаетъ онъ, что великодушіе твое будетъ для него пучею весеннею, прохлаждающею зной дневный и утоляющею жажду, которою, какъ видно, онъ иномится?» — «О, если меня онъ ищетъ,» вѣщалъ Халифъ, «что я буду для него пучею весеннею, оживляющею поля, пожигаемыя *харуромъ* (*), я буду ему росой благодатною, питающею листы лавра, поблеклыя отъ зноя! Сюда, отрокъ: ступай къ дверямъ моего чертога, и если сей Арабъ бу-

(*) Жгущій вѣтръ, дующій въ степи Сирійской.

депть обо мнѣ спрашивать , то многомъ приведи его предъ лице мое.»

Опрокъ сошелъ къ дверямъ чертога и спросилъ у Бедуина : куда онъ идепть въ такую пору и кого ищепть ? —

«Я иду въ Дамаскъ,» отвѣчалъ Бедуинъ, «а ищю повелишеля правовѣрныхъ : онъ правосуденъ и великодушенъ ; онъ извлечепть изъ моего сердца жало насилія , которымъ оно разшерзано , и вырвепть изъ земли мусульманской плевелы своевольтва.» —

«Если такъ , то иди за мною,» сказалъ опрокъ : «повелишеля правовѣрныхъ ждепть тебя въ эпомъ чертогѣ.» — Бедуинъ повиновался опроку , который ввелъ его предъ очи Халифовы. Представъ предъ своего властителя , Бедуинъ опдалъ поклонеііе , и , бывъ изпощенъ усталостію , съ трудомъ произнесъ нѣскольکو едва вняшныхъ словъ , коими желалъ ему

долгаго царствованія и всѣхъ возможныхъ благъ. «Откуда ты, другъ Арабъ?» спросилъ его Халифъ. — «Я изъ Емима,» отвѣчалъ онъ. — «Кого же ищешь въ такую тяжкую пору? что заставляешь тебя подвергаться въ эти часы насилію ужаснаго вѣтра, жгущаго листья оливы и удушающаго птицъ на полѣхъ?» — «Несправедливость поставленнаго обою въ градоначальники намъ Мервана, причиною труднаго моего путешествія; ищу я твоего правосудія. О Моавія!» продолжалъ онъ: «вселенная чтитъ твое могущество, мудрость и просвѣщеніе, народы благословляютъ твое правдолюбіе, прямодушіе и благость. У тебя ищу я убѣжища, когда весь міръ меня отвергаетъ. Не измѣни моей надеждѣ и правосудіемъ твоимъ отмсти за обиды, которыми гнетель меня шовъ, кого ты постав-

вилъ покровишелемъ невинности и карашелемъ злодѣевъ. Онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе, тяжчайшее самой смерти. Изъ судиіи моего, содѣлался онъ непримиримымъ врагомъ моимъ: онъ у меня опнялъ мою Соаду, гналъ меня, заключалъ въ шемницу, вооружилъ на меня родныхъ моихъ, презрѣлъ и законъ Бога и праведный гнѣвъ швой.»— Моавія, видя, что Бедуинъ пылалъ огнемъ негодованія, превожимъ былъ волненіемъ духа и измученъ успалостию, повелѣлъ ему съспать, успокоить свои чувства и попомъ разсказать ему свою повѣсть. Бедуинъ, послѣ краткихъ минушъ отдыха, снова началъ говорить такъ: «Повелишель правотѣрныхъ! я сынъ степи и веду родъ мой отъ благороднѣйшей и чистѣйшей крови Арабовъ, копорая никогда не смѣшивалась съ кровью чуждою, никогда не сливалась съ кровью жишелей горо-

довъ или сель. Изъ рода нашего произошли сто вишязей, коихъ подвиги славятся по всемъ степямъ и сто поэшовъ, коихъ стихи твердяся во всехъ шатрахъ. Я былъ богатъ наслѣдіемъ отца моего: у меня было лучшее стадо верблюдовъ и двѣнадцать самыхъ породистыхъ коней Неджескихъ. Ни одинъ странникъ не проходилъ мимо моего шатра, не испытавъ моего гостепріимства; ни одинъ утѣшеннѣйшій не испрашивалъ воище помощи копыя моего. Я взялъ себѣ въ жены Соаду, дочь Шейха моего племени. Она была прекраснѣйшая и благороднѣйшая изъ дѣвъ Аравіи; глаза ея подобились свѣтлымъ звѣздамъ Оріона, а станъ ея гибкому спелбю бана. Мы любили другъ друга и жили счастливо; но одинъ чернѣйшій годъ рушилъ наше блаженство. Я лишился попеременно и стада моихъ, и всего моего иму-

щества. Тогда всё меня покинули. Я спалъ несносенъ тѣмъ людямъ, которые прежде искали моей дружбы; я долженъ былъ сносить надменіе низкихъ душъ, которыя незадолго предъ тѣмъ испрашивали моихъ милостей. Къ горшему моему бѣдствію, шестъ мой успѣлъ, коварствомъ и вѣроломствомъ, похитить у меня жену мою, и не хотѣлъ уже возвратить ее мнѣ. Когда я пришелъ къ нему, онъ принялъ меня съ жестокими упреками, осыпалъ меня оскорбленіями и запретилъ мнѣ ходить къ нему. Племя наше кочевало тогда подъ стѣнами Басоры. Я прибѣгнулъ къ защитѣ Мервана, правителя той области. Онъ призывалъ моего тещи и спросилъ его, за что онъ такъ несправедливо со мною поступалъ? Но Шенхъ, съ безсмысленствомъ, какому не было еще примѣра, отвѣчалъ, что не знаетъ

меня и что я просто обманщикъ. Я требоваль, что бы для поясненія дѣла, швой градоначальникъ призываль Соаду и положилъся на ея показаніе. Мерванъ согласилъся на то и приказаль Шенху привести свою дочь. Но кто могъ эшо предвидѣть! поступокъ, въ которомъ я полагаль вѣрный залогъ моего спасенія, содѣлалъся источникомъ всѣхъ моихъ спраданій и бѣдъ! Едва Мерванъ увидѣль Соаду, тотчасъ въ нее влюбилъся, запретиль мнѣ входить въ судилище, терзалъ меня и наконецъ ввергнуль въ тюрьму. Я спалъ несчастіе дѣтища лани, которое видѣвъ, какъ псы звѣроловцевы разтерзали мать его въ долину, препенно бродить по кремнистымъ утесамъ Веджры. Мерванъ въ то время предложилъ моему тещю — избавить его отъ такого злѣя, какъ я, если онъ согласилъся дасть ему въ жены

Соаду, за которую обѣщался заплатить десять тысячъ драхмъ. Корыстолюбивый старикъ охотно принималъ предложеніе градоправителя, и сей, потребовавъ меня къ себѣ, повелѣлъ мнѣ развестись съ моею женою. Я отказалъ ему. Тогда прислужники его схватили меня, безжалостно бросили въ мрачное, зловонное подземелье и ревностно каждый день выдумывали новыя для меня муки, чтобы вырвать изъ меня согласіе на разводъ съ женою. Видя, что я твердо рѣшился не преклоняться предъ его неправдою, Мерванъ вздумалъ играть законами. Подкупленные, безсовѣстные судьи приговорили развести меня съ женою, на которой тогда же Мерванъ женился. Меня все еще держалъ онъ въ заключеніи, откуда я ушелъ чуднымъ случаемъ. Рука Аллы извела меня отъ толъ, не смотря на неусыпность моей

спражи, и я прибѣгаю подь кровь
твоего правосудія. Моавія! (бойся Бо-
га,) вручившаго тебѣ счастье и без-
опасность правовѣрныхъ! слезы при-
ищсненной невинности будутъ тяж-
чайшимъ обвиненіемъ, каковое Тво-
рецъ поставитъ въ день спрашнаго
суда, противъ тѣхъ, на кого возло-
жилъ Онъ заботу — править людьми
въ здѣшней жизни. » — Бедуниъ, мало
по малу одушевляясь въ своей рѣчи,
въ концѣ ея, по быспрому вдохнове-
нію, сказалъ сиі спихи:

Въ сердцѣ моемъ еще трепещетъ неправды
спрѣла,

Очи мои изпочаюшъ кровавыя слезы.

Моавія! ты никогда не сносилъ при-
ищсненій

И приищсненныхъ бѣды не вовсе понятны
тебѣ.

При сихъ словахъ, силы его оста-
вили: онъ упалъ безъ чувствъ. Халифъ

велѣлъ подать ему нужную помощь, а себѣ принести бумаги, и своею рукою написалъ къ Мервану письмо, въ которомъ дѣлалъ ему строгіе упрёки, угрожалъ своимъ гнѣвомъ и повелѣвалъ ему поспѣше развестись съ Соадою и немедленно прислать ее въ Дамаскъ.

Правитель повиновался своему Государю и отправилъ Соаду въ Дамаскъ съ тѣми же посланными, копорые принесли ему повелѣніе Халифа. Тогда же написалъ онъ и письмо къ Халифу, извиняясь любовью своею къ сей Бедуинкѣ и упорствомъ ея мужа, не хотѣвшаго съ нею развестись; что все сіе подстрекнуло его къ такимъ насильственнымъ поступкамъ, копорыхъ бы онъ никакъ не сдѣлалъ во всякомъ другомъ случаѣ; что онъ готовъ всѣми способами вознаградишь сего чловѣка за претерпѣнное имъ, и наконецъ, что онъ

съ покорностію преклоняеть повинную свою голову подъ мечъ правосудія Халифова, испрашивая его милосердія и великодушія.

Когда Соада прибыла въ Дамаскъ, ее представили Халифу. Онъ удивился ея красотѣ, съ которою прелести всѣхъ женъ его гарема не могли сравниться. Возвышенная, какъ пальма береговъ Нила, въ поступи своей она стройно склонялась, подобно раповищу копья степнаго наѣзника, сдѣланному изъ Багдадской ирости. Тѣло ея имѣло прелестный цвѣтъ серебра, съ легкою примѣсью золота, а блестящіе искрами глаза ее выражали ту возхитительную пріятность любви и нѣжности, которая столь чудно свѣтится въ глазахъ молодой лани, когда она, своротивъ на сторону гибкую свою шею, смотритъ съ любовью матери на двухъ

маленькихъ оленятъ , прильнувшихъ къ сосцамъ ея. Легкая , какъ серна горы Тудыхъ , она была и величава , какъ луна , протекающая звѣздный сводъ въ чешырнадцатую ночь свою. Моавія вступилъ съ нею въ разговоръ и нашель , что она умнѣе и образованнѣе Зарки , которой славнѣйшіе витязи степей посвящали жизнь и богатства свои. Въ минушу Халифъ спросилъ въ нее влюбился , и вмѣсто того , что бы строго наказаль Мервана , какъ онъ намѣревался , нашель въ собственномъ сердцѣ ему извиненіе. Онъ приказаль помѣстивъ Соаду въ великолѣпныхъ чертогахъ , окружилъ ее толпою невольницъ и забавъ , велѣль твердить ей о любви своей , и доставляль ей всѣ почести и увеселенія , могущія возпламенить воображеніе женщины и заставить ее полюбить такую пріятную жизнь.

* *

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Халифъ призывалъ къ себѣ Бедуина и сказалъ ему: «Другъ мой, не можешь ли ты утѣшиться безъ Соады? Я осыплю тебя богатствами и позволяю тебѣ выбрать въ жены изъ моего гарема такую красавицу, кою ты будешь болѣе другихъ понравился, съ достаточнымъ числомъ прекраснѣйшихъ невольницъ для услуги.» — Бедуинъ слушалъ слова своего Государя съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ; потомъ ручки слезъ смочили глаза его, онъ зарыдалъ, упалъ на землю и вдался въ жесточайшее опечаленіе. Халифъ дивился тому; и самъ почти смутился; онъ спросилъ у Бедуина о причинѣ такой горести и старался его утѣшить. «Могу ли не предаваться опечаленію?» вскричалъ Бедуинъ: «когда я страдалъ отъ притѣсненій моего градоначальника, тогда жилъ надеждою на свое пра-

восудіе ; но если ты столь же неправедень , какъ и онъ , — къ кому я пойду съ жалобой ? Ты въ заговорѣ съ моими врагами , что бь опнѣть у меня мою супругу , которую я люблю больше всего на свѣтѣ . Повелитель правотѣрныхъ ! такое ли употребленіе долженъ ты дѣлать изъ власти , вѣренной тебѣ Богомъ , и изъ законовъ , конхъ ты намъ поставленъ заложникомъ ? » — « Успокойся , Арабъ , » прервалъ Моавія съ важностію ; « ты не можешь претоватъ , что бы жена , съ которою ты развелся , снова соединила свою судьбу съ пвоею , кѣгда она не согласится на то сама и предпочтетъ даруемую ей отъ Бога жизнь царскую и достойную ея , жалкой участи — погребсти себя заживо съ тобою въ пескахъ пустыни , сносить всякіе недостатки и жить въ нищетѣ . Хочешь ли : я призову ее сюда ,

чтобъ она сама сдѣлала выборъ между нами? » — Бедуинъ былъ сраженъ симъ предложеніемъ Халифа; долго стоялъ онъ недвижимъ и безмолвенъ; наконецъ слезы снова брызнули изъ его глазъ и онъ сказалъ голосомъ умиленнымъ. « Повелитель правотѣрныхъ! признаюсь, что не имѣю болѣе никакого права на Соаду, если только любовь ея не дастъ мнѣ на нее права. Если она предпочитаетъ богатство и пышность, коими окружена нынѣ, ежели она чтитъ себя счастливою въ этомъ' состояніи; то пусть придетъ сюда и объявитъ намъ о томъ: я охотно покорюсь ея выбору, ибо лучшее доказательство любви, когда человекъ жертвуетъ своими чувствованіями счастію той, которую любитъ. » — Халифъ, довольный разсудительными рѣчьми Бедуина, подавъ знакъ своему

ошроку, и въ одно мгновение Соада явилась предъ очи своего Государя и перваго своего мужа, котораго съ трудомъ узнала: такъ горестъ и страданія измѣнили его! Моавія объяснилъ ей, съ какою цѣлью призывалъ ее и требовалъ, чтобъ она объявила, кого выбираетъ, его или Бедуина? Соада, въ смященіи, опвѣчала прогающимъ душу голосомъ: «Повелитель правотѣрныхъ! ни одна женщина изъ нашего племени никогда не измѣняла своему долгу. При бѣдностѣ, недостаткахъ и самомъ голодѣ, сей челоуѣкъ всегда будетъ мнѣ милѣ всякаго владыки земнаго, хотя бы тотъ былъ еще могущественнѣе, славнѣе родомъ и великодушнѣе тебѣ. Съ мужемъ, которому я клялась въ вѣчной вѣрности, полстѣ бедуинскаго шатра, горстѣ пшена и немного верблюжьяго молока, если можно его достать, — буду для

меня пріятнѣе вѣнца Халифова, обилія и роскоши двора его и почестей, которыя воздавалъ бы мнѣ народъ, разпростертый у ногъ моихъ. Нѣкогда мы обязаны были другъ другу нашимъ взаимнымъ благополучіемъ ; и какъ я любила его тогда, когда онъ былъ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ вишаземъ нашего племени, то справедливость пребудетъ , чтобъ я раздѣляла съ нимъ теперь его бѣдствія и своими о немъ попеченіями уладила горести, его тяготящія. Такъ ! я хочу снова къ нему возвратиться ; ибо женщина тогда только дѣлаетъ самое лучшее употребленіе своей воли и всѣхъ своихъ помысловъ, когда жертвуетъ собою совершенно счастію того, кому клялась она въ вѣрности. » Сказавъ сіи слова, она зарыдала, оплела руками шею своего мужа, и упала безъ чувствъ въ его объятія.

Халифъ не могъ выдержать сего зрѣлища безъ сильныхъ душевныхъ ощущеній; онъ чувствовалъ, что глаза его наполнились слезами, велѣлъ подать помощь сей женщинѣ, чтобы привести ее въ чувство, и сказалъ: «Бедуинъ! я стыжусь, что хотѣлъ быть несправедливъ съ тобою; я не могу наказать Мервана, ибо чувствую себя столь же виновнымъ, какъ и онъ; но дарю тебѣ все, что готовилъ для Соады, которую тебѣ возвращаю; къ сему я присовокупляю еще десять тысячъ золотыхъ монетъ. Не обвиняй меня предъ судомъ Божиимъ, когда мы оба предстанемъ на оный. Будьте моими друзьями, ибо я чувствую теперь, что для Государя, самое лучшее употребленіе власти его есть то, что бы побѣдить собственныя свои страсти и великодушно ими пожертвовать благу своихъ подданныхъ.»

Съ Арабск. — Сенковскій.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ КАРАМЗИНА.

Предпринимая сообщить читателямъ нѣкоторыя извѣстія о жизни и трудахъ великаго писателя, котораго потерю оплакиваетъ вся образованная Россія, могу я только повторить съ нѣкоторыми пополненіями то, что уже было сказано мною въ первые дни по кончинѣ незабвеннаго. Еще не завяли цвѣты, которыми друзья и читатели осыпали его священную могилу. Помощество, судья нелицемѣрный и справедливый, еще не началось для него: мы можемъ говорить и судить о немъ, какъ современники, можемъ увлекаться мнѣніями и сужденіями другихъ, неочищенными временемъ отъ

примѣси личной дружбы или недоброжелательства къ почившему; но если слова наши будутъ опголоскомъ истиннаго нашего убѣжденія, если они будутъ служить хотя легкимъ оппечашкомъ того, что мыслили и чувствовали наши современники при сей незамѣнимой потерѣ, то и они не пропадутъ въ будущемъ. Помощь, сравнивая труды и заслуги писателя съ мнѣніемъ о немъ современниковъ, наблюдая, въ какой мѣрѣ они умѣли понимать и уважать его, получивъ вѣрныя средства къ опредѣленію его достоинства въ отношеніи къ времени и мѣсту его жизни.

Жизнь Карамзина не богата приключеніями: онъ жилъ умомъ, чувствами, воображеніемъ, для удовлетворенія благородному влеченію души своей къ содѣйствію славы и общему благу отечества, а не для снисканія

временныхъ почестей и опличій. Онъ не посѣщалъ шумнаго торжища, на которомъ громкій, но скоропреходящій звукъ славы провозглашаетъ имена своихъ поклонниковъ; въ спокойномъ наслажденіи своимъ достоинствомъ и талантами, онъ предвидѣлъ для себя славу прочтѣйшую. Потомство, а не директоръ пишетъ въ послужномъ спискѣ его: *способенъ и достоинъ.*

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Симбирской губерніи 1 Декабря 1766 года (*), воспитывался въ Москвѣ въ домѣ профессора Шадена, а потомъ учился въ тамошнемъ университетѣ. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, и съ 1789 по 1791 годъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы. Съ того времени жилъ онъ въ Москвѣ, занимаясь лише-

(*) Сіе число вырѣзано на его надгробномъ камнѣ.

рапурию. Въ 1803 году пожалованъ въ Императорскіе Исторіографы; въ слѣдующемъ году награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника; въ 1810 получилъ орденъ Св. Владиміра 3 степени. Въ 1812 пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники, а въ 1816, по поднесеніи имъ Государю Императору Александру Павловичу первыхъ осьми томовъ Истории Государства Россійскаго, награжденъ чиномъ Спашскаго Совѣтника и орденомъ Св. Анны 1 класса. Въ 1824 году пожалованъ чиномъ Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника. — Съ 1816 года жилъ онъ въ С. Петербургѣ, проводя лѣтніе мѣсяцы въ Царскомъ Селѣ, гдѣ по Высочайшему повелѣнію опвѣдена ему была квартира въ дворцовомъ флигелѣ. — Здоровье его разстроилось послѣ сильной горячки, претерпѣнной имъ въ 1823 году. Безпрерывные труды раз-

положили его къ изнурительной чахоткѣ, кошорая открылась простудою въ январѣ 1826 года. Всѣ старанія врачей, всѣ попеченія родныхъ и друзей, великодушное участіе Государя, пламенные желанія признашельныхъ соопчицей — были тщетны. При наступленіи весны (1826) переѣхалъ онъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ ошведена ему была квартира по Высочайшему повелѣнію. Чувствуя постепенное исчезаніе силъ своихъ, пожелалъ онъ отправиться въ теплый климатъ Италіи, и надѣялся на благословенныхъ берегахъ Арно возстановить свое здоровье. Государь Императоръ, узнавъ о семъ, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему на дорогу 50 т. рублей, и повелѣлъ, для отправленія его, снарядить фрегатъ. Но Карамзинъ не могъ уже симъ воспользоваться: болѣзненные его припадки усили-

вались непрерывно. Полученный имъ въ послѣдніе дни жизни знакъ Монаршей милости, успокоившей его въ разсужденіи будущей участи нѣжно любимаго имъ семейства, возбудилъ попухавшую въ немъ искру жизни, но не надолго. Въ четвертокъ, 20 Мая, упромъ, онъ еще говорилъ объ Италіи; но вскорѣ впалъ въ совершенное разслабленіе и безпамятство, и тихо скончался 22 Маія 1826 года, во второмъ часу по полудни, на рукахъ родныхъ и друзей своихъ. — Тѣло его предано землѣ, 25 Мая, въ новой оградѣ кладбища Александро-Невскаго монастыря, по правую сторону отъ воротъ (*). По желанію, изъявленному имъ предъ кончиною, погребеніе происходило безъ всякихъ

(*) Въ старой оградѣ, по лѣвую сторону, лежали Ломоносовъ.

церемоній. Почетнѣйшія особы, пребывающія въ здѣшной столицѣ, вельможи, ученые и литераторы, Рускіе и иностранцы, присутствовали на ономъ: искренними слезами и душевнымъ воспоминаніемъ добродѣтелей, талантовъ и заслугъ усопшаго, платили они справедливую дань праху великаго Россіянина. — Государь Императоръ, принимавшій во все продолженіе болѣзни Карамзина нѣжнѣйшее въ судьбѣ его участіе, почтилъ наканунѣ погребенія послѣднимъ цѣлованіемъ прахъ сего подданнаго, который достоинъ былъ жить и дѣйствовать въ царствованіе Александра и Николая.

Карамзинъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ началъ упражняться въ отечественной Словесности, и все время, которое другіе употребляютъ на пріобрѣтеніе чиновъ или богатства,

посвятилъ благороднымъ занятіямъ науками и литературою. Но исключительныя занятія сіи не лишили его наградъ и выгодъ, сопряженныхъ съ дѣйствительною службою. Правосудные и великодушные Государи награждали его труды и заслуги самымъ опличнымъ образомъ : онъ былъ одинъ изъ первыхъ, получившихъ орденъ Св. Владиміра 3 степени въ чинѣ Надворнаго Совѣтника ; онъ одинъ въ Россіи имѣлъ орденъ Св. Анны 1 класса въ чинѣ Спашкаго Совѣтника, и получилъ оный вмѣстѣ съ симъ чиномъ. Всѣмъ извѣстна послѣдняя испинно-Царская награда, которой онъ удостоился ; извѣстно и то, какую сугубую цѣну получила, въ глазахъ его и всѣхъ благомыслящихъ людей, сія награда, отъ выраженій, коими благолюбивый Монархъ извѣстилъ объ оной самого Карамзина (см. приложение).

Первые переводы Карамзина помѣщены были въ журналѣ: *Дѣтское чтеніе*. Онъ издалъ въ Москвѣ: 1) *Московский журналъ*, 8 томовъ, 1792 и 1793. 2) *Аггала*, двѣ книжки, 1794. 3) *Аониды*, или собраніе разныхъ стихотвореній, три части, 1797, 1798 и 1799 г. 4) *Пантеонъ иностранной словесности*, 3 книжки, 1798. 5) *Вѣстникъ Европы*, Журналъ полишическій и липерашурный, 12 частей, 1802 и 1803 годовъ. — Сочиненія свои, напечатанные въ Московскомъ журналѣ, издалъ онъ особо, въ 1794 году, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*. — Въ 1804 году напечатано въ Москвѣ полное собраніе его сочиненій (въ 1815 г. вторымъ, въ 1820 третьимъ изданіемъ, въ девяти томахъ). Въ ономъ заключающа: 1) *Стихотворенія*, болѣею частію лирическія; 2) *Письма Рускаго путешественника*, 4 тома; 3) *Повѣсти*: *Бѣдная*

*Лиза, Прекрасная Царевна и счастливый карла, Юлія, Дремутій лѣсъ, Наталья боярская дочь, Сіерра-Морена, Островъ Борнгольмъ и Марѳа Посадница. 4) Историческое похвальное слово ЕКАТЕРИНѢ II. 5) Разговоръ о счастіи. 6) О Богдановицѣ и его сочиненіяхъ. 7) Историческіе отрывки: О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ; Руская старина; Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ. 8) Рѣчь, произнесенная въ собраніи Россійской Академіи, и проч. Сверхъ того напечатаны въ семь собраніи легкія прозаическія сшашья разнаго содержанія, помѣщенные въ издаваемыхъ имъ журналахъ. Изъ переводовъ напечатаны (въ тѣхъ же журналахъ и особо): *Повѣсти Мармонтеля* (М. 1794 и 1815), *Повѣсти Госпожи Жанлисъ* (М. 1816) и еще*

* *

Повѣсти разныхъ сочинителей (М. 1816). Но важнѣйшее твореніе, коему онъ посвящалъ съ 1803 года до кончины своей, въ теченіе 22 лѣтъ, всѣ труды свои, есть *Исторія Государства Россійскаго*, 8 томовъ, напечатанная въ Санктпетербургѣ 1816—18 годовъ, въпорымъ писаніемъ тамъ же, 1819—1820 годовъ. Девятый томъ 1821; десятый и одиннадцатый 1823 года. Карамзинъ занимался, въ теченіе двухъ лѣтъ, сочиненіемъ 12-го тома, который долженъ былъ заключиться возшествіемъ на престолъ Царя Михаила Θεодоровича. Сей неокончанный томъ вскорѣ будетъ напечатанъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ оставленъ авторомъ.

Исторія Государства Россійскаго есть одно изъ важнѣйшихъ твореній на рускомъ языкѣ, по предмету, изложенію и слогу. Карамзинъ воздвигъ

онѣмъ незыблемый памятникъ героямъ
 и подвигамъ древности русской, и сво-
 ему трудолюбію, уму и талантамъ.
 Но если онъ въ званіи историка до-
 стоинъ хвалы и благодарности уче-
 наго свѣта, то неменѣе, по нашему
 мнѣнію, заслуживаетъ славы въ каче-
 ствѣ либератора и прозаика. Въ Ис-
 торіи имѣлъ онъ предшественниками
 и образцами знаменитыхъ писателей
 древности и новыхъ временъ: новую
 же рускую прозу, чистую, легкую,
 благородную, сотворилъ онъ самъ, си-
 лою своего таланта и вкуса. Произ-
 веденія его, казавшіяся легкими, по-
 тому что нашли многихъ подража-
 телей, и въ томъ числѣ мало удач-
 ныхъ, сначала возбудили противорѣ-
 чіе въ либераторахъ, привыкшихъ къ
 прозѣ Ломоносова и его современни-
 ковъ; но въ послѣдствіе времени об-
 щій голосъ истинно-просвѣщенной

публики призналъ, что слогъ Карамзина не есть прихотливое подражаніе иностраннымъ примѣрамъ, а основанъ на глубокомъ познаніи свойствъ рускаго языка, очищенъ благороднымъ вкусомъ и утверждень на правилахъ всеобщей грамматики. Въ первыхъ его сочиненіяхъ, особенно въ Письмахъ рускаго путешественника, впрѣчались иностранныя слова; но слогъ послѣдовавшихъ его твореній, преимущественно Россійской Исторіи, можетъ назваться образцовымъ. Не смѣемъ утверждать, что Карамзинъ достигъ уже послѣдней степени совершенства: языкъ нашъ еще можетъ обогатиться оборотами, выраженіями и формами, пріобрѣсть бѣольшую правильность, возвыситься надъ нынѣшнюю свою степенью; но имя Карамзина будетъ сіять въ потомствѣ подлѣ именъ Кантемира и Ломоносова.

Сочиненія Карамзина дѣйствовали примѣнно на его современниковъ: приохотивъ и женскій полъ въ Россіи къ занятіямъ опечеспвенною словесностію, они предуготовили образованіе вкуса въ возрастающемъ поколѣніи. Рѣшительно можемъ сказать, что легкостію, ясностію и правильностію русской прозы въ нынѣшнее время, обязаны мы трудамъ Карамзина. Нельзя изчислишь благодѣтельныхъ послѣдствій, произтекающихъ въ общежитіи и литературѣ отъ трудовъ одного образцоваго писателя. Умъ и вкусъ его проникають повсюду: и въ кабинетъ ученаго, и въ будуаръ модной женщины, и въ палатку воина, и въ палату судейскую: читая произведенія хорошаго писателя, иногда внутренно досадуя на непривычную новизну, иногда и явно возставая на то, чего не было прежде, люди мало по малу при-

выкають къ лучшему, нечувствитель-
но увлекаются силою ума и изящес-
та, и невольно становятся его по-
сѣдователями и подражателями, сами
того не примѣчая. — Стихотворенія
Карамзина суть выраженіе *мыслей* ум-
наго чловѣка, облеченное въ форму
поэзіи нѣжной и привлекательной.

Творенія Карамзина, въ которыхъ
отсвѣчивались необыкновенный умъ,
чистый вкусъ, ясная душа и доброе
сердце, доставили ему множество дру-
зей и читателей во всей русской пуб-
ликѣ. Нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы,
въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ,
не читали Карамзина, не восхища-
лись его трудами, не любили заочно
автора. Нѣкоторые писатели, из-
дали восхищающіе публику, въ лич-
номъ обхожденіи разочаровываютъ сво-
ихъ читателей; съ Карамзинымъ бы-
ло противное: личное съ нимъ зна-

комство увеличивало и укрѣпляло по-
чтеніе и любовь, внушаемая его про-
изведеніями. *Le style est tout l'homme*
(въ слогѣ заключается челоѣкъ), го-
воритъ Бюффонъ. Это въ точности
можно было отнести къ Карамзину.
Основательность, спокойствіе, яс-
ность, чистота, правильность, бла-
горазумная бережливость, гармонія
его слога — видны были въ его дѣ-
лахъ и обращеніи; но качества сіи
получали новый блескъ и неошѣм-
лемую прелесть отъ нѣжности сер-
дца, отъ теплоты душевной, крош-
кой сострадашельности и прогашель-
наго челоѣколюбія, коими оживля-
лись всѣ его помышленія, слова и
послупки. Онъ былъ вѣрный другъ,
нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ;
находилъ услажденіе въ пособіи и бла-
гошвореніи ближнимъ; чувствуя свое
достоинство, былъ скромень и не-

взыскашелень, не зналъ недоброжела-
 тельства, зависти и мщенія; былъ
 благочестивъ и прибъженъ къ Богу;
 пламенно любилъ Россію и добрыхъ
 своихъ Государей — былъ человекъ
 великій и добродѣтельный во всемъ
 значеніи сихъ словъ!

Приложеніе.

Высочайшій рескриптъ, данный на
 имя Д. Ст. Сов. Карамзина: «Николай
 Михайловичъ! Разстроенное здоровье
 ваше принуждаетъ васъ покинуть на
 время опечесство и искать благопріят-
 нѣйшаго для васъ климата. Почитаю
 за удовольствіе изъяснить Мое ис-
 креннее желаніе, что бѣ вы скоро къ
 намъ возвратились съ обновленными
 силами и могли снова дѣйствовать
 для пользы и славы опечесства, какъ
 дѣйствовали донынь. Въ поже время,

и за покойнаго Государя, знавшаго на опытъ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя Самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель. — Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Рускій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ (*) най-

(*) Въ сей бумагѣ заключался Высочайшій Указъ Министру Финансовъ отъ 13 же мая, коимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всемилостивѣйше повелѣлъ соизвоилъ, производить Д. Сп. Сов. Карамзину, по случаю его отъѣзда за границу для излеченія своего, по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чшобъ сумма сія, обращаемая ему въ пенсію, была послѣ него про-

деше вы изъявление воли Моей, которая, будучи съ Моей спороны одною только справедливостию, есть для Меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, что бы путешествіе было вамъ полезно, и что бы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благо-склонный.»

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою :

НИКОЛАЙ.

Царское село.

13 Мая 1826 года.

изводима сполна его женѣ, а по смерти ея также сполна дѣтямъ, сыновьямъ до вступленія въ службу, а дочерямъ до замужства послѣдней изъ нихъ.

ВОЗХОЖДЕНИЕ СОЛНЦА ВЪ БУР- НОЕ ОСЕННЕЕ УТРО.

(Картина съ натуры.)

Быль 9-й часъ утра. — Синія облака густо висѣли надъ продолговатою горою, копорая рисовалась въ воздухѣ, какъ огромная крѣпость; ряды елей порчали, какъ зубцы башень. — Вдругъ появились золотыя змѣи и улеглись по краямъ облаковъ, копорыхъ синева сдѣлалась еще синѣе. — Но вотъ, все болѣе и болѣе, алѣютъ золотыя змѣишые изгибы. Вдругъ — искра... Вдругъ пожаръ... Востоку засвѣтлѣлъ... Разливъ золотого пыланія образовался въ кругъ, кругъ превращается въ шаръ, расшетъ, расшетъ... Какой

огромный шаръ: эшо солнце! — Буря вѣетъ, въ воздухъ пробѣгаетъ рѣзкій свистъ; озера кипятъ; флаги на мачпахъ хлещутся; флюгера быстро вертятся, деревья машутъ своими вершинами, облака набѣгаютъ на солнце, но имъ не закрыть уже возникшаго свѣтила. — Такъ возникаетъ просвѣщеніе во время невѣжества и порядокъ среди мятущейся гражданственности.

Минута предъ возхожденіемъ солнца имѣетъ нѣчто торжественное, нѣчто чудесно - успокоительное. — Кажется, вмѣстѣ съ мракомъ ночи, проходить все мрачное. — Не знаю вниманіе ли къ возходящему свѣтилѣ или что другое причиною тому, что душа вся направляется къ чертѣ востока и, какъ будто невѣста, приспально взирающая на дверь, изъ которой долженъ появиться женихъ

ся , радостно упоааетъ въ ооще-
 нїяхъ безымянныхъ , въ наслажденїи ,
 котораго нельзя ни осязати , ни ку-
 пить за все злато перуанскихъ руд-
 никовъ , за всѣ алмазы Индіи ; въ на-
 слажденїи , которое Милосердый Го-
 сподъ даромъ предлагаетъ всякому ,
 кого лѣность и сонъ не удержати
 въ темномъ углу , въ часы яснаго по-
 явленїя всемірнаго гостя природы ,
 великолѣпнаго Божьяго солнца. —

Θ. Глинка.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безошечномъ оіпвѣрженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному Мулѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть можетъ быть, и глубокомысленнаго.

Жалуюсь на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе опечес-веннаго языка: но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Барашинскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ нѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувстви-тельностью самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, недосыгая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ из-кажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ, либерашурныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія.... Исключенія рѣдки.

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, Н. Н., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

Чѣмъ болѣе мы холодны, разчепливы, осмопритсельны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвращительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо опмѣнно благоразуменъ. Однако есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благососпояніи съ такимъ умиле-ніемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

Никпо болѣ Баратынскаго не имѣ-
етъ чувства въ своихъ мысляхъ и
вкуса въ своихъ чувствахъ.

Примѣры невѣжливости.

Въ нѣкоторомъ Азіатскомъ народѣ,
мужчины каждый день, возставъ отъ
сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ
не женщинами.

Магометь оспариваетъ у дамъ су-
ществованіе души.

Во Франціи, въ землѣ прославлен-
ной своею учтивостію, грамматика
поржественно провозгласила муже-
скій родъ благороднѣйшимъ.

Спихотворецъ отдалъ свою тра-
гедію на разсмотрѣніе извѣстному
критику. Въ рукописи находился стихъ:

И челоуѣкъ и шла пущими заблужденій

* *

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ? Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приносиваясь къ слабости ихъ пониманія, издають ученые книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. « Ваше Высокопревосходительство ! меня Александръ Пепровичъ шакъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.» — « Какъ же, братецъ? отвѣчалъ ему Шуваловъ, у тебя

болить правая щека, а ты держишься за лѣвую.» — «Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ,» отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть бипшымъ. Въ дѣлѣ Волинскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ пошребовалъ оду у придворнаго пінты Василя Тредьяковскаго; но ода была не готова и пылкій Стапсъ-Секретарь наказалъ проснїю оплошнаго стихопворца.

Одинъ изъ нашихъ поэповъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна произходитъ отъ недостатка чувствъ и мы-

слей, замѣняемаго словами; другая опъ
полнопы чувствъ и мыслей и недо-
статка словъ для ихъ выраженія.

«Все что превышаетъ геометрію,
превышаетъ насъ,» сказала Паскаль.
И въ слѣдствіе того написалъ свои
философическія мысли.

Un sonnet sans défaut vaut seul un
long poëme. Хорошая эпиграмма луч-
ше плохой трагедіи.... Чшо это зна-
читъ? можно ли сказать, что хоро-
шій завтракъ лучше дурной погоды?

Tout les genres sont bons, hors le
genre ennuyeux. Хорошо было сказать
это въ первый разъ; но какъ можно

важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служить основаньем поверхностной критикѣ либераторныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствования. Впрочемъ никто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: *également bons*.

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка, и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора, и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего рускаго театра, и еще неигранной и не напечатанной. Забавная словесность!

Л., состарѣвшійся волокиша, говорилъ: *Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.*

Вдохновеніе есть разположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзи.

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (*point d'honneur*), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого нибудь условнаго правила, во

всемъ блескъ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду Царскому свои родословныя распри. Юный Θεодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могущій Іоаннь III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ.

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважая оной есть постыдное малодушіе. «Государственное правило, » говоритъ Карамзинъ, «ставить уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданина образованному.» Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое, и шѣмъ самымъ уже были достойны своего освобождѣ-

денія... Можесть ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической зависію нѣкоторыхъ философовъ, служить только къ разпространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage !

Сказано: *Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples.* Но какой же народъ ввѣритъ права свои тайнымъ обществамъ и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, коюрой не видалъ бы собственными глазами. Однако жъ въ Д. Жуанъ описываетъ онъ Россію; за то примѣшны нѣкоторыя погрѣшности прошиву мѣстности. На прим. онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Д. Жуанъ отправляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, *безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ.* Измаиль взять былъ зимою, въ жестокой морозъ. На улицахъ, непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдншель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!»... Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя. — Байронъ много читалъ и спрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ

ея новѣйшую исторію. Въ своихъ по-
эмахъ онъ часто говоритъ о Россіи,
о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сардана-
паловъ нацминаетъ извѣстную, по-
липическую коррикатуру, изданную въ
Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ.
Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Пеп-
ра Великаго. Въ 1813 году, Байронъ
намѣревался черезъ Персію прѣхать
на Кавказъ.

Тонкость не доказываетъ еще ума.
Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ
удивительно тонки. Прибавить мож-
но, что тонкость рѣдко соединяет-
ся съ гениемъ, обыкновенно просто-
душнымъ, и съ великимъ характеромъ,
всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный Лордъ Мидасъ,

Съ душой посредственной и низкой, —
 Чѣмъ не упастъ дорогой склизкой,
 Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
 И сталъ извѣстный господинъ.
 Еще два слова объ Мпдасѣ:
 Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
 Глубокихъ замысловъ и думъ;
 Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
 Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
 За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
 Лъстецы героя моего,
 Не зная, какъ хвалить его,
 Провозгласить рѣшились тонкимъ, и пр.

Пушкинъ.

Coquette, prude. Слово кокетка об-
 русьло, но prude не переведено и не
 вошло еще въ употребленіе. Слово
 это означаетъ женщину, чрезмѣрно
 щекотливую въ своихъ понятіяхъ о
 чести (женской) — недопрогу. Та-
 ковое свойство предполагаетъ нечи-

стопу воображенія, отвращительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, *прюдство* или смѣшно или несносно.

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени кн. Пошепкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о спашисникѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя папріотами, потому что любятъ батвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго (какъ и надлежало быть), надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3000 экз. разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросались читать исторію своего опечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ иномъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, копорья удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи опутить хоть кого, опъ охошы къ славѣ. Одна дама

(впрочемъ очень милая), при мнѣ открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако жъ не любилъ его... «Однако! за чѣмъ не *но?* однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?» — Въ журналахъ его не критиковали: у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. К... бросился на предисловіе. Н. молодой человѣкъ умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!) М. въ письмѣ къ В. пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія, не помѣстилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи Славянъ; ш. е. требовалъ отъ историка, не историкъ, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита-Ливія слогомъ Карамзина; за то почти никто

не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неупоминимымъ трудамъ. Примѣчанія къ Руской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою Исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

Французская словесность родилась
въ передней и далѣе гостинной не
доходила.

(Извлечено изъ неизданныхъ запи-
сокъ.)

~~~~~

Г А Й Д А М А К Ъ.

(Отрывокъ изъ малороссійской повѣсти.)

Г Л А В А I.

Скажи враже, якъ панъ каже.»

Малороссійская пословица.

Лѣтъ за пятьдесятъ, Малороссія была страною поэтической. Хотя жизнь и занятія мирныхъ ея жителей были самыя прозаическія, какъ вы узнаете, ММ. ГГ., изъ моихъ рассказовъ, если станешь у васъ терпѣнія; за то въ-ковыя, непроходимые лѣса, пространныя степи и худо воздѣланные поля; а въ селахъ полуразвалившіяся хижины и загложшія соромъ и крапивою

* *

улицы, переносили воображеніе въ вѣки первобытныя, которыя, какъ извѣстно, составляютъ удѣлъ и собственность поэтовъ. Удѣлъ, мимоходомъ сказать, небогатый; и опять того-то мы встречаемъ цыпомцевъ Фебовыхъ въ изношенныхъ и забрызганныхъ чернилами плащяхъ, а ищемъ—на чердакахъ. Но теперь рѣчь не о нихъ, а о жизни и занятіяхъ Малороссіянъ.

Простой народъ пилъ, ѣлъ и дремалъ въ роскошной лѣни зимою, зарывшись на печи въ просо или овесъ, сушимые для домашняго обихода. Хотя онъ не могъ похвалиться передъ Итальянцами климатомъ и красотою природы; но не уступалъ имъ ни въ лѣни, ни въ сладкоголосныхъ своихъ пѣсняхъ. Лѣтомъ мужчины косакъ обрабатывали свои поля и убирали жатву, охотно ходили гумаковать, т. е. съ обозами за рыбой и

и солью; зимою жь, если холодъ не выгонялъ ихъ въ лѣсъ за дровами, которыхъ они никогда не заготовляли на цѣлую зиму, если недостатокъ другихъ жизненныхъ потребностей не заставлялъ ихъ отвозить на *базаръ* небольшой свой запасъ хлѣба, или крайняя бѣдность не запирала въ дымной винокурнѣ зажимочнаго заводчика; то они какъ будто держали закладъ съ медвѣдями, кто кого переспишь. Промежутки между сномъ проводили они въ шинкахъ, гдѣ потчуютъ другъ друга, за чаркою вина вспоминали старину и свои *гумакованья*. Женщины бѣлили хаты свои къ Рождеству и *Велику-дню* (празднику Пасхи), содержали въ опрятности домъ, варили вкусный *борщъ*, ухаживали за домашнею скотиной, а въ зимнія вечера при свѣтѣ ночника пряли, рассказывая сосѣдкамъ страшныя были о вѣдь-

махъ, мертвецахъ и Русалкахъ; но вообще въ это время года были онѣ гораздо досужливѣе и полезнѣе мужьямъ своимъ.

Дѣвушки и молодые парни проводили время веселѣе и разнообразнѣе. Зимой они собирались вмѣстѣ на приманчивыя *ветерницы*, и здѣсь-то малороссійскія красавицы изощляли всѣ пособія сельскаго кокетства, привѣчали и часто обманывали доверчивыхъ молодцовъ. Косы, заплетенныя въ *дрибушки* или перевитыя разноцвѣтными *скиндзатками*, радужная *плахта*, штофовый или нарчевый корсетъ, едва соспѣгивающійся подъ грудью *гаплицами*, бѣлый суконный *кунтошь*, по фалдамъ коего, опдѣляющимся отъ стана, разшиты были чернымъ шелкомъ *усы* (1), и сафьянныя *гоботы* — составляли нарядъ щеголеватой малороссійской дѣвушки. Черный цвѣтъ

волосовъ и бровей и живой румянецъ въ щекахъ, почитались непремѣнными условіями красоты; посему съ помощью зеркала и услужливой пробки, или за недоспаѣнкомъ ея, накопченной иглы — свѣплага цвѣта брови часто превращались въ лоснящіеся черныя, а шаящійся въ блѣдныхъ щекахъ румянецъ вызывался наружу щипкимъ *надошникомъ* (2), или оспорожно замѣнялся наспоеннымъ въ винѣ сандаломъ. Жупанъ или свѣша на распашку, козачья шапка съ краснымъ суконнымъ верхомъ, красные или желтые чоботы, иногда цвѣтной шелковый плашокъ, небрежно повязанный на шеѣ — шаковъ былъ уборъ молодаго Мало-россіяннина *до танцу*. Музыка была не по найму: одинъ изъ поспѣшителей сего сельскаго клуба приносилъ гудокъ или *скрипицу*, балалайку, *сопѣлку* (3) или на чемъ былъ гораздъ; и наигры-

вая дудочки, жетелицу, горлицу или козатка (4), вливалъ огонь и быстро-
ту въ гибкіе члены молодой толпы.

Панки, или мѣлкопомѣстные дворяне, жили почти такъ же. Будинки (5) сельского панка были не многочисленны свѣшанцами; иногда песовыя, или чиспо выбѣленные стѣны, съ божницею, съ простою дѣдовскою утварью, составляли все ихъ украшеніе; иногда стѣны пестрѣли и удивляли глаза простодушныхъ гостей иѣми самыми или подобными тѣмъ изображеніями, какими Копляревскій убралъ палаты Царя Латина въ IV-й пѣсни своей Энеиды (6). Чай не всегда и не вездѣ подносился гостямъ, и часто замѣнялся варенухою (7). Терновка, вишневка, дулевка, рябиновка и другія наливки на домашнемъ хлѣбномъ винѣ, изрѣдка вина сикійское, монастырійское и волошское,

улаждали неразборчивый вкусъ также, какъ позже вина венгерскія, рейнскія и французскія.

Вошь, въ коропкихъ словахъ, образъ жизни тогдашнихъ Малороссіянъ. Панки опстали теперь отъ него: попчуютъ гостей чаемъ и вареньями, а панночки играютъ на фортепіано и танцуютъ экосезы; но простой народъ все еще держится коренныхъ обычаевъ. Не станемъ однако жъ выходить изъ описываемой нами эпохи и взглянемъ на частныя каршины.

Воздвиженская ярмарка въ Королевцѣ приходила къ концу; залежные гости, купцы московскіе, Жиды изъ Бердичева и Бѣлой церкви и пр. и пр., опсправились искашь на другихъ ярмаркахъ или невѣрныхъ выгодъ, или нежданныхъ пошерь. Королевецъ спаль пустѣть, какъ наши поля и болота во время осенняго передела пшницъ;

только сентябрьская непогода, дожди и грязь основали постоянное свое пребывание въ городкѣ и окрестностяхъ его до позднихъ заморозковъ. Панъ Гриценко въ это время праздновалъ именины своей дочери, прекрасной, милой и доброй Евфросиніи, которую, по малороссійскому сокращенію, всѣ называли Присею. Панъ Гриценко былъ богатъ, а Прися его единственная наследница: мудрено ли, что разпутница не помѣшала любителямъ пламенныхъ, черныхъ глазокъ и охотникамъ до сытныхъ блюдъ и вкусныхъ наливокъ, собраться у зажиточнаго сосѣда? Прелестная Прися должна была изъ своихъ рукъ подносить гостямъ наливки и варенуху, которую сама приготовила; съ милою, стыдливою улыбкою, съ опущенными къ полу рѣсницами и застѣнчивымъ поклономъ, говорила она каж-

дому обычное привѣтствіе: *на здоровье!* Такимъ образомъ, при звукѣ серебряныхъ чарокъ и *флижанокъ*, въ шуму рѣчей и малороссійскихъ пѣсень, время летѣло и короткій осенній день смѣшался съ хмырымъ и шуманнымъ вечеромъ. Многіе изъ гостей встали и хотѣли уѣхать; панъ Гриценко, по врожденному гостепріимству Малороссіянь, удерживалъ всѣхъ, наливалъ чару за чарой и просилъ посидѣть.

— «Нѣтъ, не погнѣвайшесь! говорилъ толстый подкоморій Кнышь; дорога ко мнѣ идешь по косогору и у самага лѣса; волки ходять теперъ спаями, и почему знашь — можешь быть *гайдамакъ...*»

— «Полно, полно!» прервалъ рѣчь его Гриценко: «къ чему пугать любезныхъ моихъ гостей? и какъ сюда ждаль *гайдамака*, и что ему здѣсь

дѣлать? Если кандалы не подкосили ему ноги и колодка не скрючила шею, то онъ вѣрно теперь не ближе отсюда, какъ верстъ за пятьдесятъ, гдѣ нибудь на Королевской дорогѣ, поджидаетъ богатаго московскаго купчика съ товарами или бѣломорскаго Грека съ винами. Вы знаете, что теперь разъѣзжаются съ ярмарки.»

— «А что въ самомъ дѣлѣ, не слышно ли чего о гайдакахъ?» спросилъ одинъ изъ гостей.

— «Какъ?» подхватилъ словоохотливый подкоморій, считавшійся въ своемъ кругу пріятнымъ разсказчикомъ и живою газетой всѣхъ новостей: «не уже ли вы ничего не слыхали о томъ, что случилось въ Королевцѣ? Ну такъ я вамъ разскажу. Племянникъ мой былъ тамъ на ярмаркѣ и привезъ мнѣ самыя починныя и подробныя извѣстія.» При сихъ словахъ, подкоморій посмотрѣлъ

на все собраніе съ самодовольнымъ и опчаспи горделивымъ видомъ, какъ человекъ, знающій то, чего другіе не знаютъ.

— «Вопъ, милоспивые государи, какъ было дѣло,» продолжалъ подкоморій: «Гайдамакъ вдругъ явился среди бѣла дня на ярмаркѣ, въ толпѣ народа. Никто не смѣлъ его пронушь даже пальцомъ: самые опчаянные смѣльчаки боялись не столько его силы, сколько его бѣсовскаго художества и мороченья. Онъ похаживалъ, какъ индѣйскій пѣтухъ, спѣсиво раздувъ хохоль и посматривая на боязливыхъ: куда ни обернешя — толпа народа шакъ и опхлынетъ, какъ дымъ опъ вѣпра. Тутъ опкуда-то выискался Жидъ, кошорый, какъ и весь ихъ жидовскій родъ, видно зналъ чернокнижіе не хуже Гаркуши. Онъ явился къ повѣшовому судѣ и сказалъ ему на-

единѣ, посмотрѣвши на звѣзды и на воду, гдѣ и какъ можно поймать гайдамака, живымъ и безъ всякаго сопропивленія, ну словно, какъ мы ловимъ зайца пенешами. Въ полночь, Жидокъ съ разсылщиками и поняпыми напалъ на гайдамака врасплохъ, когда тотъ спалъ подъ чистымъ небомъ, въ какомъ-то глухомъ мѣстѣ, ошговорилъ начерченный имъ около себя волшебный кругъ, услаъ за тридевять земель спорожившаго надъ нимъ нечистаго духа и выдалъ Гаркушу разсылнымъ козакамъ, которые тотчасъ его скрупили и повезли въ Гл....овъ. Только не надолго его взяли: при переправѣ черезъ Клевень, на поромѣ, онъ вдругъ околдовалъ своихъ конвойныхъ: всѣ они, человекъ сорокъ, не могли пронуться ни руками, ни ногами, хотя слышали, какъ вдругъ разплеснулась вода въ Клевени, видѣ-

ли, какъ опшуда выскочилъ на поромъ
черный конь съ огненными глазами,
какъ Гаркуша сълъ на него, взвился
надъ рѣкою и берегомъ — и поминай
какъ звали! Все это рассказывали
они уже спустя шесть часовъ послѣ
этого случая, а до тѣхъ поръ оста-
вались окаменѣлыми на поромѣ, и они
и ихъ лошади. Съ Жидомъ было и то-
го хуже: онъ вдругъ исчезъ, такъ что
не замѣтили, въ воду ли канулъ или въ
дымъ соплѣлъ. Нечистая сила видно
покарала своего прислужника за то,
что онъ выдалъ ся любимца. »

— « Да, гайдамакъ ужасный черно-
книжникъ: дунешь на воду — и вода за-
горится, махнешъ рукою на лѣсъ —
и лѣсъ приляжешъ; » сказала одна до-
родная гостья, и конча рѣчь, какъ за-
мѣтно было, шептала молитву.

— « И лихой удалецъ » — примол-
вилъ опшавный хорунжій Черемша: —

« съ дюжиною своеѣ вольницы набѣ-
житъ на цѣлый обозъ, подводъ во сто
и болѣе; не побоишься ни ружей, ни
рогатины, свиснешь, гаркнешь: *ницъ
головами* (8)! и всѣ прилягутъ, пока
онъ не очистишь возы ото всего,
что лучше да подороже.

« Охота вамъ, господа! » еще разъ
перервалъ хозяинъ, « рассказывать та-
кія незабавныя новости? Вы и такъ
уже напугали мою именинницу: смот-
рише, она сидитъ въ углу и чуть не
плачетъ. »

И въ самомъ дѣлѣ Прися, въ про-
межуткахъ пощиванья гостей своихъ,
сидѣла въ углу, одна, вдали отъ всѣхъ,
съ поникшею головою. Лице ея было
печально, частые вздохи волновали
высокую грудь ея; въ кругленькихъ,
полненькихъ щечкахъ, то вспыхивалъ
яркій румянецъ, то вдругъ сбѣгалъ съ
нихъ и уступалъ мѣсто блѣдности.

Не опть ужасныхъ разсказовъ тосковала милая дѣвушка: нѣтъ! они ее не занимали, она ихъ не слушала. Годъ назадъ, она провела эптоть день съ другомъ своего сердца, Демьяномъ Квѣпчинскимъ, молодымъ, пригожимъ и ловкимъ офицеромъ одного гусарскаго полка. Квѣпчинскій былъ сынъ одного сосѣдняго дворянина; отецъ его былъ бѣденъ, но Демьяна воспиталъ въ Кіевѣ и за чепыре года предъ тѣмъ, изъ послѣдняго снарядилъ его на службу Царскую. Демьянъ служилъ съ опличіемъ, скоро произведенъ былъ въ офицеры и за годъ до описываемаго здѣсь времени, пріѣзжалъ въ оппускъ къ опцу своему. Тутъ познакомился онъ съ домомъ пана Гриценка, увидѣлъ Присю, влюбился въ нее страстно, изъяснился ей въ любви и получилъ взаимное признаніе робкой дѣвушки. Ободренный ея любовью, лич-

ными своими достоинствами и благословеніемъ отца своего, послалъ онъ сватовъ къ пану Гриценку; но получилъ оскорбительный отказъ, сопровождаемый насмѣшкою, вѣрнымъ изъясненіемъ спѣси богатаго и стариннаго малороссійскаго пана. Отецъ Приси отвѣчалъ, что не отдастъ дочери своей за бѣдняка, который сверхъ того не можетъ насчитать и прехъ поколѣній въ дворянской своей родословной. Ни слезы, ни увѣренія Приси, что кромѣ Демьяна Квѣшчинскаго она не будетъ ни чьею женою — не сильны были разжалобить упрямаго старика. Съ тѣхъ поръ, влюбленные видѣлись только однажды, и то мелькомъ; поклялись другъ другу: она — что расплешетъ дѣвичью свою косу развѣ только подъ клобукъ монахини, а онъ — что сосватается развѣ только съ пулею непріятельскою. Демьянъ

убхаль въ армію, и уже болѣе десяти мѣсяцевъ не было о немъ ни слуху, ни духу. Прися шосковала, плакала какъ дитя; но грусть ея, какъ и грусть дитяти, не была глубока, не изсушила ея сердца и не измѣнила юной ея красоты и свѣжести. Только въ день своихъ именинъ, оживляя въ душѣ своей память прошедшаго, она была грустнѣе обыкновеннаго; и хотя стыдилась плакать при гостяхъ, что бы злые языки не вывели изъ того какихъ либо предосудительныхъ для нея заключеній; однако жъ безпрестанно задумывалась, вздыхала и измѣнялась въ лицѣ, какъ мы видѣли выше. Отецъ ея первый это замѣнилъ; ибо гостямъ, за попойкою и разговорами, было не до того.

— «Что съ тобою спалось, дитя мое?» — сказала онъ, подошедъ и поцѣловавъ ее въ лобъ. «Не бойся: Богъ

* *

милосшивъ; Онъ не попустишь, что бы такой ангель, какъ ты, такая добрая и послушная дочь, поспрадала отъ набѣговъ и грабительства гайдамаковъ. Это все сказки: Гаркуши здѣсь по близости нѣтъ и не будетъ. — А! да я и забылъ, что у насъ именины безъ музыки; это и въ самомъ дѣлѣ скучно, особливо молодымъ дѣвушкамъ: ихъ ноги не привыкли бытъ въ покоѣ.... Эй, Спецько! »

Спецько (9), камердинеръ и вмѣстѣ скороходъ пана Гриценка, явился у дверей въ разодраной *свитѣ*, съ босыми ногами и полуразшвореннымъ ршомъ; уставилъ неподвижные глаза на своего пана и ждалъ приказа.

— « Бѣги опрометью, вялое животное, и позови сюда слѣпца Несперяка (10) съ бандурою. »

— « Шкода (11)! » — жалко пропищаль Спецько, пожимая плечами и не двигаясь съ мѣста.

— « Шкода будетъ тебѣ, если еще разинешь ротъ. »

— « Власть панская! » продолжалъ Спецько, все еще не уходя и тѣмъ же голосомъ: « только на дворѣ ночь хощь глазъ выколи, дождь какъ изъ ведра, грязь по колѣно. До Несперяковой хаты далеко: она на краю села; а шамъ у оврага всякую ночь люди видяць черную собаку, и всѣ въ одинъ голосъ говоряць, что это *упырь* (12); кто знаеть, можетъ быть самъ Несперякъ: эшотъ слѣпой лѣшій не мнѣ одному кажется колдуномъ. —

— « Ступай же, пока я не заколдовалъ тебѣ языкъ; » — закричалъ Гриценко, толкая его въ сѣни.

Дѣлать нечего: бѣдный Спецько долженъ былъ ошправиться въ неприят-

ное для него посольство; за то, мѣся ногами грязь по улицѣ, онъ вывѣпривалъ свою досаду горькими жалобами и не щадилъ своего пана, въ слѣдующей рѣчѣ, которая разспановками у него вырывалась:

« Правду говоритъ пословица: *Скажи враже, лкъ панъ каже!....* Хорошо ему сидѣть въ теплой и свѣтлой комнатѣ, да пить свою терновку съ гостями: самъ бы пошелъ вмѣсто меня въ такую погоду, въ такую ночь.... и куда еще? О Мамъ Прѣсвятая Богородица!.... А!... кто туть? кто шумить? кто шепчетъ?... Нѣтъ, кажется: это въ панскомъ саду блеклые листья шелестятъ подъ дождемъ.... Я не трусъ и за себя постою; съ живымъ управляюсь; только мертвецъ или оборотень — не свой братъ!.... А ужь, что будетъ, то будетъ! у меня на всякой случай есть оборона;

на мертвеца — крестъ, а на живаго — дубина.... Подумаешь, подумаешь: для чего я самъ не панъ! Ъль бы сало, сколько душъ угодно, накопилъ бы полные сундуки денегъ и спалъ бы на печи, а для пошѣхи заставилъ бы пана Гриценка прыгать черезъ эту дубину или послалъ бы его въ глухую ночь сзывать всѣхъ слѣпцовъ и бандуристовъ изъ околотка.... Чпобъ ему такъ легко икалось, какъ мнѣ легко по его причудамъ пащиться здѣсь по грязи и шарить ошупью дорогу.... Ни звѣздочки на небѣ, ни свѣта по хатамъ: всѣ улеглись.... вошъ самая лучшая пора бродить по улицамъ! добрый человекъ теперь и собаки не выгонитъ.... Богъ тебѣ судья, панъ Гриценко! ... *Скажи враже, лкъ панъ каже... Ай!...* »

Спрахъ оковалъ ноги бѣднаго Спецька, и на эшопъ разъ его спрахъ былъ не пустой: сильный ударъ по плечу

невидимой въ потьмахъ руки зазвѣнѣлъ у него въ ушахъ, какъ неожиданный ударъ грома, и рассыпался по всѣмъ его сослѣваемъ смертнымъ холодомъ.

— « Здорово, товарищъ! » — проговорилъ въ то же время кто-то швердымъ голосомъ, который показывалъ, что говорившій не боится дубины и не бѣгаетъ отъ креста.

— « Здорово, коли надобно!... Кто ты: мертвецъ, оборотень, или....? » спросилъ Спецько дрожащимъ, перерывчатымъ голосомъ; послѣднее слово замерло у него въ горлани.

— « Узнаешь, когда со мною пройдешься, » съ смѣхомъ отвѣчалъ неизвестный. « Я слышалъ, что панъ Гриценко не слишкомъ милосердо съ тобою поступаетъ: въ эту ночь послать по своимъ причудамъ такого славнаго парня.... Не знаю, на твоемъ мѣстѣ я

опшупилъ бы ему шупку такъ, что онъ бы не скоро опомнился. —

— «Гдѣ мнѣ съ нимъ сладить? онъ мой панъ! Плечью обуха не перебьешь....»

— «Перебьешь, коли съумѣешь: не въ томъ сила, что онъ толстъ и крѣпокъ, а въ томъ, что бы знать сноровку, гдѣ и какъ ударить по обуху. —

— «Да, да! ударить не впопадъ — такъ плечъ и отхлыснетъ по швоей же спинѣ.

— «Простакъ! если волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходишь. Пожилъ бы съ моѣ, побродилъ бы, какъ я, по свѣту — то бы узналъ, что и не такіе обухи тонкимъ ремешкомъ перетирають... Послушай, я тебя научу на камнѣ мукѣ добывать.

— «Радъ слушать.

— «Тебѣ больно служить пану Гриценку? —

— «И мнѣ и спать!»

— «Хотѣлъ бы опъ него подалъ? —

— «Да ужъ что будетъ, то будетъ, а хуже не бывашъ!»

— «Разумѣется, если спанеть у себя на то ума. Ты знаешь, дуракъ о себѣ не радѣеть, а умной чело-вѣкъ всегда чпо нибудь подготовитъ про-запасъ.

— «Вѣдомо, такъ! да гдѣ же взять, коли чтъ? Съ сухаго лѣсу лисья не соберешь.

— «Есть гдѣ взять, были бы руки. Слушай: панъ Гриценко, отпуся гостей, ляжеть въ постелю съ тяжелою головою и уснетъ, хотъ спрѣлай надъ ухомъ; панянка, какъ и всѣ молодья дѣвушки ся лѣтъ, такъ же крѣпко уснетъ, а люди и пуще. Ты одинъ не будешь спать. Въ эту пору, попозже полуночи, я стукну въ дверь, что изъ саду; ты потчасъ отвори.

Не бось! худо ни съ кѣмъ не будетъ ;
только мѣшки пана Гриценка спашу
полегче , а сундуки поглубже. —

— «Дѣло! по рукамъ.» — Въ это
время они подходили къ оврагу.

— «До встрѣчи у дверей!» — сказалъ невѣдомый. Спецько оглянулся —
его ужъ не было.

— «Съ нами сила крестная!» думалъ
Спецько , крестясь : «это вѣрно наваж-
деніе; нѣтъ! не продамъ душу лука-
вому , кто бъ онъ ни былъ , чело-
вѣкъ , мерзвецъ или самъ нечистый
духъ!» Съ такими мыслями подошелъ
онъ къ дому бандуриста.

Слѣпецъ Нестерякъ уже спалъ. Услы-
ша шукъ въ окно , онъ пробудился ,
опдернуль форточку , и на спросъ ,
узнавши о причинѣ такого поздняго
посѣщенія , разбудилъ семилѣтнюю дѣ-
вочку , свою внуку и вожатую.

— «Олеся , сердце! вставай и вздуй

лучину, да подай мнѣ поновѣ сви-
пу и чоботы. Панъ хочетъ — не оп-
говариваясь спать: я панскихъ ласкъ
и денегъ не чуждаюсь.» — Послушная
малюшка, попягиваясь, исполнила при-
казъ, снарядила старика, одѣлась
сама, подала ему бандуру и по при-
вычкѣ повела его за руку къ панскому
дому, оставляя вѣшную свою хашу на
стражу бѣдности.

Веселая пирушка въ домѣ пана Гри-
ценка была на самомъ разгульѣ. Ста-
рикъ бандуристъ былъ встрѣченъ ла-
сковымъ привѣтомъ: панъ погладилъ
его по сѣдой головѣ и велѣвъ подне-
сти ему чарку водки, сказалъ:

— «Гдѣ ты пропадалъ, старикъ?
что такъ долго не казался мнѣ на
глаза?

— «Виноватъ, добродѣй (13)! я вче-
ра только припачился домой съ Ко-

ролевецкой ярмарки, гдѣ пробыль цѣлую недѣлю.

— «Что же ты узналъ тамъ новаго?» спросили вдругъ нѣсколько голосовъ.

— «О, много, много!» отвѣчалъ слѣпецъ, слегка покачивая головою. «Тамъ былъ и неожиданный гость, гайдамакъ. Онъ, словно какъ изъ воды вынырнулъ: всполошилъ всю ярмарку, заспавилъ о себѣ шубить всѣхъ, опъ мала до велика, и послѣ вдругъ исчезъ, невѣсть куда.»

Всѣ гости приступили съ разспросами къ бандуристу, и онъ пересказалъ имъ народныя басни о Гаркушѣ почти также, какъ и толстый подкоморій. «Все это такъ вбилося мнѣ въ голову,» — прибавилъ слѣпой пѣвецъ, — «что я, идучи съ ярмарки, дорогою безпрестанно твердилъ: гайдамакъ! гайдамакъ! И что бы какъ

нибудь раздѣлаться съ этимъ страшнымъ человѣкомъ, котораго имя ни на мигъ меня не покидало и нагнало тоску маленькой проводницѣ моей, внучкѣ, — я сложилъ про него пѣсенку. Если угодно честной компаніи, я спою...

— «Спой, дружокъ, спой!» закричали ему гости со всѣхъ сторонъ. Несперякъ взялъ бандуру, закинулъ себѣ около шеи прикрѣпленную къ ней алую ленту, пробѣжалъ пальцами по звонкимъ струнамъ, попомъ заигралъ и запѣлъ слѣдующую пѣсню :

Кто полуночной порою
Черезъ лѣсъ и буеракъ,
Съ свистомъ, гарканьемъ, грозою
Мчишься въ полъ? — Гайдамакъ!

Онъ какъ коршунъ налетаетъ,
Отъ него спасенья нѣтъ!
Черный вихоръ замаетъ
Гайдамака спрашный слѣдъ.

Кто одинъ въ селеньяхъ бродить
И, какъ злобный волколакъ (14),
Спарымъ, малымъ страхъ наводитъ?
Кто сей *знихаре* (15)? — Гайдамакъ!

Тронетъ онъ — замки валятся,
Опмыкаясь безъ ключей
И червонцы шевелятся
Въ сундукахъ у богачей.

Кто шакъ зорко приглядаетъ
За проказами гулякъ,
Въ душу къ нимъ змѣей вползаетъ?
Кто сей демонъ? — Гайдамакъ!

Братъ онъ и душъ и тѣлу:
Буйныхъ, молодыхъ повѣсь
Научаетъ злему дѣлу
И съ собой уводитъ въ лѣсъ.

Еще старый пѣвецъ не кончилъ
своей пѣсни, какъ вдругъ послышался
необыкновенный шумъ у дверей дома.
Всѣ гости вздрогнули; хозяинъ, по
невольному движенію, бросился къ
дверямъ; слѣпецъ Несперякъ, оставя
свою бандуру на колѣняхъ, опустилъ
руки, и какъ будто бы силился взгля-

нусть. Одна Прися, поднявъ голову, весело обвела взглядомъ все собраніе: было ли то предчувствіе неожиданной радости, или бѣглая мысль, мигомъ отвлекшая ее отъ грустныхъ думъ — этого никто отъ нея не узналъ, потому что никто не спрашивалъ. И до того ли было гостямъ? Всѣ они, съ какимъ-то робкимъ ожиданіемъ, смотрѣли на двери и оставались какъ прикованные на своихъ мѣстахъ.

Г Л А В А II.

«Чи сежъ тая криниченка, що голубъ купався?
Чи сежъ тая дивчинонька, що я женихався?»

Малороссійская пѣсня.

Спустя минушу, вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, въ богатомъ Польскомъ нарядѣ. На немъ была бекешь

изъ зеленой парчи, съ большими золотыми цвѣтами и бобровою опушкою; она состегивалась накрестъ золотыми снурками, по краямъ коихъ висѣли крупныя золотыя кисти, и сверхъ того стянута была персидскимъ кушакомъ. Съ одной стороны къ кушаку прикрѣплена была золотою цѣпкою кривая турецкая сабля въ дорогой оправѣ; а съ другой, зашкнутъ былъ турецкій же кинжалъ, съ серебряною рукояткою и ножнами, на которыхъ сверкали драгоценныя каменья. Незнакомецъ, войдя въ комнату, вѣжливо поклонился всему собранію; съ мѣткостью челоуѣка, живущаго въ лучшихъ обществахъ, отыскалъ онъ хозяина дома, сказалъ ему на польскомъ языкѣ привѣтствіе и просилъ ночлега и гостепріимства, объясняя, что сбился съ большой дороги и въ такую пору не могъ ѣхать далѣе.

Панъ Гриценко, разумѣвъ немного по польски, отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ, приглашеніемъ оспаться въ его домъ до будущаго утра и если не соскучится, то побыть у него и весь слѣдующій день, чтобъ отдохнуть и оправиться отъ такой трудной дороги.

Тутъ только гости, опомнившіеся отъ перваго впечатлѣнія, замѣтили; что вслѣдъ за Полякомъ вошелъ въ комнату молодой гусарскій офицеръ. Прися прежде всѣхъ его увидѣла: она вздрогнула, ахнула.... Это былъ Демьянъ Квѣтчинскій. Полякъ, оборотившись, взялъ его за руку и представилъ хозяйну дома, какъ своего спутника. По пословицѣ: *хоть не радъ, да готовъ*, панъ Гриценко повторилъ свое приглашеніе и Квѣтчинскому, боясь отказомъ нарушить обязанность гостепріимства, весьма свято

въ Малороссіи уважавшагося, и подать о себѣ на первыхъ порахъ дурное мнѣніе польскому пану.

Когда всѣ услыли, слуги польскаго пана, или, какъ онъ говорилъ, его *шляхтиги*, начали вносить дорожные его вещи. Первый изъ нихъ поставилъ на столъ передъ своимъ господиномъ его шкапулку, безъ которой знатный и богатый Полякъ никогда почти не дѣлаетъ шага изъ дому. Впорый внесъ походное его ружье и пистолеты въ бархатныхъ футлярахъ. «Это,» молвилъ незнакомый гость, «я взялъ съ собою для того, что здѣсь, сказывающъ, дороги не совсѣмъ спокойны. Я слышалъ, что въ вашемъ краю разгуливають шайки бродягъ и очень немилосердиво обходятся съ проезжими, а особливо съ моими земляками, зная, что съ нами всегда бываешь порядочный за-

* *

пасъ *дукатовъ*. Для того же я взялъ сверхъ обыкновенныхъ моихъ проводниковъ, нѣсколько челоуѣкъ лишнихъ. По незнакомымъ дорогамъ не худо ѣздить съ хорошею охраною.» И въ самомъ дѣлѣ, любопытные гости пана Гриценка насчитали всей прислуги Поляка челоуѣкъ до двѣнадцати, входившихъ то съ разными его вещами, то для полученія его приказаній. Всѣ они одѣты были въ одинакое, весьма щеголеватое платье, съ золотыми позументами, у каждаго была за поясомъ сабля и пара пистолецовъ; большая часть изъ нихъ, какъ видно было, составляла конную стражу своего господина.

Не прошло полчасъ, какъ уже всѣ гости были, такъ сказать, околдованы обходительностію и ловкостію польскаго пана, занимательностію его

разговоровъ и пріятностью поступковъ. Съ мужчинами былъ онъ вѣжливъ и говорливъ, съ женщинами услужливъ и вкрадчивъ. Знавъ, что не многіе изъ собесѣдниковъ его разумѣли по-польски, старался онъ говорить по-малороссійски, ломалъ довольно забавнымъ образомъ нарѣчіе туземцевъ и самъ первый тому смѣялся. Ничѣмъ столь легко не пріобрѣтешь добраго разположенія Малороссіянь, какъ непринужденною веселостью и шушливостью; казалось, польскій панъ обладалъ въ высшей степени сими качествами пріятнаго собесѣдника. Около него составилъ кружокъ; всякой съ удовольствіемъ его слушалъ, разспрашивалъ и смѣялся отъ души остроумнымъ его замѣчаніямъ на счетъ жизни знатныхъ богачей въ Польшѣ и въ Москвѣ, откуда, по словамъ польскаго пана, онъ теперь ѣхалъ,

бывъ посыланъ съ какими-то важными порученіями.

Между тѣмъ, какъ хозяинъ и всѣ гости были заняты слушаньемъ разсказовъ Поляка, Квѣтчинскій нашель удобный случай сѣсть подлѣ Приси, повторить ей свои увѣренія въ вѣчной любви и выслушать такія же отъ нея. Послѣ сей взаимной передачи нѣжныхъ чувствованій, Прися съ веселымъ видомъ спросила у Демьяна: гдѣ отыскалъ онъ этого чудака незнакомца, который, являсь впервые въ ихъ общество, какъ будто бы сто лѣтъ былъ знакомъ со всѣми?

— «Я нашель его,» отвѣчалъ Квѣтчинскій, «назадъ тому часа два, въ постояломъ домѣ, что стоитъ тамъ, подъ лѣскомъ, въ чепырехъ верстахъ отъ здѣшняго селенія. Онъ остано-вился было тамъ ночевать, когда я заѣхалъ въ ту же корчму, чѣмъ обо-

грѣваться и дать отдыхъ лошадямъ, которыхъ измучилъ по худой дорогѣ, спѣша къ опцу... Признаюсь тебѣ, милая, хоть я и рѣшился было никогда сюда не возвращаться: но одинъ взглядъ на тебя, одинъ слухъ о тебѣ вызвали бы меня...

— «Съ того свѣта,» перервала Прися съ лукавою улыбкою. «Не о томъ теперь рѣчь: ты хотѣлъ мнѣ разсказать, какъ познакомился съ польскимъ паномъ. Продолжай же.

— «Изволь, милая, если тебѣ пріятнѣе слышать о проказахъ польскаго чудака, нежели о мукахъ моего сердца,» — отвѣчалъ Демьянъ опчасти укорительнымъ голосомъ. «Вошедши въ корчму, я увидѣлъ толпу прислужниковъ польскаго пана, которые суетились около него. Самъ онъ лежалъ въ переднемъ углу на лавкѣ, на которой разоспалъ былъ персидскій

коверъ съ сафьянными подушками ;
 передъ нимъ , на столѣ , поставлены
 были неразлучная его шкапулка , саб-
 ля , кинжалъ , пистолеты и бутылка
 какого-то заморскаго вина . Когда я
 вступилъ въ комнату , онъ поропли-
 во вскочилъ съ своего мѣста , быстро
 посмотрѣлъ мнѣ въ глаза , потомъ по-
 клонился и спросилъ по польски : ко-
 нечно я протѣзжій ? — Я отвѣчалъ , что
 онъ не ошибся . — Тупъ онъ просилъ
 меня сѣсть подлѣ него , потчивалъ
 своимъ виномъ , спрашивалъ , куда
 и за чѣмъ ѣду... Смѣйся или нѣтъ ,
 моя милая ; только я отъ полношны
 души рассказалъ ему все : и нашу лю-
 бовь , и наши горести ; не утаилъ
 даже и того , что нынче день тво-
 ихъ именинъ . Вообрази мое удивле-
 ніе , когда чудакъ , вскрикнувъ : « я вамъ
 помогу , и помогу сей же часъ , » ве-
 лѣлъ своимъ людямъ вминушу собратъся

въ дорогу, надѣлъ лучшую ихъ одно-
рядку, и одѣвшись самъ, посадилъ ме-
ня съ собою въ бричку, что бы, какъ
онъ шутя говорилъ, показывать доро-
гу... И вотъ мы здѣсь! — Не знаю, что
изъ этого будетъ, не смѣю еще надѣ-
яться ничего хорошаго; но сердце мое
замираетъ въ какомъ-то тягостномъ
ожиданіи.»

Прися вздохнула. Въ эту мину-
ту раздался громкій, единодушный хохотъ
всего собранія. Отчасти изъ любопыт-
ства, отчасти изъ опасенія, чѣмъ
не замѣтили долгаго ихъ разговора
глазъ на глазъ, вдали отъ прочаго об-
щества, — Прися вспала и подошла къ
гостямъ. Демьянъ пошелъ вслѣдъ за
нею.

Полякъ рассказывалъ тогда разные
шашни польскихъ Жидовъ. Между про-
чими одинъ анекдотъ возбудилъ шопъ
всеобщій смѣхъ, который прервалъ

разговоръ Приси и Демьяна. Въсь эшотъ анекдотъ почти въ шомъ видѣ, какъ онъ былъ Полякомъ пересказанъ обществу пана Гриценка, изключая нѣкоторыхъ прикрасъ рассказчика.

« Въ одномъ польскомъ городѣ, Жидъ, чпюбъ избѣжаць наказанія за какое-по важное плутовство, вздумалъ припвориться мерпвымъ, велѣлъ укупать себя полошномъ, а жена и дѣшн его должны были плакать надъ мнимымъ покойникомъ. Спакнувшись напередъ съ шамошнимъ еврейскимъ обществомъ, онъ надѣялся съ помощію своихъ земляковъ скрыться въ то время, когда понесуть его хоронить; ибо всѣ другія средства къ уходу были у него опняты зоркою мѣстною полиціей. Въсь о смерти Жида скоро дошла до старобы того города: эшо былъ человекъ умный, смѣшливый и

очень хорошо знавшій всѣ жидовскія заштѣи. Угадывая и тушь какія нибудь плушны, онъ потчасъ отрядилъ двухъ чиновниковъ, городского лекаря и нѣсколько солдатъ, съ тѣмъ, чѣмъ итти въ домъ самозванца-покойника, объявить его женѣ, что мѣстное начальство подозрѣваетъ, будто бы онъ самъ на себя наложилъ руки; что для удостовѣренія въ томъ, его должно анатомировать, и если подозрѣніе окажется справедливымъ, то вдова-жидовка будетъ отвѣчать всѣмъ своимъ имѣніемъ за недосмотръ за столь важнымъ преступникомъ. Нечего было дѣлать! Жиды не смѣли ослушаться повелѣній пана-старосты. Лекарь приступилъ къ дѣлу, снялъ полошню и увидѣвъ, что пульсъ у покойника бился чаще и сильнѣе, чѣмъ у всякаго здороваго челоука, началъ въ разныхъ мѣстахъ щупать, или лучше щипать

живаго мертвеца. Жидъ дѣлалъ ужасныя кривлянья; наконецъ замѣтя, что лекарь берется за инструментъ, онъ вскочилъ и прокричалъ плаксивымъ голосомъ, что душа его снова возвращалась въ плѣхо, не хопя опадать его на поруганіе инновѣрцамъ. Само по себѣ разумѣется, что Жидъ спиною и деньгами расплатился за выдумку своей головы. »

Такимъ образомъ, въ веселыхъ разсказахъ и шуткахъ, непримѣтно пролетѣлъ вечеръ. Кукушка въ спѣнныхъ часахъ прокричала одиннадцать часовъ; гости вдругъ опомнились, стали собираться къ отъѣзду, но хозяинъ снова началъ унимать ихъ, закусить, что Богъ послалъ. Они снова начали отговариваться позднею порою, волками и гайдамаками. Тутъ къ хозяину присталъ и Полякъ, упрасивалъ ихъ подарить его остаткомъ вечера и

опвѣдашь за ужиномъ его венгерскаго вина; къ тому прибавилъ онъ, что всѣмъ имъ дастъ своихъ шляхтичей проводниками. На замѣчаніе подкоморія, что шляхтичи и безъ того устали и намучились по такой дурной дорогѣ, опвѣчалъ онъ, что эти молодцы привыкли къ поѣздкамъ и что они готовы ѣхать во всякую пору по приказу своего пана, не зная ни сна, ни усталости, какъ Черкесы.

За ужиномъ, польскій панъ велѣлъ подать свой запасъ венгерскаго и серебряныя чарки. Самъ онъ подносилъ вино своимъ собесѣдникамъ, чокался съ каждымъ изъ нихъ и пилъ за ихъ здоровье. Наконецъ, когда всѣ уже были очень на-веселѣ, вдругъ, по его знаку, подали двѣ серебряныя снопы одинакой мѣры, съ чернью и позолотою; Полякъ подошелъ къ пану Гриценку, сказалъ ему, что хочетъ пить

съ нѣмъ по-польски, на *братство*; спалъ на коѣнѣ и пригласилъ хозяина сѣсть по же. Тутъ онъ громко сказалъ: «Панъ Гриценко! здоровье твое, мое, любезной имянинницы, твоей дочери и молодого гусара, моего товарища. Видишь ли, я пью опъ души на братство: не забываю и тѣхъ, которые милы тебѣ и мнѣ. Выпьемъ же, какъ у насъ въ Польшѣ: все до дна, не переводя духа.» Панъ Гриценко, у котораго прежняя попойка уже зашмила разсудокъ, принялся пить безъ всякаго возраженія; однако же не могъ выпить всего за однимъ духомъ: останавливался, пыхтѣлъ, но не хотѣлъ отстать опъ своего товарища. У польскаго пана вино свободно лилось въ горло; онъ выпилъ нѣсколькими минутами прежде хозяина, стукнулъ сполою о серебряный подносъ и закричалъ: «виваць!» Слѣ-

пець Нестерякъ , забытый съ самаго появленія Поляка, опозвался въ эту минушу, громко ударя тушь по вѣсѣмъ струнамъ своей бандуры. Польскій панъ подошелъ къ нему, налилъ венгерскаго и бросивъ въ чарку червонецъ, подавъ ему и сказалъ: «на, пей, старикъ!» Слѣпый бандуристъ выпилъ вино, досталъ со дна чарки червонецъ, ощупалъ его и молчаливо поклонился щедрому дарителю. Вслѣдъ за тѣмъ онъ всталъ, оперся на плечо своей внучки и пошелъ домой, покачивая сѣдою своею головою.

Головы госпей сильно кружились, когда они встали изъ-за стола. Прися просила Квѣпчинскаго, который одинъ изъ всей мужской компаніи уцѣлѣлъ отъ хмеля, позаботиться объ опѣздѣ гостей. Польскій панъ, вслушавшись въ ея рѣчь, созвалъ своихъ служителей, велѣлъ осьмерымъ изъ нихъ

быть вминуту готовыми и прово-
 жать гостей, наспорого подтвердивъ,
 что они будутъ ему отвѣчать за
 цѣлость и безопасность какъ самихъ
 господъ, такъ и всего, что при нихъ
 находилось. На него, какъ видно было,
 вино не сильно дѣйствовало, по при-
 вычкѣ ли къ такимъ попойкамъ, или
 потому, что онъ былъ крѣпокъ отъ
 природы. Онъ распорядился всѣмъ и
 отдавалъ приказанія, какъ человѣкъ съ
 совершенно-свѣжею головою. — За по-
 ходящихъ дома совсѣмъ обомлѣлъ отъ
 послѣдняго потчиванья: языкъ у него
 почти не ворочался, ноги подкашива-
 лись. По отъѣздѣ гостей, онъ уже на
 силу стоялъ на ногахъ. Прися клка-
 ла Спецька, чтобъ онъ отвелъ сво-
 его господина въ его комнату; но
 Спецько не откликнулся. Одинъ изъ
 людей польскаго пана сказалъ ей,
 что камердинеръ отца ея спалъ въ

людовой избѣ, «отъ того,» прибавилъ онъ, «что потчуя прислугу его ясно-вельможности, не забывалъ и себя.» Кое-какъ, съ помощію Демьяна, Прися отвела своего отца въ его комнату, гдѣ Квѣтчинскій и деньщикъ его раздѣли пана Гриценка и уложили его въ постелю. Прися пожелала спокойной ночи польскому гостю, то же желаніе, сопровождаемое едва замѣпнымъ вздохомъ, сказала она Демьяну и ушла въ свою комнату. Полякъ и Квѣтчинскій остались вдвоемъ и скоро легли спать. Такъ ли они крѣпко уснули, какъ панъ Гриценко, или все не спали, какъ молодая Прися въ эту ночь — не спанемъ изслѣдовать; а посмотримъ, что спалось съ Спецкомъ.

Онъ крѣпко держалъ въ умѣ и на душѣ, что бы пересказать панянкѣ, которую любилъ за ея доброту и ла-

сковость, — встрѣчу свою съ незнакомцемъ у оврага; но при гостяхъ не имѣлъ свободной для того минушы. Прїѣздъ польскаго пана развлекъ его вниманіе; къ тому жъ онъ увѣрился, что при такомъ большомъ числѣ вооруженныхъ людей, гайдамаки не посмѣютъ напасть на домъ пана Гриценка. На бѣду еще, его заставили потчивать служителей Поляка, которые всѣ были большіе весельчаки и беззаботныя головы: пили сами за его здоровье и его заставляли пить за свое, по одиначкѣ.

— «Вы славные молодцы,» сказалъ Спецько, когда у него порядочно зашумѣло въ головѣ: — «и передъ вами нечего шанься; да вы же въ этомъ дѣлѣ можете намъ и сослужить службу.

— «А что такое?» спросилъ почши въ одинъ голосъ всѣ Поляки.

— «Да вошь что. Къ намъ называл-

ся въ нынѣшнюю ночь еще одинъ госпѣ:
Богъ вестъ, кто онъ таковъ, а ка-
жется гайдамакъ...

— «Что же ты намъ присовѣтуешь
дѣлать, когда онъ явится?» былъ но-
вый вопросъ.

— Ни больше, ни меньше, какъ
заснупись за насъ, т. е. за меня,
пана и панянку: спрѣляшь изъ вашихъ
писполетовъ, колошь, рубишь, кро-
шишь въ мѣлкіе куски злодѣевъ. Я не
хочу, чѣмъ они надъ нами насмѣ-
ялись.

— «Дѣльно! небось, не выдадимъ»,
сказалъ хвастливо одинъ изъ Поляковъ.
«Посмотрѣлъ бы я, какъ-то ваши
лороссійскіе гайдамаки посмѣли бы
насунуться на мою польскую саблю?
подавай ихъ сюда!... Выпьемъ же на
отвагу.»

И чарка снова пошла кругомъ, и
голова Спецькова еще болѣе опуманѣла.

★ ★

— «Да какъ ты свѣдалъ, что гайдамаки хопятъ напасть на здѣшній домъ?» спросилъ у Спецька одинъ Полякъ.

— «Я встрѣшилъ одного изъ нихъ нынѣшнимъ вечеромъ, и онъ самъ меня подговаривалъ отпереть имъ двери,» — отвѣчалъ Спецько.

— «А ты и не согласился?»

— «Я было сказалъ на двое; да послѣ одумался. Пуще всего, мнѣ спало жаль панянки.

— «Развѣ она такъ добра?»

— «Охъ! добра, какъ мать родная! охъ нея-то и ласковое слово услышишь, охъ нея-то и лишнюю чарку, и лишній кусокъ получишь. Когда панъ нашъ на кого разгнѣвается, она упрашиваетъ да умоляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ умилосердится. И бѣднымъ всѣмъ она помогаетъ, своимъ и

чужимъ. Пошли ей, Боже, здоровье и счастье, да хорошаго жениха!

— «Выпьемъ же за ея здоровье!» вскрикнули Поляки и снова принялись пить и поить Спецька.

Чарка за чаркой — подъ конецъ онъ упалъ безъ чувства на лавку и такимъ образомъ проспалъ до утра, забывъ и гайдамаковъ и добрую свою панянку.

Г Л А В А III.

«Топчи вороги

Пидъ ноги:

Щобъ наши пидкивки

Бряжчали,

Щобъ наши вороги

Мовчали!»

Малороссійская свадебная пѣсн.

На другой день, панъ Гриценко проснулся гораздо позже обыкновеннаго

и съ тяжелою головою. Польскій панъ и Квъпчинскій давно уже были на ногахъ , а Прися, какъ ранняя пшичка , порхала по шуда , по сюда , хлопотала по домашнему хозяйству и заботилась объ завтракъ. Въ ней замѣтна была необыкновенная живоспѣ , пробужденная близостью любимаго чело-вѣка и надеждою на спаранія но-ваго его знакомца.

Спецко также проспалъ долѣе , чѣмъ въ другіе дни, и проснулся не безъ страха. Пріятели его , Поляки , или шляхтичи , какъ онъ ихъ величалъ — разсѣяли его опасенія , сказавъ , что панъ его еще самъ въ постелѣ , и со-вѣщивали ему опохмелиться. За чар-кою вина , они снова завели съ нимъ разговоръ о гайдамакѣ , но уже въ другомъ видѣ : они смѣялись боязли-вымъ грезамъ бѣднаго Спецка , шу-тили надъ его шрусостью и завѣряли

его, что кто нибудь изъ знакомыхъ, подслушавъ его разговоръ съ самимъ собою, нарочно въ пошмахъ напугалъ его. Спецько и самъ наконецъ остановился на этой мысли, стыдился напраснаго своего спраху, сердился, что не проучилъ порядкомъ ночнаго насмѣшника и твердо рѣшился не сказывать о томъ никому въ домъ, чтобъ не узнали объ его прусосости и не вздумали часто его такъ дурачить.

Когда панъ Гриценко пришелъ къ гостямъ своимъ, то, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьѣ, польскій панъ сказалъ ему, что хочетъ говорить съ нимъ наединѣ. Квѣшчинскій, подъ предлогомъ, что бы похлопотать объ отъѣздѣ, пошелъ отыскивать Присю, которая еще не кончила домашнихъ своихъ заботъ, или, можетъ быть, по чув-

ству приличія не хотѣла такъ рано казаться госпіямъ.

— «Панъ Гриценко!» сказала Полякъ, когда они остались вдвоемъ: «я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ. Знаю, что ты удивишься этому и считаешь меня за такого чудака, который любить мѣшаться въ чужія дѣла; но выслушай. Я богатъ и бездѣпенъ; ближнихъ родственниковъ у меня нѣтъ, а дальніе должны быть довольны и тѣмъ, что я имъ оставляю. Я люблю будущаго твоего зятя: онъ лучше, умнѣе и благоправнѣе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ мнѣ случилось встрѣчать изъ моихъ земляковъ и изъ вашихъ. Въ этой шкапулкѣ лежатъ у меня при тысячи червонныхъ и почти на столько же дорогихъ вещей: согласишься ли ты отдать дочь свою за Квѣшчинскаго,

когда я дамъ ему все это свадебнымъ подаркомъ?... Смотри.»

Тутъ онъ раскрылъ шкапулку, на которую павъ Гриценко и гости его такъ умильно поглядывали наканунѣ. Она была по самую крышку набита полновѣсными червонцами. Полякъ пронулъ пружинку и поспайной ящичекъ съ разными драгоценными вещами явился глазамъ удивленнаго Гриценка.

— « Говори же : согласенъ ли ты на мое предложеніе? » снова спросилъ Полякъ.

Удивленіе пана Гриценка прервалось вздохомъ, спяжело вырвавшимся изъ груди его, какъ у человѣка, котораго вдругъ пробудили отъ пріятнаго, обольстительнаго сна. Полякъ снова повторилъ свой вопросъ.

— « Быть такъ! пусть дочь моя будетъ женою Квѣпчинскаго, » — сказалъ Гриценко, собравшись съ духомъ.

« Онъ славный молодець и я всегда его любилъ: одна бѣдность была ему помѣхою женишься на моей Прись: теперь нѣтъ и этой помѣхи, по милости ясновельможнаго моего гостя. Что до его рода, то онъ самъ выйдеть въ люди своимъ умомъ-разумомъ, да съ Божескимъ благословеніемъ и Царскимъ жалованьемъ.

— « Такъ по рукамъ, и завтра же свадьба, » сказала Полякъ, подставивъ свою ладонь.

— « Это слишкомъ скоро: мы ни съ чѣмъ еще не гошovy.... »

— « Не твоя забота, панъ Гриценко! у меня все мигомъ будетъ гошovo. Миѣ нѣкогда ждать, время не терпится; я и такъ уже просрочилъ, а я непременно хочу погулять на свадьбѣ у добраго моего пріятели Квѣчинскаго. Сей часъ же разошлю моихъ молодцовъ сзывать вчерашнихъ

гостей и пригласить старика Квѣтчинскаго на нынѣшній вечеръ: сегодня у насъ непременно долженъ быть сговоръ. Другіе изъ моихъ шляхтичей отправятся закупать все нужное къ свадьбѣ и завтра же наши женихъ съ невѣстой будутъ обвѣнчаны.... Эй, люди!»

На голосъ Поляка, сбѣжались его прислужники. Онъ съ удивительною поспѣшностію и точностію роздалъ имъ приказанія и разослалъ ихъ въ разныя стороны. Черезъ минуту они были уже на коняхъ и выѣхали со двора. При немъ, для услугъ, осталось только четверо.

— « Инъ по рукамъ: я на все согласенъ; » сказалъ Гриценко, до сихъ поръ въ молчаливомъ раздумьѣ сморщившій на все, что вокругъ него происходило.

— « Давно бы такъ ! » подхватилъ польскій панъ и хлопнулъ въ открытую ладонь Гриценка такъ сильно, что онъ отъ боли поморщился и замахалъ рукою. Полякъ улыбнулся : « Это остатокъ старой моей силы, » сказалъ онъ съ видомъ самохвальства : « въ прежніе годы я разгибалъ подковы и скручивалъ узломъ желѣзныя кочерги безъ дальнихъ усилій. Теперь уже не то: все не по старому; нѣтъ уже такихъ молодцовъ-силачей, какъ бывало прежде. И не только въ силѣ — въ самыхъ понятіяхъ нынѣшняя наша молодежь крайне измѣнилась. Скажу и о своемъ будущемъ зятѣ: у него прекрасный образъ мыслей. Напримѣръ, онъ никакъ не принялъ бы самъ отъ меня этого подарка изъ гордости; и я прошу тебя, панъ Гриценко, не прежде отдать ему шкапулку, какъ

на другой день свадьбы. Теперь покаместъ унеси ее и спрячь у себя.

— « Правда, правда! » сказала Гриценко и услышавъ шумъ въ передней свѣщницѣ, шоропливо схватилъ шкапулку, притаилъ ее у себя подъ мышкою и почти припрыгивая унесъ въ свою комнату.

Въ эту минуту вошли Квѣтчинскій и Прися. Польскій панъ подошелъ къ нимъ, поздравилъ Присю съ добрымъ упромъ и съ женихомъ, а Квѣтчинскаго съ невестой. Оба они не вѣрили своему счастью и принимали слова Поляка за дурную шутку, пока возвратившійся Гриценко не увѣрилъ ихъ въ томъ совершенно. Не станемъ описывать ихъ радости: всѣ такія описанія скучны, ибо радость любящихъ выражаться не словами, а улыбками, взглядами и тому подобными знаками, которыхъ ника-

кое краснорѣчіе не сильно вполнѣ передать.

Къ вечеру начали съѣзжаться гости: отецъ Квѣшчинскаго явился изъ первыхъ, дивясь неожиданому приглашенію богатаго и спѣсиваго сосѣда. Уже по пріѣздѣ узналъ онъ, за чѣмъ его звали, и радовался почти не меньше своего сына. Началось сватовство обыкновеннымъ малороссійскимъ обрядомъ: польскій панъ, игравшій роль старшаго свага, поставилъ на столъ хлѣбъ и соль и просилъ ласки хозяина, чтобъ онъ принялъ отъ его руки жениха своей дочери; и когда панъ Гриценко подтвердилъ свое согласіе, тогда Прися поднесла свагамъ и опцу своего жениха, шелковые *ругники* на серебряномъ подносѣ (16). Остальное шло своимъ чередомъ: гости пили за здоровье жениха и невѣсты, опцовъ ихъ, сватовъ и проч., гости пѣли

свадебныя пѣсни ; польскій панъ былъ шушливъ и любезенъ до крайности , говорилъ даже малороссійскія поговорки , приличные случаю . Казалось , что онъ учился тамошнему нарѣчію не по днямъ , а по часамъ , какъ славныя богапыри росли въ старинныхъ русскихъ сказкахъ . Поздно разошлись гости по кварширамъ , которыя оповедены имъ были въ домахъ заживочныхъ обывашелей селенія .

На другой день , рано по утру , дружки одѣли невѣсту къ вѣнцу . Въ девять часовъ , свадебный *повѣздъ* былъ уже совсѣмъ снаряженъ : женихъ съ свахомъ и *дружкомъ* (17) повѣхали впередъ верхами , что бы у церковныхъ дверей принять невѣсту , кошорая , съ свахою , *дружками* и *свѣтилкою* (18) , везены были въ старинномъ огромномъ рыдванѣ , чепверкою коней съ вершниками . Збруя на коняхъ и

рукава у вершниковъ украшены были большими бантами розовыхъ лентъ. Опъ вѣща, поѣздъ возвратился шѣмъ же самымъ порядкомъ въ домъ пана Гриценка, гдѣ уже приготовлень былъ, въ ожиданіи обѣда, сытный завтракъ. Начались поздравленія и пошчиванья, молодой и молодая стали съ поклонами подносить гостямъ разныя цвѣтомъ и вкусомъ водки. Каждый изъ почешнѣйшихъ гостей, выпивъ, цѣловаль молодыхъ и клалъ на поднось какой нибудь подарокъ. Польскій панъ, или сваць жениховъ, положилъ полный кошелекъ червонцевъ. Такимъ образомъ время продлилось до обѣда, за копорымъ пирушка разгуливалась болѣе и болѣе. Гостямъ показалось странно, что не было музыки: некому было играть *тушь*, когда пили здоровье молодыхъ. Панъ Гриценко уже дважды посылалъ за слѣпымъ банду-

ристомъ, но онъ все не являлся. Спецко снова былъ отправленъ, привести или припащить его, если онъ не пойдетъ доброю волею.

Въ концѣ стола, венгерское польскаго пана опять полилось въ чары и въ уста лакомыхъ гостей. Самъ Полякъ былъ еще веселѣе, разговорчивѣе и шутливѣе, нежели прежде. Онъ часто пилъ за здоровье молодыхъ, приговаривая: *горько!* и заспавляя ихъ цѣловаться; напѣвалъ малороссійскія и польскія пѣсни, почилъ балы и былъ въ полномъ смыслѣ душою пирушки. Опять онъ велѣлъ принести большую свою серебряную стопу и пилъ изъ нея на колѣняхъ съ паномъ Гриценкомъ и старымъ Квѣпчинскимъ.

Съ шумомъ и суматохою кончился обѣдъ. Начались громкіе, крикливые разговоры; женщины усьмись въ кружокъ и заплѣли веселыя малороссій-

скія пѣсни; мужчины собрались около нихъ, слушали и подпѣгивали. Между тѣмъ молодые, посаженные на почешномъ мѣстѣ, почти не замѣчали того, что вокругъ нихъ происходило: они, шакъ сказавъ, были погружены въ настоящее и будущее свое благополучіе. Въ шакихъ пріятныхъ и невинныхъ занятіяхъ пролетѣло нѣсколько часовъ. Тутъ только нѣкоторые изъ гостей и хозяинъ дома замѣтили, что между ними кого-то недоставало; и сквозь туманъ винныхъ паровъ наконецъ досмотрѣлись, что оплучившійся гость былъ веселый и добрый польскій панъ, сильно поколебавшій врожденное въ Малороссіянахъ предубѣжденіе насчетъ Поляковъ. Начали его искать повсюду — его нигдѣ не было; люди его, прислуживавшіе за столомъ, также всѣ скрылись. Нѣкоторые изъ самыхъ любопытныхъ гостей побѣжали освѣдом-

ляться на дворъ: поселяне, собравшіеся смотрѣть на сватьбу, сказали имъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ бричка польскаго пана выѣхала за ворота, конные служители его также по одиначкѣ выбрались, а спуская немного, самъ онъ тихо вышелъ на улицу, сѣлъ въ бричку и усакалъ, окруженный своими проводниками.

И гости и хозяинъ дивились такому странному поступку польскаго пана; отецъ Приси дивился также и тому, что ни слѣпой бандуристъ, ни Спецько не являлись во весь вечеръ. На многолюдныхъ, шумныхъ пирушкахъ обыкновенно такіе случаи намигъ молкають въ понятіяхъ собесѣдниковъ и быстро смѣняются другими впечатлѣніями. Какой-то залетный музыкантъ съ скрилкою, пѣсни, пляски и продолжительная попойка скоро вытѣснили изъ со-

* *

грѣшыхъ хмелемъ головъ и польскаго пана съ его забавными шушками, и слѣпца Несперяка съ его бандурой, и Спецька съ его глупымъ взглядомъ и и разинутымъ ртомъ.

Послѣдній изъ нихъ явился однако жъ на другой день поутру. Онъ бросился въ ноги своему пану, просилъ у него прощенія за вчерашнюю свою оплучку и сказалъ, что слѣпый Несперякъ рѣшишельно отказался итти на свашьбу съ своею бандурой. Въ то же время, Спецько подавъ господину своему запечатанное письмо.

— «Отъ кого принялъ ты это письмо?» спросилъ панъ Гриценко еще не разламывая печати.

— «Отъ кого?...» молвилъ Спецько, повторяя вопросъ со всею медлительностію Малороссіянина. «Да отъ *нашего* свапа, польскаго пана...

— «Гдѣ и какъ,» нешерпѣливо подхватилъ Гриценко.

— «Гдѣ?... въ корчмѣ, за селеніемъ, на большой дорогѣ. Какъ?... я и самъ порядкомъ не помню; дайте надуматься. А! теперь кажется шакъ: извольте слушать. Шедши домой отъ Нестеряковой хапы, я встрѣтился съ однимъ изъ шляхпичей, который дружески попрепалъ меня по плечу и сказалъ: «Прощай, товарищъ! панъ нашъ уѣхалъ и я спѣшу вслѣдъ за нимъ. Да не можешь ли ты,» прибавилъ онъ, «сослужить мнѣ службу, показать мнѣ дорогу въ корчму, что за селеніемъ, по С....цкому *шляху* (19)? Я тебѣ буду очень благодаренъ и шамъ мы разспанемся, какъ добрые пріятели, за чаркою вина.» — Виновать, грѣшный человекъ: я взялся его провожать, и шамъ мы нашли польскаго пана со всѣми его проводниками. Панъ обошелся со мною ласково, потчивалъ меня самъ изъ своихъ рукъ,

далъ мнѣ на водку и велѣлъ подождать, пока напишеть къ вамъ письмо. Въ другой свѣщницѣ, шляхпичи окружили меня и пили со мною на разставанье до тѣхъ поръ, что ужъ я и не помню, какъ заснулъ. Когда же проснулся, то ужъ ни пана, ни людей его не было, а корчмарь подалъ мнѣ это письмо и крѣпко накрѣпко наказалъ мнѣ доставить его къ вамъ, говоря, что если не доставлю, то польскій панъ опъищеть меня хоть подъ землею и тогда Богъ вѣсть, что со мною будетъ. Я испугался и своей оплучки изъ дому, и вашего гнѣва, и угрозы польскаго пана, опрометью бросился изъ корчмы и не помню, какъ меня ноги сюда донесли.»

Панъ Гриценко, выслушавъ этотъ рассказъ, распечаталъ письмо. Су-

дите жь объ его удивленіи, когда онъ прочелъ въ немъ слѣдующее.

«Панъ Гриценко! я хотѣлъ ограбить тебя, и уже все было къ тому готово. Что бы собрать моихъ удалцовъ въ одно мѣсто, переодѣлъ я ихъ въ однорядку и самъ одѣлся Полякомъ, потому что не имѣю въ здѣшнихъ мѣстахъ надежнаго припина. Въ этомъ видѣ, велѣлъ я самымъ лихимъ ребятамъ изъ моей вольницы съѣзжаться въ одной корчмѣ, гдѣ самъ ихъ дожидался. На пвое счастье, пріѣхалъ туда же нынѣшній зять твой, Квѣпчинскій. Я хотѣлъ было опсправить незванаго гостя въ нежданое мѣсто; но какъ я никогда не проливаю крови, то вздумалъ вывѣдать хорошими средствами, не будетъ ли онъ намъ помѣхой? Слово за слово, я выпянулъ изъ него всю подноготную: и любовь его къ твоей дочери, и твой

отказъ, и его горе. Я отъ природы имѣю доброе сердце: мнѣ спало жаль бѣднаго Квѣпчинскаго: пошчася я перемѣнилъ намѣренія на твоя счетъ и рѣшился помочь ему. Хорошо ли я въ этомъ успѣлъ, самъ ты знаешь. Прощай: люби дочь и зятя, надѣли ихъ, какъ долгъ велишь доброму опцу, береги мою шкапулку — она тебѣ пригодится, и будь милостивъ къ своимъ служителямъ. Они такіе же люди, какъ и ты. Если все это исполнишь по моему желанію, то можешь быть увѣренъ, что никогда не встрѣпишься съ *Гаркушею*.»

Лихорадочная дрожь проняла пана Гриценка во время этого чтенія; ему казалось, что гайдамакъ все еще передъ нимъ; робко взглянулъ онъ и увидѣлъ подлѣ себя не Гаркушу, а слѣплаго бандуриста.

— «Я пришелъ поздравить васъ,

добродѣй, и пожелаешь счастья вашимъ молодымъ. Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вянутъ (20)!—Вчера же, винюсь, не пришелъ къ вамъ на свашьбу: шупъ былъ недобрый челоуѣкъ, и я ни за что бы не хотѣлъ съ нимъ быть подъ одною кровлею.

— «Развѣ ты по чему-либо узналъ гайдамака?» спросилъ панъ Гриценко, пришедши нѣсколько въ себя.

— «Ну, такъ!» подхватилъ слѣпый музыкантъ. «Я чувствовалъ, что здѣсь что-то не даромъ. Порядочный челоуѣкъ не спалъ бы бросать своихъ червонцевъ первому встрѣчному. Сей часъ же иду и отдамъ его даръ на богадѣльню. Не хочу себя даровъ опъ нечистыхъ рукъ.

— «А я такъ приберегу свои десять серебряныхъ круглевиковъ про черной день,» думалъ про себя Спецко, стоя у двери. «Нужды нѣтъ, что пришли

ко мнѣ изъ нечислыхъ рукъ: на это
есть мѣлъ и шершый кирпичъ.

Что думалъ панъ Гриценко о своей
шкапулкѣ, мы не знаемъ; только онъ
не отдалъ ее на богадѣльню. Можетъ
быть отъ страха, что бъ не прогнѣ-
вить Гаркушу презрѣніемъ къ его по-
дарку; или, можетъ быть, хотѣлъ
онъ возвращить ему шкапулку при
первой встрѣчѣ. Какъ бы то ни было,
но онъ до самой смерти не упоминалъ
о шкапулкѣ ни зятю, ни дочери, и
она перешла къ нимъ какъ послѣд-
ство опцовское.

II. Байскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- (1) *Дрибушки* — мѣлкія косы; ихъ заплетаютъ по нѣскольку и обвиваютъ вкругъ головы.
Скиндяги — разноцвѣтныя ленты, которыми

появляється голова; конці ихъ разпускаються по плечамъ. *Платта* — родъ юпки или передника. *Їсви* — стрѣлки или строчки на фалдахъ кун-поша.

(2) *Надошникъ* — болотное растѣніе. Если имъ наперель какую нибудь частъ тѣла, то она вми-нупу покрасѣетъ; но частое его употребленіе поршипъ лице, дѣлаетъ его шероховатымъ и даже угреватымъ.

(3) *Сопѣлка* — свирѣль или дудка.

(4) Малороссійскія плясовыя пѣсни.

(5) *Будинки* — домъ, палаты. Собственно значптъ зданіе.

(6) «Якъ Александръ цареви Пору
Дававъ изъ війскомъ добру хлѣру....
Попреть бувъ Пранцюза Карпуша,
Била его стоявъ Гаркуша,
А Ванька Каинъ впереди....» и проч.

Энеида Котляревск. II. 14.

(7) *Варенуха* или *варена* — напитокъ, вари-мый изъ коринки, изюма, калины и пр. и пр. съ виномъ и медомъ; онъ подается теплый.

(8) *Гири до долу!* — *Гиря*, голова, въ томъ же смыслѣ, какъ по-руски *башка* и по-французски *la caboche*.

(9) *Стецко* — уменьшит. имени Стефанъ.

(10) *Нестерякъ* — Несторъ.

(11) *Шкода* — бѣда, худо.

(12) *Упиръ* — вампиръ или оборотень.

(13) *Добродій* — благодѣтель. Малороссіане, обращаясь съ симъ вѣжливымъ названіемъ къ челоѣку высшаго званія или рода, говорятъ оное въ звательномъ падежѣ: *добродію*.

(14) *Волколакъ* — оборотень, превращающійся въ волка, что бы пугать людей и душилъ овецъ по злобѣ на хозяевъ.

(15) *Знахаръ* — колдунъ.

(16) *Ругники* или бѣлыя пологенца съ узорными коймами, подносятся невѣстою свапамъ, когда сватовство идетъ на ладъ. Въ богатыхъ помѣщичьихъ домахъ, сіи *ругники* состояли изъ нѣсколькихъ аршинъ шелковой ткани, иногда даже съ золотою бахромою.

(17) *Дружкѣ* — товарищъ сваха на малороссійскихъ свадьбахъ; *дружки* — подружки невѣсты, которыя одѣваютъ ее и провожаютъ въ церковь.

(18) *Свѣтилка* — дѣвица, которая должна быть съ зажженою восковою свѣчею при свадебныхъ малороссійскихъ обрядахъ.

(19) *Шляхъ* — большая или сполбовая дорога.

(20) *Нехай ихъ живутъ, якѣ вдомски свють* — обыкновенное малороссійское пріѣтсловіе новобрачнымъ.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ БАРА- ТЫНСКАГО.

*Summa in hoc vis elocutionis, cum
validæ, tum breves vibrantesque senten-
tiæ, plurimum sanguinis atque nervo-
rum: adeo ut videatur quibusdam, quod
quoquam minor est, materiæ, non inge-
nii vitium.*

QUINCTIL. X, 1.

Человѣкъ строгой нравственности
и высокаго любомудрія сказалъ (*):
« Все то, что способствуетъ къ до-
ставленію вкусу болѣе тонкости и
разборчивости, что приводитъ въ

(*) Полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева,
Ч. III. стран. 122.

совершенство. чувствованіе красоты въ искусствѣхъ или письменахъ, отводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ страстей, отъ неистовыхъ возпаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотою поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія своего въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безнужества, или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ улаждаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благотворительности.» Слѣдовательно появленіе стихотвореній Баратынскаго, поэта, давно извѣстнаго своимъ отличнымъ дарованіемъ и вкусомъ, должно быть принято съ особеннымъ вниманіемъ. Кто не привыкъ смотрѣть на легкія

стихотворенія по симъ правиламъ, шопъ покрайней мѣрѣ увидишь въ нихъ пользу языка. Опъ чего имъ владѣеть слабо большая часть нашихъ писателей? Опъ недостатка совершенныхъ образцовъ. «Надобно, чтобъ выраженіе представляло вѣрное и полное изображеніе мысли. Все, что изображаетъ менѣе или болѣе *настоящаго*, ослабляетъ выраженіе. Мысль опредѣляетъ печеніе слога. Самый простой можетъ быть благородень (*).» По этому все, что мы привыкли называть сочиненіемъ въ легкомъ родѣ, сколько же образуетъ языкъ, какъ и важное. Одинъ выборъ содержанія, безъ искусства письменъ, въ словесности почти ничего не значитъ. Въ рукахъ неопытнаго или несвѣду-

---

(*) Тамъ же, стран. 132.

щаго художника лучшія краски никакого дѣйствія не производящъ надъ зрителемъ: такъ сила мыслей исчезаетъ въ художь слогѣ.

Сочиненія Баратынскаго представляютъ образецъ точности слога. Онъ выражаетъ мысли свои такъ вѣрно, что читатель можетъ замѣнить и почувствовать ихъ самые легкіе оттѣнки. Нѣтъ словъ, поставленныхъ не у мѣста, необдуманно, или невольно. Краткость рѣчи не только не вредитъ ясности стиховъ его, но придаетъ имъ особенную силу. Онъ въ составленіи періодовъ столько же разнообразенъ, какъ и въ изобрѣненіи новыхъ мыслей. Это измѣненіе формъ, въ которыхъ являются ряды сліянныхъ понятій, сообщаетъ движеніе слогу и усиливаетъ заманчивость чтенія. Что касается до гармоніи стиховъ, Баратынскій замѣнилъ одно-

звучную гладкость языка переливами
 шоновъ. Такимъ образомъ вдохновен-
 ная музыка, лаская слухъ, нерѣдко
 волнуешь душу неожиданными зву-
 ками. Онъ не увлекся владычествомъ
 нынѣшней европейской поэзіи, оболь-
 стительной по своей мечтательно-
 сти, но справедливо порицаемой за
 изысканность и переувеличеніе укра-
 шеній. Строгой вкусь его воспользо-
 вался только тѣмъ въ романтичес-
 кой поэзіи, что картинамъ при-
 даетъ яркость красокъ, а психинамъ
 заманчивость шайны. Его можно при-
 числить къ разряду прежнихъ француз-
 скихъ поэтовъ, вѣроятно бывшихъ
 руководителями опроческихъ его опы-
 товъ. Но и съ ними сошелся онъ
 въ одной опчепливости слога и мы-
 слей. Онъ также напоминаетъ ихъ
 въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хочешь быть
 шупливымъ и оспроумнымъ. Глубокія

чувствованія, поэпическіе объемы предметовъ, мысли сильныя и живыя, привлекательное простодушіе въ веселости, принадлежащъ собствен-но его дарованію.

Баратынскій преимущественно поэтъ элегическій. Надобно ли смотрѣть на поэзію такъ же, какъ смотрѣть на нѣ произведенія ума, которыя постепенно приближаются къ высшему своему совершенству? Если въ ученомъ сочиненіи повтореніе давно извѣстныхъ истинъ показывается ничтожность пи-сателя: должно ли по этому правилу заключить, что поэтъ, изображающій знакомыя, испытанныя чувствованія, не производитъ ничего и не заслуживаетъ отличнаго вниманія? Науки суть плоды опытовъ, живое подобіе разныхъ возрастовъ человѣческаго смысла. Искусства же состоятъ одни опыты чувственныхъ

ощущений, всегда и вездѣ свойственныхъ природѣ чловѣка. Картины однихъ и тѣхъ же чувствованій, какъ образы людей, до безконечности могутъ измѣняться. Тибуллъ и Проперцій, Парни и Гёте въ своихъ элегіяхъ разнообразны и разнотанчивы. У каждаго изъ нихъ есть собственный характеръ, особенное составленіе мыслей, отличное сліяніе свѣта и тѣни, сила и нѣжность красокъ. Баратынскій показываетъ большую власть надъ своимъ искусствомъ. Увлекаясь движеніями сердца, онъ не перескачетъ мысли и каждую свою мысль умѣетъ согрѣвать чувствомъ. Въ его элегіяхъ не уныніе, не мечтательность, но (если можно сказать) раздумье. Можетъ быть, природа создала эту душу для веселости. Опыты жизни заставляютъ насъ часто углубляться въ самихъ себя. Вниманіе знакомитъ съ тя-

* *

желыми пайнами человечества. Мы усиливаемся опогнать опть сердца мрачныя мысли, но въ то же время становимся недовѣрчивыми къ счасію. Въ насъ примѣчаютъ противорѣчіе надеждъ и желаній. Оно-то составляетъ прелестное разнообразіе элегій Баратынскаго. Иногда близкій къ слезамъ, онъ ихъ останоившъ и улыбнется; за то и веселость его иногда свѣшится сквозь слезы. Дѣтская чувствительность и умъ философа подъ строгою властію шонкаго вкуса, составляютъ его главный характеръ.

Обозначая только общими и главными чертами раждающіяся въ душѣ впечатлѣнія при разсматриваніи какаго нибудь предмета, обыкновенно судишь по вліянію господствующей въ немъ красоты, или, напрошивъ, не совершенства. Когда въ подобномъ опчетѣ преимущественно занимающся

изчисленіемъ совершенствъ, это спавишся доказательствомъ, что погрѣшности, неизбѣжныя въ каждомъ произведеніи ума или вкуса человѣческаго, изкуплены очарованіемъ красоты. Подробный разборъ каждой части произведенія гораздо взыскапельнѣе. Баратынскій, подобно всѣмъ отличнѣйшимъ поэтамъ, можетъ полакомить невинное самолюбіе изыскапелей пятнышекъ на снѣжныхъ покрывахъ этимологій, орѳоэпій и другихъ грамматическихъ музъ. Для поэта элегическаго, иногда слишкомъ рѣзкаго въ своихъ забавахъ съ Граціями (въ чемъ Баратынскій не думалъ составить собою *исключенія*), есть крипика еще взыскапельнѣе. Она преслѣдуетъ, какъ злодѣяніе, каждую шалость воображенія. Къ счастью, одинъ изъ самыхъ тонкихъ судей поэтическаго искусства давно уже разграничилъ моральную философію отъ

поэзии. Вотъ слова его (*): «Чего требуетъ отъ поэта его искусство? Чѣмъ бы онъ не оскорблялъ непосредственно чувства моральнаго; чѣмъ бы онъ не противорѣчилъ морально-нзѣщному, которое почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ красоты стихотворческой: но существенно моральною красотою занимается онъ столь же мало, какъ и существенно логическою истиною. Пускай разумъ вооружается противу чувства и страсти, производимыхъ въ насъ стихотворцемъ; пускай опровергаетъ онъ, какъ ложный или мечтательный, тотъ образъ мнѣнія, который мы нечувствительно принимаемъ вмѣстѣ съ поэтомъ, пускай находитъ недостойными или чудовищными тѣ характе-

---

(*) Переводы въ прозѣ В. Жуковскаго, Т. III
стр. 68. Изданіе второе.

ры, которые, будучи украшены цвѣтами поэзіи, кажутся намъ привлекательными и превосходными: все это не принадлежитъ къ стихотворному искусству. Оно имѣетъ въ виду одно изящное, дѣйствуетъ исключительно на одно чувство, остается довольнымъ, если недостатокъ морально-прекраснаго не обратится въ совершенно моральное безобразіе. Стихотворецъ исполнилъ свою должность, какъ стихотворецъ: онъ правъ передъ судилищемъ критики.»

Плетневъ.

Поблагодаривъ Г. Сочинителя за доставленіе въ Сѣверные Цвѣты извѣстія о сочиненіяхъ Баратынскаго, спѣшимъ сообщить читателямъ нашимъ и другія пріятныя вѣсти и

надежды. Къ наступающему году готовился много прекрасныхъ новостей въ нашей литературѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. *Нѣсколько главъ Онегина*, соч. А. С. Пушкина; *Наталья Долгорукая*, поэма И. И. Козлова; *Бальный ветеръ*, поэма Е. А. Баратынского. Любители русской поэзіи давно уже слышали о сихъ отличныхъ произведеніяхъ и ждуть ихъ съ нетерпѣливостію. Въ Москвѣ, сказываютъ, готовится изданіе *Согиненій покойнаго Веневитинова*.—Г. Вердеревскій, котораго преложенія Горациевыхъ одъ весьма пріятно напоминаютъ подлинники, печатаетъ свой переводъ *Байроновой Паризины*. Одинъ молодой поэтъ, съ весьма выгодной стороны извѣстный въ нашей словесности, готовится къ изданію не большую поэму: *Хіосскій сирота*, и хочетъ напечатать ее съ прекрас-

ною цѣлю — въ пользу сироты, героя сей поэмы. Здѣсь изданы еще *Согиненіа* славнаго трагическаго нашего актёра *А. С. Яковлева*, собранныя послѣ его смерти. *Руская Анѳологія*, составленная *М. А. Яковлевымъ* изъ всѣхъ лучшихъ мѣлкихъ стихотвореній, напечатанныхъ прежними и новѣйшими русскими поэтами, уже печатается и скоро появится. Кромѣ сего, напечатано новое, весьма красивое изданіе поэмы *А. С. Пушкина: Бахчисарайскій фонтанъ*, въ небольшомъ форматѣ, съ картинками. Одно очень хорошее изданіе *Согиненій Озерова* (въ 2 т.) уже явилось; при другія (въ 3 ч.) скоро выйдутъ. Въ сихъ 3 часяхъ будутъ помѣщены и тѣ сочиненія *Озерова*, которыя нигдѣ еще не были напечатаны, и которыхъ онъ самъ, какъ извѣстно, не хотѣлъ выпускать въ свѣтъ. — Въ про-

зѣ, печатаются *Анекдоты о Суворовѣ*, собранные Е. Б. Фуксомъ. Еще должно упомянуть о весьма хорошемъ библиографическомъ изданіи : о *Каталогѣ Россійскихъ книгъ*, Г. Смирдина. Кромѣ книгъ, находящихся въ его библіотекѣ чтенія, Г. Смирдинъ намѣренъ присокупить еще къ сему Каталогу, въ особой части, тѣ рускія книги или изданія, кои когда-либо были напечатаны. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Каталогомъ библіотечки Г. Смирдина, это будетъ и полнѣйшее библиографическое сочиненіе о руссійскихъ книгахъ.

ПОЭЗИЯ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ :
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣпъ ужъ на коняхъ сидятъ ,
Борзья прыгають на сворахъ.
Выходятъ баринъ на крыльцо ,
Все, подбочась, обозрѣваетъ ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень запынупый на нёмъ ,
Турецкій ножъ за кушакомъ ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ , въ одномъ плапочкѣ ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ , на псарную тревогу.

★ ★

Вопль мужу подвели коня;
 Онъ холку хватя и въ спрема ногу,
 Кричитъ женѣ: не жди меня!
 И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ септября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно: грязь, ненастье,
 Осенній вѣшеръ, мѣлкій снѣгъ,
 Да вой волковъ. Но по-по счастье
 Охотнику! не зная нѣгъ,
 Въ опѣзжемъ полѣ онъ гарцуеетъ,
 Вездѣ находить свой ночлегъ,
 Бранился, мокнетъ и пируетъ
 Огупощительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
 Одна въ опсупсивіи супруга?
 Занятій мало ль есть у ней?
 Грибы солила, кормила гусей,
 Заказывала обѣдъ и ужинъ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглядывать.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмѣгъ замѣнитъ чтонибудь.

Къ несчастью, героиня наша
 (Ахъ, я забыть ей имя данъ!

Мужъ просто звать ее Наташа,
 Но мы — мы будемъ называть
 Напалья Павловна), къ несчастью,
 Напалья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственною частью
 Не занималась, заплѣмъ,
 Что не въ опеческомъ закоплѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Или переписка двухъ семей —
 Романъ классической, старинной,
 Опмѣнно длинной, длинной, длинной,
 Нравоучительной и чинной,
 Безъ романтическихъ заплѣв.

Напалья Павловна сначала
 Его внимательно читала,
 Но скоро какъ-то развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею лихо занялась.

Кругомъ мальчишки хохотали !
 Межъ тѣмъ печально подѣ окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выступали
 Вослѣдъ за мокрымъ плухою ;
 Три утки полоскались въ лужѣ ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣсиль на заборъ ;
 Погода спановилась хуже :
 Казалось, снѣгъ пилли хопѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, шопъ вѣрно знаетъ самъ ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальной
 Порой волнуешь сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
 Товарищъ юности удалой?...
 Ужь не она ли?... Боже мой!
 Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется....
 Но мимо, мимо звукъ несется,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
 Бѣжитъ, обрадована звону, ..
 Глядитъ и видитъ: за рѣкой
 У мѣльницы коляска скачетъ,
 Вотъ на мосту— къ намъ шочно... ильтъ ,

Поворотила вѣво. Всѣдъ

Она глядишь и тушь не плачешь.

Но вдруть... о радость! косогоръ;
Коляска на бокъ. — Филька! Васька!
Кто тамъ? скорый! Вонъ тамъ коляска:
Сей часъ везти ее на дворъ
И барина просишь обѣдать!
Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
Скорый, скорый!

Слуга бѣжитъ.

Напалья Павловна спѣшитъ
Взбѣитъ пышный локопъ, шаль накинушь,
Задрнушь завѣсъ, спулъ подвинишь,
И ждетъ: да скоро ль, мой Творецъ!
Вопъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальной,
Опасно раненный, печальной
Кой-какъ пащидся экипажъ;
Всѣдъ баринъ молодой хромаешь;
Слуга-Французъ не унываетъ
И говоритъ: allons, courage!
Вопъ у крыльца; вопъ въ сѣни входящъ.
Покамъспъ барину шеперь
Покой особенный опшводящъ
И настежъ опшворяютъ дверь.

Пока Picard шумитъ, хлопочетъ,
 И баринъ одѣваться хочетъ;
 Сказашъ ли вамъ, кто онъ таковъ?
 Графъ Нулинъ, изъ тужихъ краёвъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрь моды
 Свои грядущіе доходы,
 Себя казашъ, какъ тудный звѣрь,
 Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
 Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цѣпныхъ плашковъ, чулковъ à jour,
 Съ ужасной книжкою Гизота,
 Съ петрадьё злыхъ каррикатуръ,
 Съ романомъ новымъ Валтеръ-Скотта,
 Съ bons-mots Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ молитвами России, Пера,
 Et cetera, et cetera.

Ужъ сполъ накрытъ; давно пора;
 Хозяйка ждетъ неперпѣлтво;
 Дверь отворилась; входитъ графъ;
 Напалъ Павловна, привспавъ,
 Освѣдомляется утипно,
 Каковъ онъ, что нога его?
 Графъ отвѣчаетъ: ничего.

Идуць за споль; вопць онъ садится,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И натинаятъ разговоръ:

Святую Русь бранишь, дивился
 Какъ можно жить въ ея свѣтахъ,
 Жалѣешь о Парижѣ спрахъ.

«А что скажешь?» — О! спрошѣешь,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.

Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣешь,
 И мамзель Марсъ, увы! спарѣешь.
 За то Поппе, *le grand Potier!*

Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Донынѣ поддержалъ одинъ. —

«Какой писатель нынче въ модѣ?»

— Все d'Arlequin и Ламартинъ. —

«У насъ имъ также подражаютъ.»

— Нѣтъ! право? такъ у насъ умы

Ужъ развиваются начинаютъ?

Дай Богъ, чѣмъ просвѣтился мы; —

«Какъ пальи носятъ?» — Очень низко,

Почти до... вопць по этакъ поръ.

Позвольте видѣть вашъ уборъ;

Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;

Все это къ модѣ очень близко. —

«Мы получаемъ Телеграфъ.»

— Ага! жопите ли послушать

Прелесный водеви? — И графъ

Поесть. «Да, графъ, извольте жь кушать.»
— Я сытъ. — «И шакъ...»

Изъ-за спола

Встаютъ. Хозяйка молодая
Чрезвычайно весела;
Графъ, о Парижъ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходишь вечеръ непримѣнно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣнно,
То вдругъ популенъ безопѣнно.
Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
Давно хранишь слуга въ передней,
Давно поестъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугуину доску спорожъ бьетъ;
Въ гостинной свѣчки догорѣли.
Напалъ Павловна вспасть:
Пора, прощайте! ждуть постели.
Пріятный сонъ!... Съ досадой вспасть,
Полувлюбленный, нѣжный графъ
Цѣлуешь руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — прости ей, Боже! —
Тихонько графу руку жмешь.

Наталья Павловна раздѣла;
 Стоишь Параша передъ ней.
 Друзья мои! Параша эта
 Наперсница ея запѣй
 Шепетъ, мосетъ, вѣсти переноситъ,
 Изношенныхъ капопоетъ проситъ,
 Порою барина смѣшитъ,
 Порой на барина кричитъ,
 И лжетъ предъ барыней отважно.
 Теперь она толкуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаетъ ничего —
 Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
 Но госпожа ей наконецъ
 Сказала: полно, надоѣла!
 Спросила кофту и чепецъ,
 Легла и вышпи вонъ вельма.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
 И графъ раздѣлъ уже совсѣмъ.
 Ложится онъ, сигару проситъ,
 Monsieur Picard ему приноситъ
 Графинъ, серебряной спаканъ,
 Сигару, бронзовой свѣщильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ
 И неразрѣзанный романъ.

— Въ постель лежа, Валперъ-Скотт
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но Графъ душевно размечонъ:
 Неугомонная забота
 Его тревожитъ; мыслитъ онъ:
 Не ужь-шо вправду я влюблёнъ?
 Что, если можно?... вопъ забавно;
 Однакожь это было бѣ славно;
 Я, кажется, хозяйкѣ миль —
 И Нулитъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
 Не спитъ графу; бѣсъ не дремлетъ
 И дразнитъ грѣшною мечтой
 Въ немъ чувства. Пыкій нашъ герой
 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно круглый, полный спанъ,
 Пріятный голосъ, прямо женскій,
 Лица румянецъ деревенскій —
 Здоровье краше всѣхъ румянъ.
 Онъ помнитъ кончикъ ножки вѣжной,
 Онъ помнитъ: точно, точно такъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ дуракъ,
 Онъ долженъ бы остаться съ нею,
 Ловить минушнюю заплѣю.

Но время не ушло : теперь
 Ошворена конечно дверь —
 И шопчасть, на плеча накинувъ
 Свой песпрый шелковый халатъ
 И спулъ въ пошемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Къ Лукреціи Тарквиніи новый
 Ошправился на все гошовый.

Такъ иногда лукавый копь,
 Жеманный баловень служанки,
 За мышью крадется съ лежанки :
 Украдкой медленно идѣтъ,
 Полузажмурясь подспунаешъ,
 Свернешя въ комъ, хвостомъ играешъ,
 Разинешъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ пошемкахъ бродитъ,
 Дорогу оцупью находитъ;
 Желаньемъ пламеннымъ помимъ,
 Едва дыханье переводитъ,
 Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскрипитъ. Вошъ онъ подходитъ
 Къ завѣшной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь шихо, шихо успунаешъ;

Онъ смогрипъ : лампа туль горипъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ ;
 Хозяйка мирно почиваетъ
 Иль пришворяется , что спитъ .

Онъ входитъ , медлитъ , отспукаетъ —
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ .
 Она... Теперь , съ ихъ позволенья ,
 Прошу я Петербургскихъ дамъ
 Представитъ ужасъ пробужденья
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшить , что дѣлать ей ?

Она , открывъ глаза большіе ,
 Глядитъ на графа — нашъ герой
 Ей сыплетъ чувства выписныя
 И дерзновенною рукой
 Уже руки ея коснулся...
 Но тушь опомнилась она ;
 Гнѣвъ благородный въ ней проснулся ,
 И честной гордости полна ,
 А впрочемъ , можетъ быть , и страха ,
 Она Тарквинію съ размаха
 Даетъ пощечину , да , да !
 Пощечину , да вѣдь какую !

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
 Обиду проглотивъ такую;
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадой спрашною пылая;
 Но шпинць косматый, вдругъ залая,
 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышавъ графъ ея походку
 И проклиная свой ночлегъ
 И своенравную красотку,
 Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводятъ оспальную ночь,
 Воображайте, воля ваша!
 Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возспавъ поутру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣнливо;
 Ошдѣлкой розовыхъ ногтей
 Зѣвая занялся небрежно,
 И галспукъ вяжетъ непримѣжно,
 И мокрой щеткою своей
 Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
 Но вопль его позвали къ чаю.
 Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Неловкой стыдъ и шайный гнѣвъ,
 Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый пошупя взоръ
 И губы алыя кусая,
 Заводишь скромно разговоръ
 О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
 Но поспешенно ободренный,
 Съ улыбкой опивчаешъ онъ.
 Получаса не проходило,
 Ужь онъ и шупишь очень мило
 И чупъ ли снова не влюблѣнъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входяшь. Кто же?
 « Напаша, здравствуй. »

— Ахъ, мой Боже!
 Графъ, вопъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинъ. —

« Радъ сердечно я.
 Какая скверная погода:
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ гошовый экипажъ.
 Напаша! тамъ у огорода
 Мы заправили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу опивдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать?»
 — Не знаю, право, я спѣшу. —

«И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я, господамъ мы рады,
Нѣтъ, графъ, останьшесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды поперявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужь подкрѣпивъ себя спаканомъ,
Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивающъ сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхать... Тѣмъ и сказка,
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Напальей Павловной смѣлся?
Не угадавъ вамъ. — Почему жь?
Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень эпимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,

Молокосось; что если такъ,
 То графа онъ визжащъ заставитъ;
 Что псами онъ его заправитъ.
 Смѣлся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
 Помѣщикъ двадцати прехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
 Сказать, что въ наши времена
 Супругу вѣрная жена,
 Друзья мои, совсѣмъ не диво.

А. Пушкинъ.

М О Р Е.

Какъ спая гордыхъ лебедей,
 На синемъ морѣ волны блещутъ,
 Лобзаются, ныряютъ, плещутъ
 По спройной прихоти своей.
 Какъ уливается мой слухъ
 Ихъ говоромъ необычайнымъ,
 Какъ сладко предается духъ
 Мечтамъ плѣнительнымъ и тайнымъ.

Такъ ! древности достигъ теперь
 Я баснословную святыню:
 О волны ! красоты богиню
 Я признаю за вашу дочерь !
 Такъ, вѣрю : родилась она
 Изъ вашей колыбели зыбкой,
 И пробудила міръ отъ сна
 Своею свѣжею улыбкой.

Такъ, вѣрю : здѣсь явилась ты,
 Очаровательница міра !
 Въ прохладѣ влажнаго сафира,
 Въ стихіи свѣплой чистоты.
 Намъ чистымъ сердцемъ внушены
 Прекрасныхъ таинствъ опкровенья:
 Изъ лона чистой глубины
 Явилась ты, краса пловенья.

И въ наши строга лѣта,
 Лѣта существенности лютой,
 При есь однѣхъ, хотя минувшей,
 Вновь забывается мечта!
 Не смѣли измѣнить вѣка
 Вашъ образъ свѣпмый, вѣчноюный,
 Ни смертныхъ хищная рука,
 Ни рока грознаго перуны !

★ ★

Въ вась нѣтъ слѣдовъ житейскихъ бурь,
 Слѣдовъ бузумства и гордыни,
 И вашей дѣйственной святыни
 Не опозорена лазурь.
 Кровь ближнихъ не дымится въ ней;
 На почвѣ, смертнымъ непослушной,
 Нѣтъ мрачныхъ знаменій спраспей
 Свирѣпыхъ въ злобѣ малодушной.

И если смертный возмущенъ
 Вашъ миръ пресупною опягою,
 Вы очистишельною влагой
 Спѣшите смыть мгновенный спыдъ.
 Опринутый изъ чуждыхъ нѣдръ,
 Онъ помогаемъ шумной бездной:
 Такъ пина облачныя вѣпръ
 Смешаетъ гнѣвно съ сѣни звѣздной!

Людей и времени раба,
 Земля соспарѣлась въ неволѣ:
 Шуша ея играющъ долей
 Владыки, вѣки и судьба.
 Но вы все инѣ жъ, чпо въ день чудесъ,
 Какъ солнце первое въ вась пало,
 О вы, незыблемыхъ небесъ
 Ненарушимое зеркало!

Такъ и теперь моей мечтѣ
 Изъ лона зеркальной пустыни
 Свѣтлѣетъ ликъ молодой богини
 Въ прозрачно-влажной красотѣ.
 Вокругъ нея, какъ радугъ блескъ,
 Вершины волнъ горятъ игривѣй,
 И звучный ропотъ ихъ и плескъ
 Еще душѣ краснорѣчивѣй!

Надъ ней, какъ звѣзды, свѣтлѣютъ сны,
 Давно померкшіе въ туманѣ,
 Которые такъ ясно ранѣ
 Горѣли въ небѣ спарины.
 Изъ волнъ, цѣлующихъ ее,
 Мнѣ вѣютъ рѣчи дивной дѣвы:
 Въ нихъ слышно прежнее бытѣе,
 Какъ лѣтъ младенческихъ напѣвы.

Онѣ чаруютъ и цѣлуютъ
 Тоску сердечнаго недуга,
 Какъ мировое слово друга,
 Всѣ чувства межъ собой мирятъ.
 Въ невыразимости своей
 Сколь выразиленъ сей лепетъ:
 Онъ пробудилъ въ душѣ моей
 Воспорговъ тихихъ сладкій трепетъ.

Какъ звучно льнеть зефиръ къ спрунамъ,
 Игравъ арфою воздушной,
 Такъ и въ душѣ моей послушной
 Есть опзынь пѣснямъ и мечтамъ.
 Волшебнo забываешь умъ
 О настоящемъ, мысль гнетущемъ,
 И въ сладоспираспѣ спройныхъ думъ
 Я весь въ пропекшемъ, весь въ грядущемъ.

Сюда, поэзіи жрецы!
 Сюда, существенности жертвы!
 Кумиры ваши здѣсь не мертвы
 И не померкли ихъ вѣнцы.
 Про васъ поэзія хранишь
 Свои преданья и повѣрья;
 И здѣсь, гдѣ море вамъ шумитъ,
 Святѣйши свѣплыя преддверья!

Кн. Вяземскій.

Э Л Е Г І Я.

Есть наслажденіе и въ дикоспи лѣсовъ ,
 Есть радость на приморскомъ брегѣ
 И есть гармонія въ семь говорѣ валовъ ,
 Дробящихся въ пуспынномъ бѣгѣ.
 Я ближняго люблю — но ты, природа-мать,
 Для сердца ты всего дороже!
 Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
 И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе ,
 И то, чѣмъ нынѣ спалъ подъ холодомъ годовъ;
 Тобою въ чувспвахъ оживаю :
 Ихъ выразишь, душа не знаетъ стройныхъ словъ ,
 И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

К. Батюшковъ.

НА СМЕРТЬ В...ВА.

Дѣва.

Юноша милый! на мигъ ты въ наши игры вмѣшался!

Розѣ подобный красой, какъ Филомела ты пѣлъ.

Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуешь и
пѣсень,

Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ,
какъ ты.

Роза.

Дѣва, не плачь! я на прахъ его въ красоту раз-
цѣпшаю.

Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ
другимъ ;

Ахъ ! и любовь бы измѣною душу пѣвца оправдала !

Счастливецъ, кто прожилъ, какъ онъ, въкъ соловь-
иный и мой !

Баронъ Дельвицъ.

О Т Р Ы В О К Ъ
И З Ъ
БОРИСА ГОДУНОВА.

1604. 16 Октября.

Граница Липовская.

*Кн. Курбскій и Самозванецъ, оба верь-
хами. Полки приближаются къ границѣ.*

КУРЬСКІЙ (прискакавъ первый.)

Воптъ, воптъ она! воптъ руская граница!

Святая Русь! опечесство! я пшвой!

Чужбины прахъ съ презрѣньемъ опряжаю

Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:

Онъ мнѣ родной!... Теперь швоя душа,

О мой отецъ, утѣшился — и въ гробъ

Опальные возрадуются кости!

Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ ,
 Сей славный мечъ , гроза Казани темной ,
 Сей добрый мечъ , слуга Царей Московскихъ !
 Въ своемъ шпру теперь онъ загуляешъ ,
 За своего Надежу-Государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ *(ѣдетъ тихо, съ
 поникшей головой.)*

Какъ счастливъ онъ ! какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась !
 О вишня мой , завидую тебѣ :
 Сынъ Курбскаго , воспитанный въ изгнаньи ,
 Забывъ опцемъ снесенныя обиды ,
 Его вину за гробомъ изкупивъ ,
 Ты кровь излить за сына Иоанна
 Готовишься , законнаго Царя
 Ты возвращишь опечеслву.... Ты правъ :
 Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ ?
 Волгъ наша Русь : она твоя , Царевичъ !
 Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей ,
 Твоя Москва , твой Кремль , твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь руская, о Курбскій, помечетъ.
 Вы за Царя подъяли мечъ: вы чисты!
 Я васъ веду на брашневъ; я Липву
 Позвалъ на Русь, я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣтную дорогу!...
 Но пусть мой грѣхъ падетъ — не на меня —
 А на тебя, Борисъ цареубійца!
 Впередъ!

КУРЬСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!...

(Скажутъ. Полки переходятъ черезъ границу).

А. Пушкинъ.

~~~~~

БЕЗВѢСТНОСТЬ.

За днемъ сбывая день въ невѣдомомъ углу,
 Люблю моей судьбы хранительную мглу.
 Зброшенная жизньъ, по волѣ Провидѣнья,
 Оплохомъ спала мнѣ опть бурнаго волненья.
 Непраздно погубя безпечность и досугъ,
 Я вымѣрять уму законный дѣйствій кругъ:
 Онъ тѣсенъ и закрытъ; но въ немъ безъ искушенья
 Кладу любимыя мои напечатлѣнья.
 Лампада темная въ безмолвіи ночей
 Такъ изливается свѣтъ чужь видимыхъ лучей;
 Но въ нѣдрѣ тишины спокойно догараеетъ
 И темный свой предѣлъ до ушра освѣщаеетъ.

Плестневъ.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Т. С. ВДМРВ — ой.

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ!
Гдѣ я любилъ, гдѣ опчій домъ,
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ проспясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.

Уже не зрѣшь мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей,
И сколько нѣтъ пеперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,
Не слышенъ имъ вечерній звонъ!

Лежатъ и мнѣ въ землѣ сырой ;
 Напѣвъ унылый надо мной
 Въ долину вѣснѣрь разнесетъ ;
 Другой пѣвецъ по ней пройдетъ ,
 И ужъ не я , а будешь онъ
 Въ раздумьѣ пѣшь вечерній звонъ !

И. Козловъ.

Ф И Р Д О У С И.

Любимый гордымъ власселиномъ ,
 Въ садахъ гарема ходитъ онъ ,
 Одеждой пышной облеченъ ,
 Въ чамъ , увѣнчанной рубиномъ.
 Къ его напѣвамъ клонитъ слухъ
 Славолюбивый повелитель ,
 Гдѣ онъ — тамъ радости вѣе вдрутъ
 Гарема грустная обитель.

Но день величія бѣжитъ,
 Какъ день печальнаго забвенья!
 Пѣвецъ, пѣвецъ! и ты забытъ,
 И носишь его посрамленья!
 Пески, пустыни изходнѣхъ,
 Влечешь ты дни свои, какъ цѣпи,
 И какъ безжизненные степи,
 Ты спалъ и дикъ и молчаливъ.

Ты жаждалъ смерти — и рыдая,
 Твой хладный прутъ сокрылъ опецъ
 И усладила твой конецъ
 Слеза участія родная!
 Скажи, пѣвецъ, что слава? — « Дымъ! »
 Людей мудрецъ холодный учить;
 Ахъ, нѣтъ! кто славой былъ поимъ,
 Безъ славы жизнью накушъ.

А. Подолінскій.

У Ч А Н Ъ - С У (*).

(Посвящается Аннѣ Евстафьевнѣ
Удомѣ).

Шуми пошокъ! стрѣлой несися!
Съ скалы гранишной и крушой
Опважно падай и дробисл
Жемтужной, серебряной росой!

Души витманьемъ углубленный,
Люблю немолчныхъ водъ однообразный шумъ!
Твоей гармоніей плѣненный,
Питаю пламень чистыхъ думъ.

Не скованъ въ мраморной темницѣ,
Подъ сводомъ золотымъ въ черпогахъ не журча,
Ты не ласкаешь слухъ усталый богача
Или съдой порокъ въ парчѣ и багрянцѣ.

(*) Такъ называютъ Тапары водопадъ, находя-
щійся въ горахъ на южномъ берегу Тавриды, въ
разстояніи отъ Ялты на одинъ часъ ѣзды.

На персяхъ мащеры своей,
 Природы вѣрный сынъ, свободный, силы полный,
 Пустынные ты капишь волны
 Во глубину морскихъ зыбей.

Твоя прозрачная и свѣжая Налда
 Даришь прохладой лѣсъ священный и нѣмой,
 И жажду пламенную спада
 Поить спуденою струей.

Усталый путникъ отдыхаетъ,
 Тобою сладко обаявъ,
 И уходя, благословляетъ
 Гостепріимный пѣвой фоніанъ.

Внимательный и на руку склоненный,
 Въ своихъ задумчивыхъ мечлахъ,
 Тебя привѣспивуетъ пловецъ уединенный,
 Несомый вдоль береговъ на легкихъ парусахъ....

Подъ крыльями парящей непогоды
 Съ двойною силою кипишь, пошокъ съдой!
 И съ моремъ согласи свой дикій вопль и вой,
 Ты празднуешь гремѣщій пиръ природы.

Когда жь въ полуденныхъ лучахъ
Царь дни среди небесъ безоблачныхъ сіяешъ,
Тирански власъвуи на сушѣ, на водахъ,
До полюсовъ лице земли возпламеняешъ ;

Играя въ радугахъ и пышно озаренъ,
Очамъ являешся пыл лентой изумрудной ;
Уединенный, дикій, чудный —
Ты-гениемъ, спраны любимъ и охраненъ.

Свѣтъ трона солнцева въ кристалъ водъ разлился
И въ зеркалѣ твоемъ лучъ знойный припущлся ;
И впечатлѣль зефиръ на лонѣ быспрыхъ спруй
Благоуханный поцѣлуй....

Но нѣкогда твои спруи багрились,
Окрасъ пылае воинспвенный пожаръ,
И русской кровью здѣсь упились
Кинжалы мспительныхъ Талпаръ.

Глубокая волна ихъ прупы поглотила ;
Но гибель ихъ спокрапъ побѣда изкупила !
И нынѣ ужъ въ полднелный зной,
Талпаринъ мирный и безпечный,
Обвѣянъ нѣгою въ пѣни деревъ густой
На русской сппшъ земля подъ шумъ и говоръ твой...

Шуми пошокъ ! спрѣлой несися !
 Съ скалы граничной и крупной
 Отважно падай и дробися
 Жемчужной, серебряной росой !

Передъ побой вспоминанье
 Свѣжитъ о сихъ спранахъ заветное преданье :
 На нихъ означены свободныя бразды
 Корыстной Греціи или Римлянъ шруды.

Торговли урну здѣсь вращала
 Власполюбивая рука Венеціанъ,
 И въ нѣдра Европейскихъ спранъ
 Рѣкой сокровища Востока проливалась.
 Здѣсь гордо разивалъ, морями овладѣвъ,
 Адриатическій ихъ левъ.

Завидуя спранъ обильной и прекрасной,
 Неся съ собою рабства плѣнь,
 По ней прошли толпы враждующихъ племень;
 Ихъ слѣдъ кровавый и ужасный
 На почвѣ Таврин глубоко впечатлѣнь.

Но побѣдителей и побѣжденныхъ
 Забвенью равному здѣсь кости преданы;
 И на могилахъ безыменныхъ,
 Густой правомъ заглушенныхъ,
 Спитъ гевій темной старины....

★ ★

Увы! среди тревогъ и суетныхъ волнений
 Попокомъ времени народы прошекутъ,
 И волны новыхъ поколѣній
 Покроютъ землю — и пройдутъ!

Ничтожества въ густомъ туманѣ
 Такъ гибнешъ легковѣрный свѣтъ,
 Какъ исчезаетъ въ Океанѣ
 Выгушихъ струй минувный слѣдъ!

Шуми попокъ! стрѣлой несися!
 Съ скалы гранитной и крупной
 Отважно падай и дробися
 Жемчужной, серебряной росой!

Зайцевскій.

.....

Т Р И С О Н Е Т А .

(Изъ Мпцкевита).

І. А К Е Р М А Н С К І Я С Т Е П И .

Вплывя въ пространнѣй крутъ сухаго океана,
 Повозкой, какъ ладьей, я зыблюсь межъ цвѣшовъ
 Въ волнахъ шумящихъ нивъ, въ безбрежности лу-
 гоу,
 Мпную оспрова багряные бурьяна. —

Ужъ смерклося, впереди ни пропки, ни кургана;
 Ищу на небѣ звѣздъ, жожапаевъ пловцовъ:
 Тамъ блещетъ облако — шо Днѣспръ межъ береговъ,
 Тамъ вспыхнула заря — шо фарось Акермана.

Какъ тихо! подождёмъ! мнѣ слышится вдали,
 Чуть зримы соколу, какъ вьются журавли,
 Какъ легкій мотылькъ на правкѣ колыхнется,
 Какъ скользкой грудью змѣй касается земли:
 Предѣловъ чуждъ, въ Липву мой жадный слухъ
 несется....

Но ѣдемъ далѣе, никто не опзовется.

2. П Л А В А Н І Е.

Морскихъ чудовищъ сонмъ воспрянулъ, шумъ раз-
 дался,

Готовыесь въ пупъ! пловецъ поварищамъ кри-
 чить,

Взбѣжалъ по вервямъ, просперся въ нихъ, виситъ
 И, какъ паукъ, въ сѣняхъ невидимыхъ зашкался.

Вѣтръ; двинулся корабль и съ удила сорвался,
 На волны наступилъ — хлябь спонетъ и кипитъ!
 Онъ вью занесъ, сквозь облака лепитъ,
 Подъ крылья забралъ вѣтръ, за край небесъ помчался.

Съ порывомъ машетъ, душой по безднамъ я лету;
 Какъ парусъ, напряглось мое воображенье
 И вшориптъ кликъ толпы невольно восхищенье.
 Приникнувъ къ кораблю, я руки вдали мету
 И грудью быспромы придамъ ему хоту:
 Легко мнѣ, весело, понятно пищитъ паренье.

3. БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Наслѣдье Хановъ ! ты ль добыча пустоты ?
 Змѣй вьется, гады тамъ кишатъ среди свободы,
 Гдѣ рабство прахъ челою сметало въ древни годы,
 Гдѣ былъ чершогъ прохладъ, любви и красоты !

Въ цвѣтныя окна плющъ проросилъ листья
 Разкинувъ по стѣнамъ и занавѣсивъ своды,
 Созданіе людей во имя взялъ природы
 И пишеть вѣщій перстъ : развалина !

Лишь ты ,

Фонланъ гарема ! живъ средь храминъ мертвыхъ
 нынѣ ,

Перловы слезы льешь , и слышишься въ пустынь,
 Изъ чаши мраморной журчитъ волна пвоя :
 Гдѣ пышность ? гдѣ любовь ? Въ величїи, въ гордынѣ
 Вы мнили вѣки жить — уходилъ вмгъ спруя :
 Но ахъ ! не спало васъ ; журчу, какъ прежде я. —

А. Иллгеовскій.

ПЧЕЛА И МОТЫЛЕКЪ.

Нарцисъ въ цѣлѣху — къ нарцису вьется
Пчела и пестрый мотылекъ ;
Нарцисъ завялъ , нарцисъ поблекъ —
И одинокимъ оспаеся
Печальный, грустный спебелекъ.

М.

КЪ ПОРТРЕТУ ЛОМОНОСОВА.

Душой поэтъ , мудрецъ ученьемъ
Онъ покори́лъ природу и языкъ :
Въ стихахъ небесъ достигъ пареньемъ ,
Умомъ — земную глубь проникъ .

А. Иллitzевскій.

КЪ ЧАСАМЪ,
ПРИ ОТСЫЛКѢ ИХЪ СЕСТРѢ.

Принадлежа сестрѣ моей,
Ходите вѣрно, поспоаяно
И тѣмъ мои вы чувствуя къ ней
Напоминайте непрестанно;
День мѣря спрѣлкой золошой,
Исполните родныхъ моленье:
Любви назначьте часъ, другой,
А дружбѣ каждое мгновенье.

А. Иллitzевскій.

К Ъ Н Я Н Ъ.

Съѣшь Родионовна, забуду ли тебя ?
 Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
 Я покидалъ для ней и славу и науки
 И Нѣмцевъ, и сей градъ Профессоровъ и скуки,
 Ты, благодатная хозяйка съни той,
 Гдѣ **, несраженъ суровою судьбой,
 Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
 Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены —
 Всегда, привѣтами сердечной доброты,
 Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
 Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
 Ходилъ я навѣщать великаго поэта
 И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній пивой,
 Ареевыхъ наукъ пинхонецъ молодой.
 Какъ сладостно пвое святое хлѣбосольство,
 Нашъ баловало вкусъ и жажды своевольство,
 Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
 Ты набирала намъ запѣйливый обѣдъ!
 Сама и водку намъ и брашна подавала,

И софы и плоды и вины уставляла
 На милой плѣснопѣ стариннаго спола!
 Ты занимала насъ — добра и весела —
 Про стародавнихъ баръ плѣннителей рассказомъ;
 Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
 Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
 Твоихъ безкипротныхъ суждений и похвалъ;
 Свободно говорилъ языкъ словоохотной —
 И легкіе часы летѣли беззаботно.

Н. Языковъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Обритый, блѣдный и худой,
 Занявъ полштину у сосѣда,
 По Петербургской мостовой
 Онъ ищетъ славы и обѣда.

П С А Л О М Ъ LXII.

Кого предъ утренняя зарёю
 Ищу , какъ жаждущій воды ?
 Кому полночною порою
 Перескажу мои бѣды ?
 По комъ душа въ шокъ ? и тѣло
 О комъ и сохнетъ и болитъ ?
 Въ чей горній домъ , въ порывъ сѣмлетъ
 Мой духъ съ молитвою глядитъ ?
 Тебя , мой Царь надъ высотами ,
 Моей судьбы держащій нить ,
 Такъ сладко мнѣ хвалилъ уснами ,
 Такъ сладко всей душой любилъ !
 Какъ гость роскошныя трапезы ,
 Я веселюсь въ Твоей любви :
 Пою и лью въ блаженствѣ слезы
 И жизнь кипитъ въ моей крови !...
 Когда злодѣи въ меня стрѣлами
 И пращю и копьемъ мешать ,

Ты Самъ защитными крилами
 Меня средь сѣчи одѣвай!
 Моя душа къ Тебѣ прильнула
 И, подъ святой Твоей рукой,
 Отъ долей жизни отдохнула
 И горній свѣдала покой.
 Пускай искашь злодѣи рвущся
 Меня, съ огнемъ во тѣмѣ ночей;
 Запнуся самъ... и пробуюся
 На острия своихъ мечей!...
 А Царь, ходя въ защитномъ Богѣ,
 Поидетъ съ высотъ на высоты,
 Разтопчетъ гадовъ на дорогѣ,
 И злоязычной клеветы
 Запретъ успа злѣйшмъ терпѣньемъ,
 И возгласитъ о Богѣ пѣньемъ,
 Ударитъ радостно въ тимпанъ:
 Онъ какъ женихъ возвеселится
 И звонкій гласъ его промчится
 До позднихъ лѣтъ, до дальнихъ странъ.

О. Глинка.

Къ П. А. Пл — ву,
ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

(Отрывокъ).

Мой другъ! себѣ не довѣрять —
Примѣта скромная питомца Музъ младаго.
Такъ юные орлы, съ гнѣзда слетѣвъ роднаго,
Полета къ солнцу вдругъ не смѣютъ изпытать;
Парятъ, но по слѣдамъ опцовъ ширококрылыхъ.
Могучихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,
Ввѣрялся пы молодымъ еще криламъ;
Но въ прудныхъ опытахъ не поспѣднѣлъ ихъ силы.
На что жъ ты одаренъ сей силой не земной?
Чтобъ смѣлое внушать другимъ лишь помышление?
Чтобъ пыль великихъ душъ побѣды надъ судьбой?
А первому блѣднѣть подъ первою грозой
И дасть въ пѣвцѣ узрѣть души его паденье?...
Мужайся, другъ! себя бѣдами не спраши,
Воюй съ враждебною судьбою;
И не унижишь ей возвышенной души,

И року шоржества не видѣшь надъ побую !

Гордись, пѣвецъ ! высокъ пѣвцовъ удѣлъ !

Земная власть его не дася и не ошнинея.

Богатство, знатность, честь — могила имъ предѣлъ

Но дара Божія мракъ гроба не обнименея.

Богачъ, склоняя чело предъ Фебовымъ жрецомъ :

Онъ имя смертное твое увѣковѣчашъ ,

И въ мракъ гробовомъ

Онъ данъ тебѣ потомства обезпечить. —

Что былъ бы гордый Меценатъ

Безъ пѣсней Флакка и Марона? —

Въ могилу брошенный изъ золотыхъ палатъ,

Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона ,

Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ ,

Кошорый весь свой темный вѣкъ

Подъ шалашемъ свое оплакиваетъ бѣдство ,

Печальное опцевъ наслѣдство !

И ты, богиня сынъ, и ты Пелидъ герой !

Лежалъ бы подъ землею нѣмой ,

Какъ смертный безымянный ,

И вѣки бъ долгіе забвенія считалъ ;

Когда бъ пророкъ Хіоса вдохновенный

Безсмертіемъ тебя не увѣчалъ. —

Опѣ Музъ и честь и слава земнороднымъ ;

Гордись, помощецъ Музъ, удѣломъ превозходнымъ !

Но, если гений швой ,

Разочарованный и небомъ нашимъ хладнымъ
И хладомъ душъ, не съ тѣмъ ужь духомъ, славы
жаднымъ,

Глядящъ на путь прекрасный свой,

Несвольно унываетъ

И крылья опускаетъ,

Убийственнымъ сомнѣньемъ омраченъ,

Не щепотно ли вспушилъ на путь опасный онъ?

Не щепотно ли себя ласкалъ вѣякомъ поэта?

И молча ждетъ нельспиваго опыта.....

Мой другъ, не отъ толпы и грубой и слѣпой

Владыка лиры вдохновенной

Услышишь судъ прямой

И голосъ истины священной;

И не всегда его услышишь отъ друзей:

Слѣпые мы рабы слѣпыхъ своихъ спрасней.

Приспрасненъ, другъ, и я къ стихамъ друзей-
поэтовъ,

Прощаю грѣшный стихъ за слово для души.—

Счастливъ, кто самъ, спрасней своихъ въ тиши,

Приспраснѣ дружескихъ почувспивуетъ совѣтовъ.

Самъ поэтическихъ судья грѣховъ своихъ,

Мараетъ часто онъ хваленый другомъ стихъ.

О! ешь, мой другъ, и опытъ убѣждаетъ,

Есть внутренній у насъ,

Не всѣми слышимый, минувный, тихій гласъ;

Какъ вѣрно онъ худитъ, какъ вѣрно одобряетъ!

Онъ совѣсть генія , таланта судія.

Счастливецъ , кто голосъ сей безсловный понимаетъ ,

Счастливецъ Димитріевъ ! что у него друзья

Въ стихахъ превозносили ,

То чувства спрогя поэта осудили (*).

Любимцемъ Музъ увѣренъ я ,

Что ваша совѣсть намъ есть лучшій судія. —

Довѣренность къ друзьямъ , но не слѣпая вѣра!

И. Гнѣдичъ.

(*) И. И. Димитріевъ многія цѣлыя пьесы уничтожилъ въ послѣднемъ изданіи своихъ стихопровереній.

Э Л Е Г І Я.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной

Она помилась, увядала...

Увела наконецъ, и вѣрно надо мной

Младая тѣнь уже лепала;

Но недоступная черпа межъ нами есь.

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ успѣ я слышалъ смерти вѣсть,

И равнодушно ей внималъ я.

Такъ вошгъ кого любилъ я пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою нѣжною, помпильной плоской,

Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной тѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней

Не нахожу ни слезъ, ни пени.

А. Пушкинъ.

★ ★

ДВѢ ОДЫ ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Одл 5. кн. II.

.....tolle cupidinem

Immitis uox : jam tibi lividos

Distinguet Autumnus racemos

Purpureo varius colore.

Не опрѣщай огнь вѣлки молодой

Незрѣлыхъ кислей винограда !

Дай имъ dospѣть въ пріютъ сада.

Когда проникнетъ леплотой,

И зарумянить ихъ осеннее свѣтило;

Когда въ безжизненномъ, въ безсильномъ ихъ
стеблѣ,

Вдругъ закипѣлъ и жизнь и сила ;

Когда ихъ сочный плодъ наклонится къ землѣ;

Тогда, рукою перпльливой,

Въ угоду жажды ихъ сорви !....

Она дитя, — нѣтъ чувства, нѣтъ любви
 Въ очахъ Ликориды спѣдливой!
 Въ ея груди желанье спитъ;
 Но протекутъ стрѣлою годы,
 И для тебя, рука самой Природы
 Сей виноградъ желанный возраститъ!

КЪ Л И Д І Ъ.

Ода 25, кн. I.

*Parcius junctas quatunt fenestras
 Ictibus crebris juvenes protervi....*

При блескъ свѣточей, полуночной порою,
 У твоего, прелесница, окна,
 Бывало юноши собиралися полною;
 А ты, покинувъ ложе сна,
 Въ полупрозрачной имъ являлася одеждѣ;
 Привѣшливо имъ оповоряла дверь,
 Манила ихъ къ восторгамъ, — а теперь
 Уж не поюшъ тебѣ, какъ прежде:
 « О Лидія! проснешься ль ты? »

Не мучь меня напраснымъ ожиданьемъ !

Дай мнѣ прервань твою мечту

Моимъ пылающимъ лобзаньемъ ! »

Повѣрь, не поступится вновь

Въ твое окно твой другъ неблагодарный !

Другая Лидія при немъ твою любовь

Язвитъ насмѣшкою коварной.

Смотри безъ слезъ, какъ онъ въ ея вѣнокъ

Зеленый плющъ и свѣжій миртъ вплетаешь,

И въ хладный Гебръ, — поблекшій твой цвѣтокъ

Безъ сожалѣнія бросаетъ !

В. Вердеревскій.

П А Р Т И З А Н Ы.

(Отрывокъ).

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
 Опрядъ наѣздинокъ сидишь.
 Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ;
 Крутомъ осенній вѣтръ шумишь,
 На пусклый мѣсяцъ набѣгаешь
 Порой густыя облака;
 Надулась черная рѣка
 И молніи вдали сверкають.

Плащи наѣшаны шапромъ
 На пикахъ, въ глубь земли воззенныхъ;
 Биваки въ сумракъ ночномъ,
 Вокругъ костровъ возпламененныхъ!
 Средь нихъ, толпами удалцы:
 Ахштырцы, Бугцы и Донцы.

Пируютъ всадники лихіе,
 Свершивъ опьяненный набѣгъ;

Заботы трудны боевыя ,
 Но весель шумный ихъ ночлегъ ;
 Живой бесѣдой сокращають
 Они другъ другу часъ ночной ;
 Дѣла вождей спраны родной
 Возпомяненьемъ оживляють ,
 И лѣсъ угрюмый и густой
 Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ .

ПѢСНЯ ПАРТИЗАНСКАЯ.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ ;
 — Но мы не спимъ , мы надзираемъ —
 И вдругъ на спанъ со всѣхъ сторонъ ,
 Какъ снѣгъ внезапный налетаемъ .

Въ одно мгновенье врагъ разбить ,
 Вразплохъ заспитгнутъ удалцами ,
 И въ слѣдъ за ними спрахъ лепинъ
 Съ неупомимыми Донцами .

Свершивъ набѣгъ , мы въ лѣсъ густой
 Съ добычей вражеской уходимъ
 И тамъ за чашей круговой
 Минуны отдыха проводимъ .

Съ зарей бросаеиъ свой нощегъ,
 Съ зарей опятьъ съ врагами встрѣча,
 На нихъ печальный набѣгъ
 Иль неожиданная сѣча.

С Ъ Т О В А Н І Е

(Израильская пѣснь.)

Возплачь о томъ, кто плачетъ въ Вавилонѣ!
 Его земли померкнулъ свѣпый ликъ;
 И вмѣсто арфъ, въ разрушенномъ Сіонѣ
 Предателей вспаеиъ безумный крикъ.

Израиля питомецъ вдохновенной,
 Безъ пѣсней ты! тебѣ въ ручьѣ родномъ
 Не прохладяиъ стопы окровавленной:
 Изноешь ты на берегу чужомъ!

« Я судъ Небесъ въ день скорби призову,
 Не мнѣ земля; » душа твоя птвердила:
 « Орлу дано гнѣздо, пещера льву,
 Приюиъ рабамъ... Иакову могила! »

Василій Григорьевъ.

ОПРОВЕРЖЕННАЯ ПОСЛОВИЦА.

Когда въ собранье толстый Брутъ
Появился съ своей женою,
Кто видя ихъ, не скажетъ: зреть,
Чтобъ не сошлась гора съ горою?

А. Плitzевскій.

С О Л О В Е Й.

Подъ вдохновеньемъ лѣтней ночи,
Съ зари до утреннихъ лучей,
Въ прохладѣ благовоной рощи,
Дриадъ мечтательныхъ Орфей,
Поетъ пустынный соловей.

И пѣснь его , какъ небо мал ,
 Какъ лепешъ струй , какъ злакъ луговъ ,
 На душу пайны навѣвая ,
 Живитъ святилище дубровъ ,
 Приющъ любимый паспуховъ .

Въ ней вся исторія поэза :
 Въ ней страхъ , надежда , радость , гнѣвъ ;
 Она любовію согрѣша
 И улаждаешъ сердце дѣвъ ,
 Какъ романтическій напѣвъ .

Плетневъ.

А Н Г Е Л Ъ .

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
 Главой поникшею сіялъ ,
 А демонъ мрачный и мясешный
 Надъ адской бездною лепалъ .

Духъ отрицанья , духъ сомнѣнья
 На духа чистаго взпралъ
 И жаръ невольный умиленья
 Впервые смутно познавалъ .

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
 И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
 Не все я въ небѣ ненавиждѣлъ,
 Не все я въ мірѣ презиралъ.

А. Пушкинъ.

КОНЧПНА БЛАГОТВОРИТЕЛЯ.

Егова рекъ: Я міръ караю!
 И гласъ Его, какъ ярый громъ,
 По горнему пронесся краю:
 И смолкнулъ Херувимовъ сонмъ.
 Уста Карашеля-Владыки
 Единой жертвы смерть произрекли:
 Смутились Ангелы — и шрепешные лики,
 Приникнувъ къ облакамъ, крилами облекли.
 Помчался Ангелъ Испребитель;
 Сквозь небеса онъ міръ очами обнималъ;
 Онъ жертвы чистыя искалъ:
 Онъ низлещѣлъ — и міра Утѣшитель,
 Безъ шрепеша на Божій гласъ,
 Какъ солнце вѣтера, угасъ.

П. Ободовскій.

ПРОРОЧЕСТВО О МЕССИИ.

«Изъидеть кедръ отъ корня Іессея —
 И осыплетъ вѣтвями дольний міръ;
 Въ огнь пребудетъ онъ цвѣтя и зеленѣя,
 Приступится на немъ и лѣзвіе сѣкири;
 Повергнешя предъ нимъ и вѣперъ быспрошечный,
 Ошпранетъ съ трепешомъ кипящая волна.
 Святыня мощною рукой охранена;
 На ней почиетъ Богъ — Егова вѣковѣчный. »
 Вѣщаль Исаія — и дивны словеса
 Подвигнули Израиль сокрушенный
 И надъ вершиною Сіона вознесенной,
 Какъ радуга , зажглись небеса.
 Взылся Кедронъ среди пустыни —
 И на Салимскія пвердыни
 Съ нависшихъ , омраченныхъ путь
 Низлился благодати лучъ.

Пл. Ободовскій.

КОНЬ И ЖЕРЕБЕНОКЪ.

Б а с н я .

(Изъ Флоріана).

Конь вдовый и отецъ добрыйшій отъ природы,
 Имѣя сына одного,
 Вспонялъ, вскормлялъ его
 На шутныхъ пожилыхъ, гдѣ правы, тѣнь и воды
 Избыткомъ окружали ихъ.
 Не зная мѣры, какъ ребенокъ,
 Во вкусахъ, въ прихотяхъ своихъ,
 Сверхъ сыта ѣлъ и пилъ роскошный жеребенокъ;
 Капался въ луговой травѣ,
 Скакалъ пуда-сюда безъ цѣли;
 Безъ всякой усталости, въ тѣни кудрявой ели
 Покоился на муравѣ;
 И наконецъ заплывши жиромъ
 Нашъ юный Сибаритъ
 Пресыпаясь яствами, накутивъ вѣчнымъ пиромъ,
 Съ досадою къ опцу бѣжитъ.

«Не знаю, что-то мнѣ не по себѣ и скучно;»

Жеребчикъ говоритъ :

«Давно не нахожу я вкуса въ снѣдн пучной

Зеленыхъ нашихъ береговъ;

Нѣтъ вкуса въ клеверѣ, а воды пахнутъ гнилью,

И душный воздухъ такъ испорченъ зноемъ, пылью

И влагой луговыхъ паровъ,

Что нездорова мнѣ, клянусь я, почва эта.

Короче, бапюшка, не переживи мнѣ лѣта,

Когда не перейдемъ отсюда въ край другой.»

— «О сынъ мой дорогой!

За чѣмъ же спало дѣло?

Осправимся сей часъ.»— Сказать отецъ въ опынѣхъ

И спранспованъ его вдалѣ съ родины ведешъ.

Дорогой, на опца сынъ озираясь смѣло,

Ржепъ, скачепъ и бѣжипъ впередъ;

А спарецъ опынный, спупая скромнымъ шагомъ,

Съ нимъ далѣ и далѣ идепъ,

Горами, пропастью, оврагомъ,

Нагою степью, гдѣ былинки не видапъ.

Вопъ вечеръ и пора ночлега,

А корму нѣтъ: нашъ конь ложипся пощій спать.

Подъ упрю — гдѣ и прихопи и нѣга?

Опъ пощепы пришлось глодать ковыль степной,

Не прытко ужъ бѣжипъ голодный путникъ мой,]

И въ прелъпи сутки онъ едва шагъ въ шагъ пащилъ.

Задавъ ему урокъ,

Нашъ умный спаричокъ
 Дорогой скрытной въ ночь въ опчизну возвратился,
 И съ нимъ родной земли бѣглець.
 Коснувшись сладкихъ правъ, ихъ съ жадностью
 хващася

Обрадованный жеребець.
 « Какое сѣно ! » восклицаетъ :
 « Нашли мы лучшее изъ пасбищъ, мой отецъ;
 Останемся на немъ, прошу васъ. Гдѣ на свѣтѣ
 Есть споль привольныхъ мѣста ?
 Какія пажити ! какая красота ! »
 Едва договорилъ — и въ упореннѣ разсвѣтѣ
 Зазеленѣлъ предъ нимъ знакомый съ дѣтства лугъ.
 Но опъ слыда и удивленъ
 Не вспомнился нашъ конь. Отецъ ему, какъ другъ
 Сказалъ : « не забудь, мой сынъ, правоученъ :
 Тотъ лучшимъ благомъ дней наскучишь наконецъ,
 Кипо распочаеиъ наслажденья,
 А ихъ не бережешь, какъ истинный мудрецъ. »

Влад. Измайловъ.

ЖАЛОБА НА СЧАСТІЕ.

Всѣ мнѣ хотѣють добра, и всякій по неволѣ
 Мои заслуги признаетъ;
 Что сподоблю многого, я всѣхъ увѣренъ болѣ,
 Да вѣры счастіе нейметъ.

А. Иллитевскій.

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ: АМИКИ.

О Камены, Камены всеильныя!
 Вы внушите мнѣ пѣсню унылую;
 Вы взгляните: въ слезахъ Амапузія,
 Горько плачутъ Амуры и Граціи.
 Нѣтъ игривой собачки у Лидіи,
 Нѣтъ Амики, прекрасной и ласковой.
 И Діана, завидуя Лидіи,
 Любовалась неволью Амикою.

Ахъ! она была краше, игривѣ
 Рѣзвыхъ псовъ звѣроловицы Деліи.
 Съ ея шерстью пуховой и вьющейся
 Лучшій шелкъ Индостана и Персіи
 Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкостью.
 Не дѣлала Амико любви своей:
 Нѣшгъ! любила одну она Лидію;
 И при ней не приближьтесь вы къ Лидіи
 (Ахъ! и ревность была ей простиительна):
 Она вскочитъ, залаептъ и кинется
 Хопъ на Марса или Зевса могучаго.
 Вотъ какъ нѣжность владѣла Амикою,
 И такой мы собачки лишились!
 Какъ на рокъ не ропшашъ и не плакашся?
 Семь ужъ люспровъ сплхами жестокими
 Бавій мучишъ гражданъ и власпицелей;
 А она и пол-люспра, невинная!
 Не была утѣшеніемъ Лидіи.
 Ты рыдай, шы рыдай, Амапузія,
 Горько плачьте Амуры и Граціи!
 Уже Амико ушла за Меркуріемъ
 За Коцишъ и за Лепу печальную,
 Невозвратно въ обитель Андову,
 Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбіи
 На рукахъ у Капулла чирикаетъ.

Баронъ Дельвицъ.

Прим. Эта шутка была написана въ угодность одной дамѣ, которая желала, что бы я сочинилъ на смерть ея собачки подражаніе извѣстной одѣ Капулла: на смерти воробья Лесби, прекрасно переведенной Воспоковымъ.

СИЛА НАДЕЖДЫ.

Мы всякій день поемъ все пѣсню ту же,
Бранимъ судьбу одинъ другаго хуже;
Но всякій день надѣмся и ждемъ
И всякій день для завтраго живемъ.

А. Иллитевскій.

* *

ПОСЛАНИЕ КЪ Н. Ф — у,

Я былъ на родинѣ твоей,
 Гдѣ жизнь тебѣ лишь пѣсни пѣла,
 И гдѣ твоихъ цвѣтущихъ дней
 Заря безоблачно алѣла.
 По прежнему твоихъ луговъ
 Весенній зракъ благоухаетъ;
 По прежнему, вѣсь съ холмовъ,
 Ручей лѣса твои питаетъ
 И трепетно несется въ даль.
 Тамъ Волховъ, вспомниавій полный,
 Какъ русской старины скрижалъ,
 Вращаетъ вѣковыя волны.
 Онъ — старецъ; съ упренней зарей,
 Когда слетяпъ съ него шуманы,
 Очнулись челны рыбарей,
 И засинѣются курганы,
 Онъ ласпится къ роднымъ брегамъ
 И носитъ на хребтѣ послушномъ
 Дары опеческимъ краямъ;

И въ зной, когда въ дубравѣ душно
 И солнце жжеть ковры луговъ
 Къ нему толпой приходятъ дѣвы;
 Спустивъ на плечи шелкъ власовъ,
 Ему поютъ любви напѣвы,
 И къ лону хладному тайкомъ,
 Рѣзвась какъ дѣти, припадаютъ,
 И прочь, съ блистающимъ челомъ,
 Отъ старца шумно убѣгаютъ.

Другъ! память о тебѣ хранишь
 И лѣсъ наслѣдственный, и нива;
 Тамъ и леперь, какъ вспарь, шумишь,
 Цвѣтешь развѣсистая ива:
 Твою подъ нею колыбель
 Качали тихо дѣшства боги;
 И служъ твоей вѣжила свирѣль
 Вдали отъ суетной дороги;
 А днесь... Путь доблестный свершай!
 Для Руси зрѣй подъ знаменами!
 И въ дань, упѣшь родимый край
 Души высокими дѣлами;
 Ты вспомнишь о своихъ поляхъ
 Подъ вечеръ жизни: благодарный
 Придешь къ нимъ; мигомъ сбросишь въ прахъ
 Ярмо суетъ, спростей коварныхъ;

Повѣспить заслуженный метъ
 На вѣпъви прадѣдовской нвы, —
 И дни твои, вполнѣ счастливы,
 Какъ тихій Волховъ будупъ петь.

В. Григорьевъ.

С Т А Н С Ы.

Куда судьба меня зовепъ,
 Иду я смѣло вѣрнымъ слѣдомъ.
 Еще душа чего-то ждепъ;
 Еще мнѣ жребій мой невѣдомъ.

Быпъ можепъ, счастье впереди:
 Переживу свое сомнѣнье,
 Съ надеждой пламенной въ груди
 И съ жаркой вѣрой въ Провидѣнье!

Когда нибудъ услышу вновь
 Призывъ Харитъ краснорѣчивый;
 Воскреснупъ прежніе порывы,
 И къ славъ гордая любовь!

А. Подолинскій.

НАДПИСИ

КЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМЪ НѢКОТОРЫХЪ

Итальянскихъ Поэтовъ.

I.

Д а н т е.

Мраморный ликъ сей предъ небомъ винилъ сограж-
данъ жестокихъ:

Давше, Гесперіи честь, въ скорби, въ изгнаньи
спеналъ.

Тщешно спремилъ онъ взоры къ опчизнѣ!... И въ
мечъ за страдальца,

Именемъ славнымъ его будетъ опчизна сіянь.

Сила Флоренціи, пышность, гдѣ вы? Но пѣнь
Уголина,

Образы Ада, Небесъ, въ лонѣ безсмертъя жи-
вуть!

Петрарка.

Свѣплымъ воды Вальклюза и вы, Капитольскія
стѣны,

Гласу Петрарки внимаѣ, видѣли славу его!

Тѣнь Лауры, гордись! Лаурой дышалъ пѣснопѣвецъ;

Въ смертномъ бореньи пвое силился имя
твердить.

Лира и пламень его для попомспива священны: и
вѣчно

Будетъ онъ нѣжной любви, нѣжныхъ спл-
ховъ образцемъ!

Гробъ Аріоста.

Скорбныхъ руками Харитъ сей камень воздвиг-
нутъ священный

Мужу, кто брани, любви, боевъ, красавицъ
возпѣлъ (1),

Творческой мыслью парилъ въ Дедалъ волшебствъ
и мечпаній.

Съ миршами лавры сплелъ, Музы украсили
гробъ.

Здѣсь вдохновеній ищи, о пѣишь! Но вѣнца не ка-
сайся:

Развѣ съ Орландомъ дерзнешь силы извѣдать
свои (2)!

4.

Т а с с о.

Всѣми дарами владѣлъ иѣснопѣвецъ Соррентскій:
но съ дѣлства

Счастья не зная, спрдасть самымъ избыткомъ
сихъ благъ;

Казнію были ему любовь, и гецій, и слава;

Умъ вдохновенный его въ тяжкой неволѣ угасть.
Смертью забытый въ напастяхъ, погибъ онъ предъ
самымъ пріумфомъ:

Поздняя честь! кипарисъ съ пальмой побѣдной
сплелся (3).

Тассо, вкуси ушѣщенье въ могилѣ! Безсмертныя
пѣсни

Имя Гоффрида съ швоимъ, громко звуча, со-
храняетъ.

Внемлютъ съ восторгомъ вѣка: воскресли священ-
ныя брани:

Небо отверзто: и гробъ славою блещетъ Хри-
стовъ!

★ ★

Примѣзаніе.

- (1) Начало поэмы Аріоста, *Orlando furioso*:
Le donne, i cavalier, l'arme, gli amori,
Le cortesie, l'audaci imprese io canto, etc.
- (2) Подражаніе другому мѣсту изъ той же Поэмы.
 Зербинѣ, собравъ оружіе Орланда, подписалъ
 на деревѣ:
Armatura d'Orlando paladino;
Come volesse dir: Nessun la mova,
Che star non possa con Orlando a prova.

C. xxiv. ott. 57.

- (3) Всѣмъ извѣстно, что пѣвецъ Иерусалима, освободясь изъ темницы Феррарской, былъ призванъ въ Римъ Кардиналомъ Альдобрандини для полученія лавроваго вѣнца въ Капитоліи, по примѣру Петрарки; но умеръ за нѣсколько дней до торжества, ему пригोшвленнаго.

СОЧИНИТЕЛЮ ПОСЛАНИЙ.

Къ мечтательнымъ красамъ Ирисъ, Нисъ, Хлоъ,
 Посланья пишешь ты и приспасаешь ко мнѣ,
 Читалъ ли? — Мнѣ-то что жъ? мнѣ дѣло въ нихъ
 какое?

Читай ихъ тѣ, кому написаны онѣ.

А. Иллитовскій.

ПРЕКРАСНЫМЪ ГЛАЗАМЪ.

Большіе глаза, голубые глаза!

Вамъ юношу долго ль помнить?...

Вамъ долго ль сверкать, привлекать, а потомъ

Любви безопытными быть?...

По цѣлымъ часамъ примѣчаю я васъ:

Вашъ свѣтъ благосклонный луны;

Гляжу и готовъ я дать клятву сто разъ:
 Вы вѣжнаго чувства полны.
 Но только что вспыхну, но только уста
 Дрожа залепетуть: люблю —
 Безпечный вашъ блескъ, тишина, чистота
 Отъземлютъ надежду мою.
 Большіе глаза, голубые глаза,
 О! бросьте завѣсы свои,
 Отъ страстно, глубоко горящей души
 Примите хоть искру любви.
 Блесните слезой, опуманьтесь слезой
 А послѣ прогляньте глаза:
 Да въ свѣпломъ восторгѣ паря надъ землѣй,
 Увижу я въ васъ небеса.

В. Туманскій.

Алексѣю Николаевичу

ОЛЕНИНУ,

при доставленіи послѣдняго изданія
Басень.

Прими, мой добрый Меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженія.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышать, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженія;
Хоть можетъ быть, инымъ я спрaвенъ покажусь,
Но благодарнымъ быть никакъ я не спыжусь.

И въ проспойтъ сердечной
Голосъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедрыи Монарши хъ лутъ склона,
Львивой Музъ и безпечной
Моей пы крылья подвизалъ.
И можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣща
И я бы умеръ весь для свѣта. ♣
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ поэмъ назову?
При мысли сей, мое живѣе сердце бьется.

Прими жь мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не ласкою онъ дается.

18 Апрѣля 1826.

И. Крыловъ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Други, други! радость
Намъ дана судьбой:
Пейте жизни сладость
Полною струей.

Прочь отъ насъ печали,
Прочь толпа заботъ!
Юныхъ увѣчали
Бахусъ и Эротъ.

Пусть трещать морозы,
Вѣтръ свиститъ въ окно:
Намъ напомнитъ розы
Съ Мозеля вино.

Насъ любовь лелѣетъ,
Насъ, въ молодые дни,
Какъ весна согрѣетъ
Поцѣлуй любви.

Баронъ Дельвингъ.

ЦВѢТОКЪ И ТЕРНОВНИКЪ.

Б а с н я.

Въ степи пустой, безплодной,
Въ которой кое-гдѣ Терновникъ видѣнъ былъ,
Цвѣточекъ выросъ благоуханной;
Но только что разцвѣлъ, Терновникъ возопилъ:
« За чѣмъ ты здѣсь межъ нами?
« Ты насъ собою лишь срамишь!
« Но ты не долго постоишь:
« Узнаешь, каковы Терновники съ иглами. »
Напрасно онъ Цвѣтку грозилъ;
Цвѣтокъ нашелъ себѣ спасенье:
Боганикъ степью пойдя однажды проходилъ,
И видя рѣдкое растѣнье,
Съ собою взявъ цвѣтокъ и въ садъ пересадилъ.

М. Сухановъ.

РУСКОЙ РОМАНТИКЪ РУСКОМУ КЛАССИКУ.

Дрожащій подѣ ферулой школьникъ!
Тебя ли я возьму въ примѣръ?
Ты говоришь, что я раскольникъ,
Я говорю: ты спаровѣрь.

ПЕРЕГОВОРЫ ВЪ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ.

(*Черта изъ жизни Богдана Хмельницкаго.*)

«Послушай, мой ясновельможный князь!
Я Казимира уважаю;
Но, съ твердою душой родясь,
Спрадалъ и вдвое поспрадаю,
Ни вась, ни сейма не боюсь —
За край, за родъ мой и за племя!

Подумай, Любомірскій, самъ:

Хмельницкій говоритъ, какъ другъ: не то ужъ время,

Чтобъ Ляхъ давалъ законы намъ

И посылалъ разѣзжихъ строгихъ,

Сбираетъ съ колодязей налоги

И Церкви Божіи запродавать Жидамъ!...

Вотъ положили; соберемся

И въ *Бблой Церкви* погоспимъ:

Мы завпра тамъ. Тамъ мы о мирѣ попечемся.

Условіемъ, вельможный Князь, твоимъ

Доволенъ!

Въ немъ сказано, что всякій воленъ

По званію, конвой и свиту привести:

Куда ужъ Козаку за панспвомъ вслѣдъ ползти?

Вы будете на съѣздъ съ шляхетспвомъ, съ гайду-
ками;

Однако жъ, кое-кто пріѣдетъ и за нами!»

Разспались. — Вотъ примчалась вѣсть,

Что Поляки скрываютъ мѣстъ;

Что свѣжая больна имъ рана

И имъ хотѣлось бы путемъ прижать Богдана

И въ сѣнь уловкою завести

На съѣздъ. — Мудрено! онъ крѣпко вѣрилъ въ Бога,

И, съ колыбельныхъ лѣтъ, военная тревога

Ему какъ мать родная знакома:

Припомъ Хмельницкій былъ великаго ума.

Большой конвой велъ съ собой Поляки,

Чтобъ, въ недоспашкѣ словъ, взять верхъ хоть
силой драки;

Но трудно завести въ заманку Козака!

Узнавъ, что конница козачья далека,
Готовилъ Ляхъ свои уловки....

Богданъ послалъ лихаго їздока :

« Умри — скажи до Кочерговки.

Тутъ сорокъ верстъ, тамъ сорокъ два полка!

Дружнѣй, быстрѣй, изъ всей козачьей мочи,

Пусть мчѣтся на рыскахъ.... чтобъ быть, какъ
шутъ къ полночи !

Я знаю, наши прилепятъ !

И пусть всѣ за лѣсомъ, полягутъ по вапагамъ!..»

Кипитъ въ душѣ Хмельницкаго опвага,

Идетъ на съѣздъ.... Паны шумятъ,

Закинувъ кунтоши, переважно

Закручиваютъ длинный усь,

И смотрятъ свысока, и говорятъ протяжно....

Хмельницкій не былъ съ роду трусъ ;

Однако жъ видятъ, идутъ толки,

Паны особятся, какой-то есць секретъ ;

Ни опкровенности, ни ласки нѣтъ ;

И на него глядятъ, какъ волки. —

Вопъ онъ : « Шляхетные паны !

Какъ много привели вы свиты ,

И ваши вершники всѣ золотомъ прикрыты ;

А мы, военною порой упружены ,

На клячахъ кое-какъ примчались ;

Но, чтобъ надъ Козакомъ вы больше не ругались.. »

Онъ спалъ передъ окномъ,

Махнулъ плапкомъ —

И зашатался домъ :

Подъ топотомъ копытъ заговорило поле

И свѣта Божьяго, въ пыли, не видно болѣ!

Не спало пыльныхъ облаковъ —

И двадцать тысячъ козаковъ ,

Прогнавъ толпу вельможескихъ холопей,

Споить !

И двадцать тысячъ ратныхъ копей .

Торчать !

Паны удобрились — и миръ подписанъ ,

Который славою въ скрижали вѣременъ записанъ .

Θ. Глинка.

~~~~~

★ ★

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

БАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

. . . . . Торопясь ,
 Часы лепяпть. Уѣхалъ князь.
 Пора готовиться княгинѣ ;
 Нарядами окружена
 Давно не бывшими въ поминѣ ,
 Передъ прюмо спойптъ она .

Ужъ газъ на ней , спруясь , блиспаептъ ;
 Роскошно , сладостно очамъ
 Рисуептъ грудь , попомъ къ ногамъ
 Съ гирляндой яркой упадаептъ .
 Алмазъ мелькающихъ серегъ
 Гориптъ за черными кудрями ;
 Ея чело жемчугъ облегъ ,
 И межъ обильными косами
 Рукой искусной пропушонъ ,
 То видимъ , по невидимъ онъ .

Надъ головою перья вѣютъ,
 И въ шумной прихоти своей,
 То ей лице они лелѣютъ,
 То дремлютъ въ локонахъ у ней.

Межъ тѣмъ... (Къ какому разрушенью
 Ведетъ сердечная гроза!)
 Ея потухшіе глаза
 Окружены широкой тѣнью
 И на щекахъ румянца нѣтъ!
 Чуть видѣнь въ образѣ прекрасномъ
 Красы бывалой слабый слѣдъ.
 Въ стеклѣ живомъ и безприспρασномъ
 Княгиня бѣдная моя
 Глядяся, мнитъ: «и это я!
 Но пусть на страшное видѣнье
 Онъ взоръ смущенный возведетъ,
 Пускай узритъ свое творенье
 И всю вину свою пойметъ.»

Другое, пѣжкое мечтанье
 Потомъ волнуешь душу ей:
 «Уже ль соперницѣ моей
 Отдамся я на поруганье?
 Уже ль спокойно я снесу,
 Какъ, торжествуя надо мною,

Свою цвѣтущую красу
 Съ моей увядшею красою
 Сравнишь насмѣшливо она?
 Надежда есть еще одна:
 Слѣды печали я сокрою,
 Хоть въ половину, хоть на часъ.... »
 И Нина трепетной рукою
 Лице румянитъ въ первый разъ.

Е. Баратынскій.

О Т ВѢ Т Ъ .

За чѣмъ на меня пы и глупость и злобу,
 Плепневъ, вызываешь нескромной хвалою?
 Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ
 Простаго пѣвца?

Такъ, были мгновенья низпосланы Фебомъ:
 Я плавалъ въ восторгахъ, я небомъ дышалъ!
 Я пѣлъ — и мнѣ хоромъ, веселье, вшорипъ
 Любили друзья:

Я пѣлъ — но въ то время роскошная младость

Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ :

Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любви,

Я славой горѣлъ!

И опытъ суровый смирилъ обольщенья,

Мой взоръ прояснился ; но скрылись мечты,

За нимъ и счастье, и прелесть любви,

И славы призракъ. —

Какъ слушалъ Лаертидъ, привязанный къ мачтѣ,

Волшебныя пѣсни Скилійскихъ Сиренъ

И тщетно къ нимъ рвался — упрямые верви

Держали его :

Такъ я, твоей лирой печально плѣнялся,

Вопще порываюсь къ святымъ высотамъ,

Знакомымъ бывало, и въ робкія струны

Напрасно звуку.

Напрасно у неба прошу вдохновеній :

Мнѣ путь на родную страну возбраненъ

И гласъ мой подобенъ унылому гласу,

Жестокимъ стрѣломъ

Подспрѣленной пшпцы, когда завывають
 Осенніе вѣтры и къ теплымъ странамъ
 Веселою спай при кликахъ несутся
 Подруги ея.

Баронъ Дельвингъ.

1820 года.

Н А Д Е Ж Д Ы.

(Съ нѣмецкаго.)

Нѣжнымъ весеннимъ цвѣтамъ надежды смертныхъ
 подобны :

Сей увядаетъ — а тамъ краше алетъ ивой ;
 пышно цвѣтущъ, пока согрѣваетъ ихъ солнце ; но
 первый

Осени кладъ ошущивъ, гибнущъ одинъ за другимъ.
 Гдѣ скоропечный ихъ блескъ?... Лишь ты, въ опу-
 стѣвшей долинь,
 Ты, безсмертія цвѣтъ (*), горней сіяешь красой!

★ ★

(*) Immortelle.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Есть бытіе, но именемъ какимъ
Его назвать? ни сонъ оно, ни бдѣнье;
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничить разумѣнье.
Онъ въ полночѣ понятія своего,
А между тѣмъ какъ волны, на него
Одни другихъ мятежнѣй, своенравнѣй,
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.
Какъ будто бы своей отчизнѣ давней,
Спихійному смятенью отданъ онъ.
Но иногда, мечтой возпламененный,
Онъ видѣлъ свѣтъ, другимъ не откровенный.

Созданье ли болѣзненной мечты,
Иль дерзкаго ума соображеніе.
Во глубинѣ полночной темноты
Представшее очамъ моимъ видѣнье?
Не вѣдаю; но предо мной тогда
Разкрылися грядущіе года,

Событія вставали, развивались,
 Волнуясь подобно облакамъ
 И полными эпохами лелялись
 Опгь времени до времени очамъ;
 И наконецъ я видѣлъ безъ покровъ
 Последнюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ;
 Вездѣ искусство, обилія примѣлы:
 Гипсъ веси весь и подлѣ града градъ;
 Вездѣ дворцы, театры, водометы,
 Вездѣ народъ, и хипрый свой законъ
 Стихіи всѣ признавъ заспавилъ онъ.
 Ужь онъ морей мятежныя пучины
 На островахъ искусственныхъ селилъ,
 Онъ разсѣкалъ небесныя равнины
 По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ;
 Все на землѣ движеніемъ дышало,
 Все на землѣ какъ будпо ликовало.

Изчезнули безплодные года:
 Орааи по волѣ призывали
 Вѣтра, дожди, жары и холода,
 И вѣрною сторицей воздавали
 Постыи имъ; и хищный звѣрь изчезъ,
 Во лѣсъ лѣсовъ и въ высоты небесъ

И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ .
 И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ .
 Вотъ , мыслятъ я , прельщенный дивнымъ вѣкомъ ,
 Вотъ разума великолѣпный пиръ !
 Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье ,
 Вотъ до чего достигло просвѣщенье !

Проникъ вѣка ; яснѣтъ очамъ моимъ
 Видѣніе другое начинало :
 Что человѣкъ ? что вновь открыто имъ ?
 Я гордо мнилъ ; и что же мнѣ предстало ?
 Наславшую эпоху я съ трудомъ
 Постигнувъ могъ смутившимся умомъ .
 Глаза мои людей не узнавали :
 Привыкшіе къ обилью дольнихъ благъ ,
 На все они спокойныя взирали
 Что суеты раждало въ ихъ опцахъ ,
 Что мысли ихъ , что страсти ихъ , бывало ,
 Влеченіемъ всецѣльнымъ увлекало .

Желанія земныя позабывъ ,
 Чуждаяся ихъ грубаго влеченья ,
 Душевныхъ сновъ , высокихъ сновъ призывъ
 Имъ замѣнилъ другія побужденья ,
 И въ полное владѣніе свое
 Фонпазія взяла ихъ бытіе .

И умышленной природѣ уступила
 Тѣсная природа между нихъ.
 Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
 Живая мысль на крыліяхъ своихъ.
 Но по землѣ съ прудомъ они спускали
 И браки ихъ бесплодны пребывали.

Прошли вѣка и путь моимъ очамъ
 Явилася ужасная картина:
 Ходила смерть по сушѣ, по водамъ:
 Свершалася живущаго судьбина.
 Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылись въ гробахъ.
 Какъ древніе столбы на рубежахъ,
 Послѣднія семейства изплѣвали;
 Въ развалинахъ стояли города,
 По пажитямъ загложнувшимъ блуждали
 Безъ пастырей безумныя стада;
 Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье;
 Мнѣ слышалось ихъ гладное блѣянье.

И тишина глубокая во слѣдъ
 Задумчиво повсюду воцарилась,
 И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
 Державная природа облачилась:
 Величественъ и грустенъ былъ поворотъ
 Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.

По прежнему живописца природу,
На небосклонъ свѣсило дня взошло ;
Но на земли ничто его восходу
Произнесши привѣта не могло...
Одинъ туманъ надъ ней, синѣя , вился
И жершвою чистипельной дымился.

Е. Баратынскій.

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

Смертный, гонимый людьми и судьбой! расста-

ваяся съ міромъ ,

**Злобу людей и судьбы сердцемъ просипи и за-
будь.**

Къ солнцу въ послѣднее взоръ обрати, какъ Руссо, и
упѣшься:

Въ тернахъ заснувшіе здѣсь, въ миртахъ пробудятся тамъ.

Баронъ Дельвицъ.

И Д И Л Л И Я.

Нѣкогда Тиширь и Зоя, подѣ тѣнью двухъ юныхъ
 плапановъ,
 Первыя чувства познали любви и, полные счастья,
 Острымъ кремнемъ на корѣ сихъ деревь имена
 начерпили
 Тиширь Зои, а Тишира Зоя, богу Эроту,
 Шумныхъ свидѣтелей спраспи своей посвятивши.
 Подѣ старосѣ
 Къ двумъ завыннымъ плапанамъ они прибрели и
 видяпъ
 Чудо: пни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами
 срослися,
 Гамадриады ихъ тайною сплой именъ сочепавшися,
 Нынѣ въ древѣ двойномъ вождельнемъ на путника
 вѣюпъ,
 Нынѣ въ тѣни ихъ могила, въ могилѣ шой Тиширь
 и Зоя.

Баронъ Дельвигъ.

Э П И Г Р А М М А.

Свитокъ изглаженный съ трудомъ развернули. На-
прасны усилія :

Въ старомъ свиткѣ прочли книгу извѣстную
всѣмъ. —

Юноша ! къ Лидѣ ласкаясь, ты стараго по же до-
бьешься :

Лидѣ подѣ часть и шебѣ вымолвить слово :
люблю.

Баронъ Дельвингъ.

С М Е Р Т Ь.

Мы не смерти боимся, но съ пѣломъ разстаться.

намъ жалко:

Такъ не съ охотою мы старѣй смѣняемъ
халатъ.

Баронъ Дельвингъ.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

(Подраж. Беранжеру.)

— Ты, дѣдушка, по звѣздамъ знаешь,
 Что сбудется, перескажешь,
 И будишь въ книгѣ, въ нихъ читаешь:
 Скажи, гдѣ мнѣ свою сыскаешь? —
 « Сынѣнокъ! она вдали шанилась
 За тѣмами звѣздъ опѣ нашихъ глазъ. »
 — Чѣмъ же это звѣздочка капились,
 Капились... вошѣ! и свѣтъ погасъ! —

« Дитя, когда душа опшодитъ,
 Звѣзда шопчасъ падетъ съ небесъ.
 Топѣ, кшо шеперь въ могилу сходитъ,
 Не зналъ бѣды, и жилъ безъ слезъ;
 Любилъ покойникъ веселиться,
 Въ пирахъ онъ вспрѣшилъ смертный часъ. »
 — Ахъ! вошѣ еще звѣзда капились,
 Капились.... вошѣ! и свѣтъ погасъ!

«То звѣздочка красы дѣвицы...
 О! какъ она чиста, свѣпла!
 Во храмъ Небесныя Царицы
 Невѣста съ милымъ другомъ шла;
 Но смерть завидливо косится —
 Невѣста въ гробъ.... скорбь у насъ!
 — Ахъ! вопъ еще звѣзда капится,
 Капится.... вопъ! и свѣтъ погасъ!

«Минушный блескъ!.... Новорожденной
 Бояръ спѣсивыхъ знатный сынъ,
 Изъ колыбели позлащенной
 Похищенъ смерпью въ мигъ одинъ.
 Ужъ лесъ, готовая въ душу впится,
 Какъ змѣй, вокругъ него вилась...»
 — Ахъ! вопъ еще звѣзда капится,
 Капится.... вопъ! и свѣтъ погасъ!

И мрачный слѣдъ за ней оспался!
 Она — звѣзда временщика.
 Бѣдамъ онъ нашимъ насмѣхался
 И презиралъ насъ съ высока,
 Теперь льстецъ робкій суешился
 Порпиреть его упряпалъ съ глазъ...»
 — Ахъ! вопъ еще звѣзда капится,
 Капится.... вопъ! и свѣтъ погасъ!

« О горе! въ хижинахъ убогихъ
 Услышишь, сынъ мой, спонъ и плачь:
 Защипникъ и пишапель многихъ,
 Скончался добрый нашъ богатъ.
 Еще подъ кровъ его укрылся
 Спѣшишь бѣднякъ въ сей самый часъ... »
 — Ахъ! вопъ еще звѣзда капится,
 Капится... вопъ! и свѣтъ погасъ!

« Завоеватель дни кончаетъ...
 Мой сынъ! будь вѣчно чистъ душой;
 Пусть ложнымъ блескомъ не смущаетъ
 Звѣзда твоя ни чьихъ очей;
 Не то — когда твоей блескъ запылитъ,
 Народа будетъ общій гласъ:
 « Смотрите! вопъ звѣзда капится,
 « Капится... мигъ — и блескъ угасъ!»

.....

* *

Ч Е Р Е П Ъ.

(Посланіе къ Д.)

Прими сей черепъ, Д*, онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Тебѣ повѣдаю, Баронъ,
 Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
 Парамі Вакха нагрѣвался;
 Липовскій мечъ въ недобрый часъ
 По немъ со звономъ ударялся;
 Сквозь эту кость не проходилъ
 Лучъ животворный Аполлона;
 Ну словомъ, черепъ сей хранилъ,
 Тяжеловѣсный мозгъ Барона,

Барона Д.* Баронъ

Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,

Гроза васаловъ и ихъ женъ.

Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,

И предокъ твой крѣпкоголовый

Смутился бѣ рыцарской душой,

Когда бѣ тебя передъ собой

Увидѣлъ безъ одежды бранной,

Съ главою, миртами вѣнчанной,

Въ очахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ

Ужъ былъ давно записанъ онъ,

И съ предками своими въ Ригѣ

Вкушалъ непробудимый сонъ.

Баронъ въ обители печальной

Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,

Пастора лестью погребальной,

Гербомъ гробницы феодальной

И эпитафіей плохой.

Но въ наши безпокойны годы

Покойникамъ покоя нѣтъ.

Косматый баловень природы,

И математикъ, и поэтъ,

Буднъ задумчивый и важный,

Хирургъ, юристъ, фпзiологъ,
 Идеологъ и филологъ,
 Короче камъ — студентъ присяжный
 Съ виптою трубкою въ зубахъ,
 Въ плащѣ, съ дубинной и въ усахъ
 Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
 Въ практирахъ спалъ онъ пѣнитъ пиво,
 Въ дыму табачныхъ облаковъ;
 Бродитъ надъ берегами моря,
 Мечтаетъ объ Лопхентъ или съ горя
 Снихи писать, да бить Жидовъ.
 Студентъ подъ лѣстницей практика
 Въ каморкѣ племной жилъ одинъ:
 Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
 Короткій плащъ, картузъ, рапира
 Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
 Полуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихте и Платона,
 Да два воспочныхъ лексикона,
 Подъ паупиною въ углу
 Лежали грудой на полу, —
 Предметъ занятій разнородныхъ
 Ученого, да крысъ голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскошь пустой
 Почтенный мыслитель не щипетъ;
 Смѣлся надъ глупой суепою,
 Въ чуланѣ онъ безопасно свещетъ.

Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердечъ высокихъ оппечатокъ.
 Студентъ однако жь наконецъ
 Замѣпилъ важный недоспапокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
 Необходимый былъ... скелетъ,
 Предметъ, философамъ любезный,
 Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ;
 Но гдѣ доспапетъ онъ скелетъ?
 Воптъ онъ однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кнсперомъ градскимъ,
 И топчасъ взявъ въ соображенье
 Его характеръ и служенье,
 Рѣшился подружиться съ нимъ.
 За кружкой пива, мой мечтатель
 Открылся кнспиру душой
 И говоришь: не лъзаль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свеспи меня въ подвалъ могильный,
 Костями праздными обильный
 И между тѣмъ, одинъ скелетъ
 Помочь мнѣ вынеспи на свѣтъ?
 Княнусь тебѣ Айдесскимъ богомъ:
 Онъ будептъ дружбы мнѣ залогомъ
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обипели моей.

Смутился кистерь изумленный.

« Что за желанье ? что за спрасть ?

Иппи въ подвалъ уединенный ,

Встрепожипъ мерпвыхъ сонъ почтенный

И одного изъ нихъ украсъ !

И кпо-же?... Онъ , гробовъ хранитель !

Что скажутъ мерпвые пономъ ? »

Но пиво , спрахъ усыпитель

И гнѣвной совѣспи смпритель ,

Сомнѣнья разрѣшило въ немъ .

Ну , такъ и быть ! Даетъ онъ слово ,

Что къ ночи будетъ все гоново

И другу назначаетъ часъ .

Они распались .

День угасъ ;

Настала ночь . Плащемъ покрытый ,

Стоипъ герой нашъ знаменишый

У галлерей гробовой ,

И съ нимъ преступный кистерь мой ,

Держа въ рукѣ фанаръ разбишый ,

Готовъ на подвигъ роковой .

И вопъ визжипъ замокъ заржавый ,

Визжипъ предательская дверь —

И сходяпъ виписи теперь

Во мракъ подвала величавый ;

Сіаньемъ пощипъ фанаря

Глухіе своды озаря ,

Идутъ — и эхо гробовое

- Смущенное въ своемъ покоѣ ,
Пропяжно впориптъ звукъ шаговъ .
Предъ нѣмъ длинный рядъ гробовъ ;
Вездѣ щипы , гербы , короны ;
Въ щеславномъ плѣнѣ кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные Бароны ....

Я бы никакъ не осмѣлился оставишь риѣмы въ эту поэпическую минушу , если бы твоей прадѣдъ , коего гробъ попался подъ руку студента , вздумалъ за себя всшупишься , ухващя его за воровъ , или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ , или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе ; къ несчастию , похищеніе совершилось благополучно . Сшудентъ по частямъ разобралъ всего Барона , и набилъ карманы костями его . Возвращаясь домой , онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою , и такимъ образомъ составилъ себѣ

скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи Бароновыхъ костей изъ погреба въ практирный чуланъ, разнеслась по городу. Пресупный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то разобравъ опять Барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Д*, онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Обдѣлай ты его, Баронъ,
 Въ благопристойную оправу.

Издѣлье гроба преврати
 Въ увеселительную чашу,
 Виномъ кипящимъ осящяи,
 Да запивай уху да кашу.
 Пѣвцу Корсара подражай
 И Скандинавовъ рай воинской
 Въ пирахъ домашнихъ воскрешай;
 Или какъ Гамлетъ-Баратынской
 Надъ нимъ задумчиво мечтай:
 О жизни мертвый проповѣдникъ,
 Виномъ ли полный иль пуспой,
 Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
 Онъ сшибилъ головы живой.

Я.

К О Н Е Ц Ъ.

2528